

ИД «Академия Естествознания»

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

№ 7 2025

FUNDAMENTAL RESEARCH

Scientific journal

No. 7 2025

PH Academy of Natural History

Фундаментальные исследования

Научный журнал

Журнал издается с 2003 года.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство – ПИ № ФС 77-63397.

«Фундаментальные исследования» – рецензируемый научный журнал, в котором публикуются статьи проблемного и научно-практического характера, научные обзоры.

Журнал включен в действующий Перечень рецензируемых научных изданий (ВАК РФ). К1.

В журнале публикуются статьи, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты завершённых исследований, проблемного или научно-практического характера. Журнал ориентируется на ученых, преподавателей, экономистов. Авторы журнала уделяют особое внимание экономической эффективности рассматриваемых решений.

Основные разделы журнала – экономические науки.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ледванов Михаил Юрьевич, д.м.н., профессор

Технический редактор

Доронкина Е.Н.

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Бичурин Мирза Имамович, д.ф.-м.н., профессор

Корректор

Галенкина Е.С.,

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Бизенкова Мария Николаевна, к.м.н.

Дудкина Н.А.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д.э.н., проф. *Алибеков Ш.И.* (Кизляр); к.э.н., доцент, *Беспалова В.В.* (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. *Бурда А.Г.* (Краснодар); д.э.н., проф. *Василенко Н.В.* (Отрадное); д.э.н., доцент, *Гиззатова А.И.* (Уральск); д.э.н., проф. *Головина Т.А.* (Орел); д.э.н., доцент, *Довбий И.П.* (Челябинск); д.э.н., доцент, *Дорохина Е.Ю.* (Москва); д.э.н., проф. *Зарецкий А.Д.* (Краснодар); д.э.н., проф. *Зобова Л.Л.* (Кемерово); д.э.н., доцент, *Каранина Е.В.* (Киров); д.э.н., проф. *Киселев С.В.* (Казань); д.э.н., проф. *Климовец О.В.* (Краснодар); д.э.н., проф. *Князева Е.Г.* (Екатеринбург); д.э.н., проф. *Коваленко Е.Г.* (Саранск); д.э.н., доцент, *Корнев Г.Н.* (Иваново); д.э.н., проф. *Косякова И.В.* (Самара); д.э.н., проф. *Макринова Е.И.* (Белгород); д.э.н., проф. *Медовый А.Е.* (Пятигорск); д.э.н., проф. *Покрытан П.А.* (Москва); д.э.н., доцент, *Потышняк Е.Н.* (Харьков); д.э.н., проф. *Поспелов В.К.* (Москва); д.э.н., проф. *Роздольская И.В.* (Белгород); д.э.н., доцент, *Самарина В.П.* (Старый Оскол); д.э.н., проф. *Серебрякова Т.Ю.* (Чебоксары); д.э.н., проф. *Скуфьина Т.П.* (Апатиты); д.э.н., проф. *Титов В.А.* (Москва); д.э.н., доцент, *Федотова Г.В.* (Волгоград); д.э.н., проф. *Филькевич И.А.* (Москва); д.э.н., проф. *Халиков М.А.* (Москва); д.э.н., проф. *Цапулина Ф.Х.* (Чебоксары); д.э.н., проф. *Чиладзе Г.Б.* (Тбилиси); д.э.н., доцент, *Ювица Н.В.* (Астана); д.э.н., доцент, *Юрьева Л.В.* (Екатеринбург)

ISSN 1812-7339

Электронная версия: <http://fundamental-research.ru>

Правила для авторов: <http://fundamental-research.ru/ru/rules/index>

Двухлетний импакт-фактор РИНЦ = 1,674

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ = 0,473

Периодичность	12 номеров в год		
Учредитель, издатель и редакция	ООО ИД «Академия Естествознания»		
Почтовый адрес	105037, г. Москва, а/я 47		
Адрес редакции и издателя	440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, 3		
Типография	ООО «НИЦ Академия Естествознания» 410035, г. Саратов, ул. Мамонтовой, 5		
E-mail	edition@rae.ru	Телефон	+7 (499) 705-72-30
Подписано в печать	30.07.2025	Дата выхода номера	29.08.2025
Формат	60х90 1/8	Усл. печ. л.	17,25
Тираж	1000 экз.	Заказ	ФИ 2025/7

Распространяется по свободной цене

Подписной индекс в электронном каталоге «Почта России»: ПА035

© ООО ИД «Академия Естествознания»

Fundamental research

Scientific journal

The journal has been published since 2003.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. **Certificate – PI No. FS 77-63397.**

"Basic Research" is a peer-reviewed scientific journal, which publishes articles of a problematic, scientific and practical nature and scientific reviews.

The journal is included in the current List of peer-reviewed scientific publications (**HCC RF**). **K1.**

The journal publishes articles of scientific novelty, which are the results of completed research, of a problematic or scientific-practical nature. The journal focuses on scientists, teachers, economists. The authors of the journal pay special attention to the economic efficiency of the considered solutions.

The main sections of the journal are economic sciences.

CHIEF EDITOR

Ledvanov Mikhail Yurievich, Dr. Sci. (Medical), Prof.

Technical editor

Doronkina E.N.

DEPUTY CHIEF EDITOR

Bichurin Mirza Imamovich, Dr. Sci. (Physical and Mathematical), Prof.

Corrector

Galenkina E.S.,

Dudkina N.A.

EXECUTIVE SECRETARY

Bizenkova Maria Nikolaevna, Cand. Sci. (Medical)

EDITORIAL BOARD

Dr. of Economics, Prof. **Alibekov Sh.I.** (Kizlyar); Cand. of Economics, Docent, **Bespalova V.V.** (Saint Petersburg); Dr. of Economics, Prof. **Burda A.G.** (Krasnodar); Dr. of Economics, Prof. **Vasilenko N.V.** (Otradnoye); Dr. of Economics, Docent, **Gizzatova A.I.** (Uralsk); Dr. of Economics, Prof. **Golovina T.A.** (Orel); Dr. of Economics, Docent, **Dovbiy I.P.** (Chelyabinsk); Dr. of Economics, Docent, **Dorokhina E.Yu.** (Moscow); Dr. of Economics, Prof. **Zaretsky A.D.** (Krasnodar); Dr. of Economics, Prof. **Zobova L.L.** (Kemerovo); Dr. of Economics, Docent, **Karanina E.V.** (Kirov); Dr. of Economics, Prof. **Kiselev S.V.** (Kazan); Dr. of Economics, Prof. **Klimovets O.V.** (Krasnodar); Dr. of Economics, Prof. **Knyazeva E.G.** (Ekaterinburg); Dr. of Economics, Prof. **Kovalenko E.G.** (Saransk); Dr. of Economics, Docent, **Kornev G.N.** (Ivanovo); Dr. of Economics, Prof. **Kosyakova I.V.** (Samara); Dr. of Economics, Prof. **Makrinova E.I.** (Belgorod); Dr. of Economics, Prof. **Medovyy A.E.** (Pyatigorsk); Dr. of Economics, Prof. **Pokrytan P.A.** (Moscow); Dr. of Economics, Docent, **Potyshnyak E.N.** (Khar'kov); Dr. of Economics, Prof. **Pospelov V.K.** (Moscow); Dr. of Economics, Prof. **Rozdolskaya I.V.** (Belgorod); Dr. of Economics, Docent, **Samarina V.P.** (Sary Oskol); Dr. of Economics, Prof. **Serebryakova T.Yu.** (Cheboksary); Dr. of Economics, Prof. **Skufina T.P.** (Apatity); Dr. of Economics, Prof. **Titov V.A.** (Moscow); Dr. of Economics, Docent, **Fedotova G.V.** (Volgograd); Dr. of Economics, Prof. **Filkevich I.A.** (Moscow); Dr. of Economics, Prof. **Khalikov M.A.** (Moscow); Dr. of Economics, Prof. **Tsapulina F.Kh.** (Cheboksary); Dr. of Economics, Prof. **Chiladze G.B.** (Tbilisi); Dr. of Economics, Docent, **Yuvitsa N.V.** (Astana); Dr. of Economics, Docent, **Yurieva L.V.** (Ekaterinburg)

ISSN 1812-7339

Electronic version: <http://fundamental-research.ru>

Rules for authors: <http://fundamental-research.ru/ru/rules/index>

Impact-factor RISQ (two-year) = 1,674

Impact-factor RISQ (five-year) = 0,473

Periodicity	12 issues per year		
Founder, publisher and editors	LLC PH Academy of Natural History		
Mailing address	105037, Moscow, p.o. box 47		
Editorial and publisher address	440026, Penza, st. Lermontov, 3		
Printing house	LLC SPC Academy of Natural History 410035, Saratov, st. Mamontova, 5		
E-mail	edition@rae.ru	Telephone	+7 (499) 705-72-30
Signed for print	30.07.2025	Number issue date	29.08.2025
Format	60x90 1/8	Conditionally printed sheets	17,25
Circulation	1000 copies	Order	ФИ 2025/7

Distribution at a free price

Subscription index in the Russian Post electronic catalog: PA035

© LLC PH Academy of Natural History

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки (5.2.4 Финансы, 5.2.5 Мировая экономика)

СТАТЬИ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДИК ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ МАЛОГО БИЗНЕСА <i>Водопьянова В.А., Ушкова А.Д.</i>	8
АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТА И ЛОГИСТИКИ СТРАН БРИКС С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНДЕКСОВ <i>Кархова С.А.</i>	14
ОСОБЕННОСТИ АУДИТА РЕГЕНЕРАТИВНОГО БИЗНЕСА И ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ЕГО ПРОВЕДЕНИИ <i>Кизилев А.Н., Чернышева Ю.Г.</i>	24
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАХОВОЙ КОМПАНИИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ <i>Климова Н.В., Гончарова Н.А.</i>	30
ИНВЕСТИЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ <i>Матвиенко И.И.</i>	36
ИНВЕСТИЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ И ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: РИСКИ, БАРЬЕРЫ И АДАПТАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ <i>Мухамбеталиева О.Р., Моргунова А.Д.</i>	43
ЭКОНОМИКА САНКЦИЙ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ПАРАДОКСЫ ИЗОЛЯЦИИ <i>Руденко Л.Г.</i>	48
ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ <i>Салькина А.Р., Якименко А.В.</i>	56

НАУЧНЫЙ ОБЗОР

ИНТЕГРАЦИЯ ПРЕВЕНТИВНОГО И РЕАКТИВНОГО КОНТРОЛЯ В УПРАВЛЕНИИ БАНКОВСКИМИ РИСКАМИ: КОНЦЕПЦИЯ ПРОАКТИВНОГО НАДЗОРА <i>Квициния А.В., Кувишинова Ю.А.</i>	61
---	----

Экономические науки (5.2.3 Региональная и отраслевая экономика)

СТАТЬИ

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРЕСТУПНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ <i>Бикеева М.В., Борисова Е.Г.</i>	74
---	----

ДИАГНОСТИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСБАЛАНСОВ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ И ТОРГОВО-СЕРВИСНОМ СЕКТОРАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СУБЪЕКТОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА <i>Вилачева М.Н., Мустафина О.В., Петухова С.В., Натальина Т.В.</i>	80
ВЛИЯНИЕ ИНКЛЮЗИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА В РОССИИ <i>Воротилова О.А., Плешакова М.В., Аркаути В.В.</i>	86
ПРОГРАММНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ КОННОГО ТУРИЗМА КАК ПЕРСПЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ ТУРИСТСКОЙ РЕКРЕАЦИИ НА ЮГЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ <i>Гомилевская Г.А.</i>	92
КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ НИЗКОУГЛЕРОДНЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ В РЕГИОНАХ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА <i>Двинин Д.Ю., Даванков А.Ю., Малыгин Н.В., Сидельников П.А.</i>	102
ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ АГЛОМЕРАЦИЙ РЕГИОНА <i>Косинский П.Д., Харитонов А.В.</i>	109
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ESG-РЕШЕНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ДЛЯ ПЕРЕХОДА К ИННОВАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ <i>Курдюмов А.В., Шеина Е.Г., Мещерягина В.А.</i>	117
НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ ОБРАБОТКИ И УТИЛИЗАЦИИ ОТХОДОВ <i>Ялунина Е.Н., Матвеева А.И., Потысьев О.Н.</i>	126

CONTENTS

Economic sciences (5.2.4 Finance, 5.2.5 World economy)

ARTICLES

COMPARATIVE ANALYSIS OF FINANCIAL SECURITY ASSESSMENT METHODS FOR SMALL BUSINESSES

Vodopyanova V.A., Ushkova A.D. 8

ANALYSIS OF TRANSPORT AND LOGISTICS DEVELOPMENT OF THE BRICS MEMBER STATES USING GLOBAL INDICES

Karkhova S.A. 14

FEATURES OF AUDIT OF REGENERATIVE BUSINESS AND THE POSSIBILITIES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ITS CONDUCT

Kizilov A.N., Chernysheva Yu.G. 24

ECONOMIC SECURITY OF AN INSURANCE COMPANY IN THE CONTEXT OF PROSPECTS FOR ITS EFFECTIVENESS

Klimova N.V., Goncharova N.A. 30

INVESTMENT LEGISLATION OF THE RUSSIAN ARCTIC REGIONS: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Matvienko I.I. 36

INVESTMENT STRATEGIES AND INVESTMENT CLIMATE IN MODERN CONDITIONS: RISKS, BARRIERS AND ADAPTATION MECHANISMS

Mukhambetalieva O.R., Morgunova A.D. 43

ECONOMICS OF SANCTIONS: SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES AND PARADOXES OF ISOLATION

Rudenko L.G. 48

IMPORT SUBSTITUTION: CURRENT DEVELOPMENT PROSPECTS

Salkina A.R., Yakimenko A.V. 56

REVIEW

INTEGRATION OF PREVENTIVE AND REACTIVE CONTROL IN BANK RISK MANAGEMENT: THE CONCEPT OF PROACTIVE SUPERVISION

Kvitsinia A.V., Kuvshinova Yu.A. 61

Economic sciences (5.2.3 Regional and sectoral economics)

ARTICLES

STATISTICAL ASSESSMENT OF CRIME: REGIONAL ASPECT

Bikeeva M.V., Borisova E.G. 74

DIAGNOSTICS OF REGIONAL IMBALANCES IN THE AGROINDUSTRIAL AND TRADE AND SERVICE SECTORS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SUBJECTS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT <i>Vilacheva M.N., Mustafina O.V., Petukhova S.V., Natalina T.V.</i>	80
THE IMPACT OF INCLUSIVE TECHNOLOGIES ON COMPETITIVENESS AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESSES IN RUSSIA <i>Vorotilova O.A., Pleshakova M.V., Arkauti V.V.</i>	86
A PROGRAMMATIC AND METHODOLOGICAL APPROACH TO ORGANIZING EQUESTRIAN TOURISM AS A PROMISING MODEL OF TOURIST RECREATION IN THE SOUTH OF PRIMORSKY KRAI <i>Gomilevskaya G.A.</i>	92
COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF THE POSSIBILITY OF DEVELOPING LOW-CARBON ENERGY SOURCES IN THE REGIONS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT <i>Dvinin D.Yu., Davankov A.Yu., Malygin N.V., Sidelnikov P.A.</i>	102
TERRITORIES OF ADVANCED SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AS A TOOL FOR ECONOMIC DIVERSIFICATION AGGLOMERATIONS OF THE REGION <i>Kosinskiy P.D., Kharitonov A.V.</i>	109
USING ESG SOLUTIONS IN THE ACTIVITIES OF INDUSTRIAL ENTERPRISES FOR THE TRANSITION TO INNOVATIVE DEVELOPMENT <i>Kurdyumov A.V., Sheina E.G., Mescheryagina V.A.</i>	117
SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSING INVESTMENT ATTRACTIVENESS ACTIVITIES OF ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF WASTE TREATMENT AND DISPOSAL <i>Yalunina E.N., Matveeva A.I., Potysev O.N.</i>	126

СТАТЬИ

УДК 336.02:332.146.2
DOI**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДИК ОЦЕНКИ
ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ МАЛОГО БИЗНЕСА****Водопьянова В.А., Ушкова А.Д.***ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»,
Владивосток, e-mail: lina.ushkova@bk.ru*

В настоящее время особое внимание уделяется поддержке малого бизнеса как ключевого фактора ускорения регионального развития. Эффективное функционирование всех подсистем компаний, особенно финансовой, напрямую влияет на экономический рост и конкурентоспособность региона. Оценка финансовой безопасности позволяет получить четкое представление об эффективности деятельности предприятия, его финансовом положении и угрозах. В современной практике представлено большое количество методик оценки финансовой безопасности, поэтому важно определить наиболее оптимальные. Целью статьи является проведение сравнительного анализа методик оценки финансовой безопасности предприятий малого бизнеса, предложенных Л.А. Запорожцевой, Р.С. Папехиным и О.Г. Блажевичем, на примере предприятия малого бизнеса Приморского края. В работе использованы материалы российских авторов, изучающих сущность финансовой составляющей и методы ее оценки, применены методы анализа и сравнения. Проводится сравнительный анализ трех методик оценки уровня финансовой безопасности, позволяющих проанализировать текущую финансовую ситуацию и выявить потенциальные риски. Результаты исследования показали, что из рассмотренных подходов методика О.Г. Блажевича наиболее эффективно учитывает динамику финансовых показателей и позволяет более точно выявлять риски, связанные с финансовой устойчивостью предприятий малого бизнеса.

Ключевые слова: региональная экономика, малый бизнес, экономическая безопасность, финансовая безопасность, методики оценки, ликвидность, деловая активность, рентабельность

**COMPARATIVE ANALYSIS OF FINANCIAL SECURITY
ASSESSMENT METHODS FOR SMALL BUSINESSES****Vodopyanova V.A., Ushkova A.D.***Vladivostok State University, Vladivostok, e-mail: lina.ushkova@bk.ru*

Currently, special attention is being paid to supporting small businesses as a key factor in accelerating regional development. The effective functioning of all subsystems of companies, especially financial ones, directly affects the economic growth and competitiveness of the region. An assessment of financial security allows you to get a clear picture of the effectiveness of an enterprise, its financial situation and threats. In modern practice, there are a large number of methods for assessing financial security, so it is important to determine the most optimal ones. The purpose of the article is to conduct a comparative analysis of methods for assessing the financial security of small businesses, proposed by L.A. Zaporozhtseva, R.S. Papekhin and O.G. Blazhevich on example, a small business enterprise in Primorsky Krai. The work uses materials from Russian authors who study the essence of the financial component and methods of its assessment, applied methods of analysis and comparison. A comparative analysis of three methods for assessing the level of financial security is carried out, which make it possible to analyze the current financial situation and identify potential risks. The results of the study showed that of the considered approaches, O.G. Blazhevich's methodology most effectively takes into account the dynamics of financial indicators and allows for more accurate identification of risks associated with the financial stability of small businesses.

Keywords: regional economy, small business, economic security, financial security, assessment methods, liquidity, business activity, profitability

Введение

В настоящее время в Российской Федерации насчитывается 7821 тыс. предприятий, из них 6750 тыс. субъектов МСП (86%) [1]. Среди субъектов МСП 94,34% составляют малые предприятия (6368 тыс.). В Приморском крае ситуация схожая: здесь зарегистрировано 88 тыс. субъектов МСП, из которых 87,67 тыс. являются малыми предприятиями, что составляет 99,63% [2]. Поддержка малого бизнеса является одним из ключевых факторов устойчивого экономического развития регионов России, и Приморский край не является исключением. В условиях глобальных экономических

вызовов и неопределенности малые предприятия становятся важными двигателями инноваций, создания рабочих мест и повышения конкурентоспособности региональной экономики. В данном контексте особое внимание следует уделить оценке финансовой безопасности малых предприятий, что позволяет не только выявить их сильные и слабые стороны, но и разработать стратегии для дальнейшего роста и развития.

Экономический успех работы фирм в основном определяется тем, как обеспечивается в них экономическая безопасность [3]. Термин «экономическая безопасность» был впервые использован в США

в 1934 г. президентом страны Т. Рузвельтом [4]. А.В. Ломовцева и Т.В. Трофимова считают, что экономическая безопасность – это «состояние наиболее эффективного использования его ресурсов в целях обеспечения его защиты от отрицательного влияния внешних и внутренних угроз, различных дестабилизирующих факторов» [5]. Н.Н. Сигитова определяет состояние экономической безопасности предприятия как «автономность, способность к выживанию и развитию в условиях влияния неблагоприятных и трудно прогнозируемых факторов экзо- или эндогенного характера» [6].

Экономическая безопасность состоит из финансовой, кадровой, технико-технологической и информационной безопасности [7]. В общей системе элементов экономической безопасности финансовая составляющая занимает ключевое место из-за своего основополагающего значения для структуры и уровня финансового потенциала предприятия» [8].

По мнению Д.Ю. Фомина, финансовая безопасность – это «способность предприятия обеспечить финансовую устойчивость в условиях возникающих вызовов внутренней и внешней среды предприятия» [9]. Л.С. Качанова и О.А. Белова считают, что финансовая составляющая – это «состояние защищенности предприятия от негативного влияния внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается устойчивая реализация основных коммерческих интересов и целей уставной деятельности» [10]. По мнению Н.С. Валькова, финансовая безопасность – это «состояние защищенности финансовой системы предприятия, характеризующееся устойчивостью, эффективным использованием финансовых ресурсов, способностью противостоять существующим и потенциальным угрозам различного характера» [11]. По Е.А. Горловской, «финансовая безопасность – состояние финансовой системы организации, обеспечивающее наиболее эффективное использование корпоративных ресурсов, противодействуя угрозам и при этом способствуя достижению целей бизнеса» [12].

Цель исследования – проведение сравнительного анализа методик оценки финансовой безопасности предприятия, предложенных Л.А. Запорожцевой, Р.С. Папехиным и О.Г. Блажевичем.

Объектом исследования является субъект малого бизнеса ООО «Поток», который осуществляет розничную торговлю текстильными изделиями в специализированных магазинах.

ООО «Поток» является представительным для характеристики малого бизнеса

Приморского края, поскольку оно функционирует в рамках одной из важных отраслей региона – торговли текстильными изделиями. В настоящее время в Приморском крае зарегистрировано 27 компаний, осуществляющих розничную торговлю текстильными изделиями в специализированных магазинах (код ОКВЭД 47.51). Среди них можно выделить как крупные, так и мелкие предприятия малого бизнеса. Например, такие компании, как «Виктория-Н» и «Милан», занимают значительные доли рынка. В то же время ООО «Поток» занимает среднее положение среди конкурентов (4-е место), что позволяет оценить его как типичный пример малого бизнеса в данной отрасли.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования являются статьи российских авторов, в которых раскрываются сущность, цели и задачи финансовой составляющей экономической безопасности, а также методики для ее оценки. В ходе исследования были применены такие методы, как анализ и сравнение.

Результаты исследования и их обсуждение

Среди изученных подходов к оценке финансовой безопасности можно выделить методики Л.А. Запорожцевой [13, с. 143–144], Р.С. Папехина [14, с. 19] и О.Г. Блажевича [15], поскольку каждая из этих методик имеет свои уникальные подходы и преимущества, что позволяет получить более полное представление о финансовой безопасности. Стоит учесть, что показатели приведенных методик могут быть успешно рассчитаны по упрощенной бухгалтерской отчетности малого бизнеса.

Л.А. Запорожцева предлагает подход к оценке финансовой составляющей компании, который основывается на использовании контрольных точек. Эти точки сопоставляются с фактическими данными, после чего осуществляется анализ полученных результатов. После расчета показателей финансовой безопасности и их классификации на категории «опасно» и «безопасно» автор рекомендует установить общий уровень финансовой безопасности предприятия. Если число «опасных» контрольных точек составляет ноль, одну или две, уровень финансовой безопасности можно считать «высоким». В случае же, если таких точек три и более, это сигнализирует о «низком» уровне безопасности.

Оценка финансовой безопасности по методике Л.А. Запорожцевой на примере ООО «Поток» представлена в табл. 1.

Таблица 1

Оценка финансовой составляющей ООО «Поток» за 2024 г.
по методике Л.А. Запорожцевой

Контрольные точки	Пороговое значение	Данные предприятия
«Коэффициент текущей ликвидности»	Больше (равно) 1	4,09 (безопасно)
«Коэффициент автономии»	Больше (равно) 0,5	0,76 (безопасно)
«Плечо финансового рычага»	Меньше (равно) 1	0,32 (безопасно)
«Рентабельность активов»	Больше индекса инфляции	7,45 (индекс инфляции – 9,52) (опасно)
«Рентабельность собственного капитала»	Больше рентабельности активов	9,98 (безопасно)
«Темп роста прибыли»	Больше темп роста выручки	1,13 (безопасно)
«Темп роста выручки»	Больше темпа роста активов	0,96 (безопасно)
«Темп роста активов»	Больше 100	0,84 (опасно)
«Оборачиваемость дебиторской задолженности»	Больше (равно) 12	3,65 (опасно)
«Оборачиваемость кредиторской задолженности»	Больше (равно) оборачиваемости дебиторской задолженности	3,43 (опасно)
«Достаточность денежных средств на счетах»	Больше (равно) 1	37,27 (безопасно)
«Средневзвешенная стоимость капитала»	Меньше рентабельности активов	0,001 (безопасно)
«Экономическая добавленная стоимость»	Больше 0	2681,75 (безопасно)

Источник: составлено авторами на основе [13].

Из 12 контрольных точек 8 имеют статус «безопасно», а 4 – «опасно». С учетом наличия четырех небезопасных показателей уровень финансовой безопасности ООО «Поток» можно расценивать как «низкий». Недостаточный темп роста активов свидетельствует о снижении спроса на товары компании, а также недостаточную инвестиционную активность, неэффективное управление ресурсами. Низкая рентабельность активов указывает на неэффективное использование активов, повышенные операционные расходы и низкие цены на товары, что в свою очередь снижает прибыльность компании. Низкая оборачиваемость дебиторской задолженности свидетельствует о том, что компания испытывает трудности с взысканием долгов, что приводит к ухудшению ликвидности и увеличению риска неплатежеспособности в краткосрочной перспективе. Низкая оборачиваемость кредиторской задолженности указывает на то, что компания неэффективно управляет своими обязательствами, что может привести к проблемам с платежеспособностью и финансовым рискам.

Методика охватывает множество аспектов финансовой безопасности, позволяя

получить представление о состоянии компании, не требует сложных вычислений и может быть использована для анализа различных компаний, что делает ее доступной для практического применения. Однако эта методика может не учитывать все аспекты финансовой деятельности компании, что может привести к неполному пониманию ее финансового состояния. Классификация показателей как «безопасных» или «опасных» может зависеть от конкретных условий рынка и экономической ситуации, что делает ее менее универсальной. В целом методика Л.А. Запорожцевой предоставляет полезный инструмент для оценки финансовой безопасности, однако следует учитывать ее ограничения и использовать в сочетании с другими методами анализа.

Методика Р.С. Папехина представляет собой систему индикаторов финансовой устойчивости, направленную на оценку экономической безопасности предприятия. Она включает в себя ряд ключевых показателей, каждый из которых имеет пороговые значения, позволяющие определить степень финансовой устойчивости и риски, связанные с деятельностью компании.

Таблица 2

Оценка финансовой составляющей ООО «Поток» за 2024 г.
по методике Р.С. Папехина

Индикатор	Пороговое значение	Данные предприятия
«Коэффициент покрытия»	1,0	4,09 (соответствует)
«Коэффициент автономии»	0,3	0,76 (соответствует)
«Рентабельность активов»	% инфляции	7,45 (не соответствует)
«Рентабельность собственного капитала»	15 %	9,98 (не соответствует)
«Средневзвешенная стоимость капитала (WACC)»	Рентабельность активов	0,001 (соответствует)
«Временная структура кредитов»	Кредиты сроком до 1 г. – менее 30%. Кредиты сроком более 1 г. – менее 70 %	Кредиты сроком до 1 г. – 18,7%, кредиты сроком свыше 1 г. – 0 % (соответствует)
«Показатели диверсификации покупателей и поставщиков»	10 %	Доля в выручке одного покупателя (в среднем) – 2,56%, доля в выручке одного поставщика (в среднем) – 1,08 % (соответствует)
«Темпы роста прибыли, реализации продукции, активов»	Темпы роста прибыли больше темпов роста реализации продукции больше темпов роста активов	1,13 > 0,96 > 0,84 (соответствует)
«Соотношение оборачиваемости дебиторской и кредиторской задолженности»	Период оборота дебиторской задолженности больше периода оборота кредиторской	100,06 < 106,37 (не соответствует)

Источник: составлено авторами на основе [14].

Оценка финансовой безопасности ООО «Поток» по методике Р.С. Папехина представлена в табл. 2.

Анализ финансовой безопасности ООО «Поток» за 2024 г. по методике Р.С. Папехина показывает, что из девяти оцененных показателей шесть соответствуют нормативным значениям, в то время как три показателя не соответствуют. Снижение рентабельности активов и собственного капитала связано со снижением доходов от основной деятельности, что указывает на ухудшение операционной эффективности, низкой эффективностью использования активов и достаточно высоких затрат. Постоянное несоответствие оборачиваемости дебиторской и кредиторской задолженности сигнализирует о проблемах с взысканием долгов. Уровень финансовой безопасности по данной методике считается средним.

Методика Р.С. Папехина включает в себя множество индикаторов, что позволяет получить представление о финансовой устойчивости предприятия. Но при этом нет конечного подсчета результатов, что позволило бы определить итоговый уровень финансовой безопасности.

Процесс применения методики О.Г. Блажевича можно разделить на три этапа. На первом этапе рассчитываются показате-

ли, которые служат индикаторами финансовой устойчивости. На втором определяется степень отклонения фактического значения от нормативного по следующим формулам:

- если направление оптимизации показателя max (показатель должен увеличиваться):

$$X_i = a_i / a_i^n, \quad (1)$$

где a_i – фактическое значение показателя;
 a_i^n – пороговое значение показателя.
 – если направление оптимизации показателя min (показатель должен снижаться):

$$X_i = a_i^n / a_i, \quad (2)$$

В данной методике 10 показателей с динамикой увеличения и 10 с динамикой уменьшения.

На третьем этапе рассчитывается комплексная интегральная оценка общего уровня финансовой составляющей предприятия по следующей формуле:

$$R_{\text{фб}} = x_1 \pm x_2 \pm x_3 \pm \dots \pm x_n, \quad (3)$$

где $R_{\text{фб}}$ – интегральная оценка уровня финансовой безопасности предприятия;
 $x_1, x_2, x_3 \dots x_n$ – совокупные показатели по каждой группе.

Оценка финансовой безопасности ООО «Поток» по методике О.Г. Блажевича представлена в табл. 3.

Таблица 3

Оценка финансовой составляющей ООО «Поток» за 2024 г.
по методике О.Г. Блажевича

Показатель	Пороговое значение	Динамика	Данные предприятия	Отклонение от порогового значения
Индикаторы ликвидности				
«Коэффициент абсолютной ликвидности»	0,275	Увеличение	0,07	0,25
«Коэффициент быстрой ликвидности»	1,0	Увеличение	0,84	0,84
«Коэффициент текущей ликвидности»	1,25	Увеличение	4,09	3,27
Совокупный индикатор				4,36
Индикаторы финансовой независимости				
«Коэффициент концентрации собственного капитала»	0,5	Увеличение	0,76	1,52
«Коэффициент финансовой стабильности»	1,0	Увеличение	0,32	0,32
«Коэффициент финансовой устойчивости»	0,85	Увеличение	0,76	0,89
Совокупный индикатор				2,73
Индикаторы деловой активности				
«Оборачиваемость средств в расчетах»	30 дней	Уменьшение	100,6	0,3
«Оборачиваемость запасов»	15 дней	Уменьшение	334,08	0,04
«Оборачиваемость кредиторской задолженности»	30 дней	Уменьшение	95,12	0,32
«Оборачиваемость собственного капитала»	1,5	Увеличение	1,11	0,74
«Оборачиваемость мобильных активов»	1,5	Увеличение	0,83	0,55
«Оборачиваемость совокупного капитала»	1,0	Увеличение	0,83	0,83
Совокупный индикатор				2,78
Индикаторы эффективности деятельности				
«Рентабельность совокупного капитала»	2,5 %	Увеличение	0,09	0,04
«Рентабельность собственного капитала»	5,0 %	Увеличение	9,98	2
«Валовая рентабельность реализованной продукции»	20,0 %	Увеличение	11	0,55
«Чистая рентабельность реализованной продукции»	5,0 %	Увеличение	10,05	2,01
Совокупный индикатор				4,6

Источник: составлено авторами на основе [15].

Таблица 4

Расчет интегрального показателя ООО «Поток» за 2024 г.
по методике О.Г. Блажевича

Показатель	Нормативное значение	Данные предприятия
Совокупный показатель ликвидности	3	4,36
Совокупный показатель финансовой независимости	3	2,73
Совокупный показатель деловой активности	6	2,78
Совокупный показатель эффективности деятельности	4	4,60
Интегральный показатель финансовой безопасности	16	14,47

После расчета всех совокупных показателей по каждой группе необходимо рассчитать интегральный показатель (табл. 4).

Таким образом, интегральный показатель финансовой безопасности ООО «Поток» в 2024 г. не дотягивает до норматив-

ного значения. В случае продолжения негативных тенденций, отражающих финансовое положение, организация рискует потерять свою финансовую защищенность. Таким образом, уровень финансовой безопасности – низкий. Низкие значения коэффициентов абсолютной и быстрой ликвидности указывают на недостаточную способность предприятия покрывать свои краткосрочные обязательства. Это связано с недостатком оборотных средств (по большей части денежных средств). Увеличение оборачиваемости средств в расчетах и запасов указывает на проблемы с взысканием долгов и реализацией товаров. Низкие показатели рентабельности совокупного капитала и валовой рентабельности реализованной продукции объясняют падение продаж из-за снижения спроса на товары. В последние годы наблюдается тенденция, когда покупатели предпочитают заказывать текстильные изделия через маркетплейсы. Удобство онлайн-шоппинга, широкий ассортимент и зачастую более низкие цены на таких платформах привлекают внимание потребителей.

Данная методика позволяет рассмотреть финансовую безопасность предприятия в комплексе, учитывая множество показателей, что способствует более глубокому анализу. Интегральная оценка позволяет легко представить уровень финансовой безопасности в виде одного показателя, что упрощает восприятие.

Заключение

Финансовая составляющая экономической безопасности ООО «Поток» за 2024 г. была комплексно оценена с использованием трех различных методик, каждая из которых имеет свои преимущества. Методология Л.А. Запорожцевой позволяет выявить контрольные точки и их соответствие фактическим значениям, что дает возможность провести детальный анализ результатов. Метод Р.С. Папехина, в свою очередь, обеспечивает систематизацию показателей с учетом пороговых значений. По мнению авторов, наиболее объективной и полной оказалась методика О.Г. Блажевича, которая обеспечивает интегральную обобщающую оценку и позволит более полно отразить состояние финансовой безопасности организаций малого бизнеса.

Список литературы

1. Аналитический портал ФНС России. [Электронный ресурс]. URL: <https://analytic.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 01.05.2025).
2. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Федеральная налоговая служба РФ. [Элек-

тронный ресурс]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/?ref=vc.ru> (дата обращения: 02.05.2025).

3. Сухова А.Р., Гатиятуллин Т.Р. Об экономической безопасности предприятия // Научный журнал. 2016. № 1. С. 33–35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ekonomicheskoy-bezopasnosti-predpriyatiya> (дата обращения: 03.05.2025). EDN: VKGLOR.

4. Козлова А.В. Экономическая безопасность как явление и понятие // Власть. 2009. № 1. С. 14–17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-bezopasnost-kak-yavlenie-i-ponyatie> (дата обращения: 10.05.2025).

5. Ломовцева А.В., Трофимова Т.В. Инновационная активность и формирование экономической безопасности предприятий // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 15 мая 2013 г.). Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного технического университета им. П.Е. Алексеева, 2019. С. 399–403. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29098843> (дата обращения: 15.05.2025). EDN: YMUAGR.

6. Сигитова Н.Н. Разработка методики диагностики экономической безопасности предприятия // Аваль. 2007. № 4. С. 41–46. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11609971> (дата обращения: 15.05.2025). EDN: JUBPDL.

7. Водопьянова В.А., Ющенко А.В. Анализ теоретических подходов к понятию экономической безопасности организации // Актуальные вопросы современной экономики. 2021. № 7. С. 97–101. URL: <https://elibrary.ru/rcheby> (дата обращения: 17.05.2025).

8. Сорокина О.Н. Содержание финансовой безопасности предприятия // Российское предпринимательство. 2012. № 14. С. 74–80. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17841066> (дата обращения: 19.05.2025).

9. Фомин Д.Ю. Понятие финансовой составляющей экономической безопасности предприятия // Научные известия. 2022. № 30. С. 53–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-finansovoy-sostavlyayushchey-ekonomicheskoy-bezopasnosti-predpriyatiya> (дата обращения: 21.05.2025).

10. Качанова Л.С., Белова О.А. Финансовая безопасность в оценке деятельности предприятия // Инновационная наука. 2021. № 11. С. 47–49. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47131361> (дата обращения: 21.05.2025). EDN: YYOBRG.

11. Вальков Н.С. Понятие и место финансовой безопасности в системе экономической безопасности предприятия // Вектор экономики. 2020. № 2. 8 с. URL: <https://vectoreconomy.ru/images/publications/2020/2/economicsmanagement/Valkov.pdf> (дата обращения: 22.05.2025). EDN: JITSIV.

12. Горловская Е.А. Актуальные подходы к определению понятия финансовая безопасность предприятия // Аллея науки. 2020. № 7. С. 1–4. URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/1July2020/AKTUALNYE%20PODODY%20K%20OPREDELENIYu%20PONYaTIYa%20FINANSOVAYa%20BEZOPASNOST%20PREDPRIYatiYa (дата обращения: 22.05.2025).

13. Запорожцева Л.А. Стратегическая экономическая безопасность в системе жизненного цикла предприятия: автореф. дис. ... док. экон. наук. Тамбов, 2015. 48 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://dissert.tutmb.ru/uploaddocuments/dissertacii/zaporozhceva.pdf> (дата обращения: 23.05.2025).

14. Папехин Р.С. Факторы финансовой устойчивости и безопасности предприятия: автореф. дис. ... док. экон. наук. Волгоград, 2007. 22 с. [Электронный ресурс]. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01003320099.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

15. Блажевич О.Г. Финансовая безопасность предприятий: определение минимально необходимого уровня // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2010. № 3. С. 25–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-bezopasnost-predpriyatiy-opredelenie-minimalno-neobhodimogo-urovnya> (дата обращения: 31.05.2025).

УДК 339.97
DOI**АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТА И ЛОГИСТИКИ СТРАН БРИКС
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНДЕКСОВ****Кархова С.А.***ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», Иркутск,
e-mail: 342428@mail.ru*

В статье выполнен сравнительный анализ и оценка транспортной инфраструктуры и логистического обеспечения межправительственной организации «Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика». Объектом исследования является базовый состав и расширенный в 2024 г. состав членов данной организации. Показателями анализа являются три глобальных индекса, рассчитываемые международными организациями с целью составления глобальных рейтингов стран по уровню развития транспорта и логистики: индекс развития логистики, индекс устойчивости грузоперевозок и оценка развития транспортной инфраструктуры в индексе глобальной конкурентоспособности. Анализ сделан также по компонентам глобальных индексов. Выполнен детальный анализ и составлен профиль стран по компонентам каждого индекса. Для оценки общего состояния транспорта и логистики блока рассчитаны индекс организации как среднее значение стран-членов. Дисперсионный анализ установил наличие взаимосвязи и согласованности в оценках индексов. В результате анализа установлено значительное различие в уровнях развития транспорта и логистики стран – членов межправительственного объединения. В блоке лидером рейтингов по транспорту и логистике являются Объединенные Арабские Эмираты. Транспорт и логистика Российской Федерации соответствуют средним оценкам по объединению. Показатели развития транспорта и логистики исследуемой межправительственной организации значительно уступают лучшему достигнутому мировому уровню. Автор предлагает рассматривать выявленное отставание как потенциал для роста и качественного улучшения экономики государств на основе модернизации транспортной инфраструктуры и цифровизации логистики.

Ключевые слова: транспорт, логистика, рейтинг, индекс устойчивости грузоперевозок, индекс глобальной конкурентоспособности, индекс развития логистики

**ANALYSIS OF TRANSPORT AND LOGISTICS DEVELOPMENT
OF THE BRICS MEMBER STATES USING GLOBAL INDICES****Karkhova S.A.***Baikal State University, Irkutsk, e-mail: 342428@mail.ru*

The article presents a comparative analysis and assessment of the transport infrastructure and logistics of the intergovernmental organization «Brazil, Russia, India, China, South Africa». The object of the study is this bloc of states, its basic members and expanded members in 2024. The analysis indicators were three global indices defined by the some world organizations to compile global rankings of economics by the level of development of transport and logistics: Logistics Performance Index, Sustainable Freight Transport Index, Global Competitiveness Index 4.0: Transport Infrastructure. The analysis was also made in terms of components of global indices. A detailed analysis was performed and a profile of the countries was compiled for the components of each index. To assess the general situation of transport and logistics in bloc, the union indices were calculated as the average value of the member states. The dispersion analysis revealed the presence of correlation and consistency in the index estimates. The analysis also revealed a significant difference in the levels of development of transport and logistics in the member States. The leader in the transport and logistics ratings in the bloc is the United Arab Emirates. Transport and logistics in the Russian Federation is equal to the average ratings for bloc. Transport and logistics productivity indices of the intergovernmental organization are significantly inferior to the best world level. The author proposes to consider the identified gap as a potential for growth and qualitative improvement of the economies of states based on the modernization of transport infrastructure and digitalization of logistics.

Keywords: transport, logistics, ranking, Logistics Performance Index, Sustainable Freight Transport Index, Global Competitiveness Index

Введение

Транспортная система является связующей подсистемой экономики материальной сферы. Логистическое обеспечение в транспортной системе отвечает за поддержание единства транспортной системы, качество и совершенство ее функционирования. Развитие и стабильное функционирование транспорта и логистики является важным условием устойчивого развития экономики страны и необходимым фактором для ее

позиционирования в мировом экономическом и политическом пространстве.

В мировой экономике идет процесс интеграции транспортного и логистического секторов и обеспечение согласованного их развития с товарными рынками и товарными потоками [1].

Ведущей идеологией геоэкономики XX в. стала глобализация мирового хозяйства, которая с наступлением XXI столетия продемонстрировала свою макроэкономи-

ческую несостоятельность и общеполитическую неправомерность. Глобальная неограниченная интеграция фактически была заменена идеями национальной идентичности государств, региональной экономической интеграции, при основополагающей глобальной концепции развития через формирование многополярного мира [2]. В число причин деглобализации входят: растущее неравенство стран, создание торговых барьеров и усиление протекционизма, формирование межгосударственных торгово-экономических блоков [3].

Объединение стран БРИКС представляет собой особую региональную интеграционную модель, в которой условием для интеграции являются не общие территориальные границы, а обладание значительными экономическими ресурсами – природными, производственными, человеческими – и способность создать и совместно использовать потенциал для преобразования данных ресурсов.

Внешнеэкономическое сотрудничество в формате БРИКС считается показательным и успешным. Развитие торговых отношений и постоянный рост торгового оборота между странами БРИКС свидетельствует о положительных результатах экономической интеграции [4].

В условиях межгосударственных объединений с быстро нарастаемыми торговыми связями повышается значимость сфер транспорта и логистики для экономического и политического сотрудничества. В частности, среди множества инфраструктурных проектов БРИКС, финансируемых через Новый банк развития (специально созданный межправительственной организацией для этих целей), преобладающая доля проектов, а именно 39% за период с 2016 по 2022 г., – это проекты по развитию транспортной инфраструктуры [5].

В 2024 г. состоялось расширение объединения БРИКС: к изначальным пяти странам-членам (базовый состав: Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) присоединились новые члены объединения (Египет, Индонезия, Иран, ОАЭ, Эфиопия), а также страны-партнеры. Экономическое влияние БРИКС в мировой экономике усилилось. Расширение БРИКС означает повышение экономического потенциала объединения благодаря доступу к новым рынкам, природным ресурсам, а также расширение политических и экономических связей.

Следует ожидать дальнейшего расширения БРИКС путем присоединения новых членов. По мнению Н.Г. Рогожиной, членство в БРИКС для государств Юго-Восточной Азии означает шанс повысить вес стра-

ны в решении глобальных проблем при условии сохранении стратегической автономии страны. С другой стороны, их участие в БРИКС будет ограничиваться отдельными проектами, в связи с тем, что, во-первых, отдельные экономики членов объединения слабо взаимосвязаны, и, во-вторых, для новых членов возникают реальные риски осложнений взаимоотношений с развитыми странами, являющимися их важнейшими торговыми партнерами и инвесторами [6].

Повышение транспортного потенциала стран БРИКС, сотрудничество в транспортной сфере и создание логистической платформы для мультимодальной логистики между странами – членами БРИКС – такие задачи были внесены в Казанскую декларацию XVI Саммита БРИКС от 23 октября 2024 г.

Транспортный каркас БРИКС составляют международные транспортные коридоры, в особенности важны российские сухопутные коридоры «Север – Юг» и «Восток – Запад», китайские коридоры «Новый шелковый путь» («Один пояс – один путь»), международные морские маршруты, связывающие порты Бразилии, ЮАР, Египта, Индии, Китая и России [7]. Традиционно самым значимым для международной торговли является морской вид транспорта, который отвечает примерно за 60% глобального грузооборота. Данный вид транспорта является одним из самых развитых и востребованных в перевозках между странами БРИКС [8].

Цель исследования – сравнительный анализ и оценка состояния транспорта и логистики в странах – членах БРИКС на основе глобальных индексов.

Материалы и методы исследования

Информационной базой исследования послужили открытые статистические данные Всемирного банка (worldbank.org), Всемирного экономического форума (weforum.org), Международной организации ООН по торговле и развитию UNCTAD (unctad.org).

Методология проведенного исследования включает инструментальный системного анализа, методы сравнительного анализа и дисперсионного анализа.

В ходе анализа изучены результаты международных рэнкингов и содержащиеся в них оценки различных аспектов состояния транспорта и логистики отдельных стран мира, а также мест стран – членов БРИКС в международных рэнкингах. Предварительное исследование позволило отобрать три глобальных показателя: Logistics Performance Index, Sustainable Freight Transport, Global Competitiveness Index 4.0:

Transport Infrastructure. Каждый из этих показателей определяется по собственным методикам, содержащим оценки, получаемые в ходе анкетирования экспертов, и, в некоторых случаях, дополнительно включает количественные показатели, получаемые из статистических данных. Оценка глобальных индексов объединения БРИКС получена как средняя арифметическая оценки входящих в него государств. Расчет выполнен по базовому и расширенному составу стран – членов БРИКС.

Следует учитывать, что многие ученые указывают на субъективизм международных рейтингов. Причины в том, что применяемые международными организациями методики оценивания специфичны и научно не обоснованы, а выбор экспертов часто ограничен выборкой среди руководителей определенной среды [9].

Результаты исследования и их обсуждение

Для оценки уровня развития логистики в разных странах мира Всемирным банком разработан показатель Logistics Performance Index (LPI) – индекс развития логистики, также называемый индексом эффективности логистики. LPI является интерактивным инструментом сравнительного межстранового анализа для изучения эффективности решения логистических задач при транспортировке грузов в международной торговле [10].

В последний раз индекс LPI определялся в 2023 г., до этого оценка выполнялась в 2018 г. Исходными данными для расчета LPI являются результаты опроса сотрудников международных логистических операторов о логистической среде в тех странах, с которыми они осуществляют торгово-транспортные операции. В качестве шкалы применяется пятибалльная шкала с диапазоном от 0 (худшая оценка) до 5 (наивысшая оценка).

LPI страны показывает качество логистического сервиса при поставках товара из-за рубежа, их последующей перевозке и продаже внутри страны. В анализ включены такие логистические услуги, как транспортировка, складирование, брокерская деятельность, услуги транспортных и логистических терминалов, экспресс-доставка, передача информации.

Расчет LPI на основе опроса включает балльную оценку по шести компонентам:

1. Оперативность, простота и предсказуемость таможенного оформления (Таможня).
2. Качество торговой и транспортной инфраструктуры (Инфраструктура).

3. Простота организации международных перевозок по конкурентоспособным ценам (Простота организации перевозок).

4. Компетентность и качество логистического обслуживания у операторов и иных посредников (Компетентность в логистике).

5. Возможность отслеживания транспорта и грузов (Отслеживаемость).

6. Своевременность отправления и доставки в запланированное или ожидаемое время доставки (Своевременность).

Общий индекс LPI определяется как среднее взвешенное значение по нормализованным баллам шести компонентов [11]. Позиции стран БРИКС в рэнкинге LPI и оценки по компонентам приведены в табл. 1.

Очевидно, что уровень развития логистики существенно различается в странах – членах БРИКС, как в базовом составе, так и в расширенном составе. Наиболее высокую оценку LPI получили ОАЭ, которые входят в ТОП-12 стран с самой развитой логистикой в мире. Высокие значения LPI – 19 место в международном рэнкинге и 2 место в объединении БРИКС – получили Китай и ЮАР. Указанные три страны со значением LPI от 3,7, как установлено аналитиками Всемирного банка, входят в группу стран с высокоразвитой логистикой (Logistics-friendly group). В разрезе оценок по компонентам также ОАЭ, Китай и ЮАР получили наиболее высокие оценки. Самые низкие оценки LPI – у Ирана и Эфиопии. Российская Федерация находится на 88 месте в мире по уровню развития логистики и на 7 месте в расширенном составе БРИКС.

На рис. 1 наглядно показано, что Россия имеет худшую оценку логистики в сравнении со странами базового состава БРИКС. В прежних исследованиях для оценки LPI логистика России получала также низкие оценки: 2,76 в 2018 г. против 2,6 в 2023 г. Выше уровня 2018 г. индекс развития логистики в России не поднимался [12]. Среди стран базового состава БРИКС в международном рэнкинге LPI 2018 г. Россия также занимала самые низкие позиции, а Китай лидировал [13].

Опрос экспертов проводился в сентябре – ноябре 2022 г., поэтому вероятно, что ухудшение оценок страны обусловлено российско-украинским конфликтом и его влиянием на транспортную отрасль и торговые потоки в Европе и мире. Политическая ситуация оказала влияние на два компонента LPI – своевременность доставки и простота организации перевозок. Снижение общего показателя LPI можно считать незначительным.

Таблица 1

Оценка логистической инфраструктуры БРИКС по индексу LPI в 2023 г.

Страна	Общая оценка LPI	Место в рейтинге по LPI	Оценка по компонентам LPI					
			1. Таможня	2. Инфраструктура	3. Простота организации перевозок	4. Компетентность в логистике	5. Отслеживаемость	6. Своевременность
Бразилия	3,2	51	2,9	3,2	2,9	3,3	3,2	3,5
Россия	2,6	88	2,4	2,7	2,3	2,6	2,5	2,9
Индия	3,4	38	3	3,2	3,5	3,5	3,4	3,6
Китай	3,7	19	3,3	4	3,6	3,8	3,8	3,7
ЮАР	3,7	19	3,3	3,6	3,6	3,8	3,8	3,8
Египет	3,1	57	2,8	3	3,2	2,9	2,9	3,6
Индонезия	3	61	2,8	2,9	3	2,9	3	3,3
Иран	2,3	123	2,2	2,4	2,4	2,1	2,4	2,7
ОАЭ	4	7	3,7	4,1	3,8	4	4,1	4,2
Эфиопия (последние доступные данные 2016 г.)	2,38	126	2,6	2,12	2,56	2,37	2,18	2,37
Среднее по базовому составу БРИКС	3,32	—	2,98	3,34	3,18	3,40	3,34	3,50
Среднее по расширенному составу БРИКС	3,14	—	2,90	3,12	3,09	3,13	3,13	3,37
Максимально достигнутый уровень в мире	4,3	1	4,2	4,6	4,1	4,4	4,4	4,3

Источник: рассчитано автором по данным Всемирного банка. URL: <https://lpi.worldbank.org/international/global> (дата обращения: 05.06.2025).

Рис. 1. Профиль стран базового состава БРИКС по компонентам индекса развития логистики в 2023 г.
Источник: составлено автором по данным Всемирного банка.
URL: <https://lpi.worldbank.org/international/global> (дата обращения: 05.06.2025)

Среднее значение показателя LPI стран – членов БРИКС составляет 3,14. Сравнение значений LPI стран БРИКС с максимально достигнутым мировым уровнем показывает значительное отставание девяти стран-членов (за исключением ОАЭ) от наиболее логистически развитых экономик мира. При этом наихудшие средние оценки БРИКС получает по первому компоненту, характеризующему быстроту и удобство таможенного оформления. Лучшие средние оценки группы БРИКС получены по компоненту своевременности.

На следующем шаге оценим состояние транспортной инфраструктуры при помощи комплексного показателя, являющегося частью оценки при определении Global Competitiveness Index 4.0 (GCI 4.0) – индекса глобальной конкурентоспособности. Индекс разработан международной неправительственной организацией World Economic Forum (Всемирный экономический форум). В последний раз расчет GCI с оценкой транспортной инфраструктуры выполнялся в 2019 г. и представлен в Докладе о глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума 2019 г.

[14]. В один из блоков «Инфраструктура» включен комплексный показатель «Транспортная инфраструктура», в свою очередь разбитый по четырем видам транспорта. Оценка для транспортной инфраструктуры каждого вида транспорта состояла из двух подкомпонентов, из которых первый характеризует транспортную сеть и ее объекты (материально-техническую составляющую), второй – транспортное обслуживание на объектах транспорта (сервисную составляющую). Данные для оценки получают преимущественно путем опроса участников Всемирного экономического форума о состоянии транспорта внутри страны участника, также используются отдельные количественные натуральные показатели. Результаты оценки по каждому виду транспорта в методике отображаются по единой шкале в баллах от 0 (наихудшее значение, отсутствие вида транспорта) до 100 (наилучшее значение). Итоговая оценка транспортной инфраструктуры страны определяется как среднее по видам транспорта, исключая отсутствующие в стране виды. Данные об оценке транспортной инфраструктуры БРИКС представлены в табл. 2.

Таблица 2

Оценка транспортной инфраструктуры БРИКС
в индексе глобальной конкурентоспособности GCI в 2019 г.

Страна	Оценка транспортной инфраструктуры в GCI 4.0	Место в ранжировании по GCI 4.0: Транспортная инфраструктура	Оценка по компонентам (видам транспорта):			
			Автомобильный транспорт	Железнодорожный транспорт	Воздушный транспорт	Морской транспорт
Бразилия	45,58	85	54,79	16,61	73,25	37,66
Россия	57,75	49	63,51	38,85	77,89	50,74
Индия	66,43	28	67,23	56,8	82,17	59,52
Китай	68,94	24	77,69	38,44	80,34	79,31
ЮАР	58,71	45	77,64	38,62	68,98	49,6
Египет	59,13	44	75,07	29,42	65,58	66,44
Индонезия	56,09	55	56,2	33,79	82,58	51,79
Иран	46,8	82	66,77	29,24	47,13	44,05
ОАЭ	84,07	8	86,76	–	86,37	79,09
Эфиопия	34,85	121	43,48	17,13	43,95	–
Среднее по базовому составу БРИКС	59,48	–	68,17	37,86	76,53	55,37
Среднее по расширенному составу БРИКС	57,84	–	66,91	33,21	70,82	57,58
Максимально достигнутый уровень в мире	91,69	1	90,86	97,98	93,35	95,42

Источник: рассчитано автором по данным Всемирного банка. URL: https://data360.worldbank.org/en/search?tab=indicator&themeAndTopics=P4_000003 (дата обращения: 30.06.2025).

Рис. 2. Профиль стран базового состава БРИКС по видам транспортной инфраструктуры в GCI 4.0 в 2019 г.
Источник: составлено автором по данным Всемирного банка.

URL: https://data360.worldbank.org/en/search?tab=indicator&themeAndTopics=P4_000003
(дата обращения: 05.07.2025)

Анализ результатов показывает, что наиболее высокую оценку транспортной инфраструктуры среди стран БРИКС снова получают ОАЭ, а самую низкую оценку – Эфиопия. В ОАЭ на момент оценки отсутствовала значимая железнодорожная инфраструктура и велось строительство железных дорог, проект был завершен в 2023 г. В Эфиопии отсутствует доступ к морю. Низкие оценки транспортной инфраструктуры также у Ирана и Бразилии. На фоне других стран БРИКС транспортная инфраструктура России не выглядит хуже, и ее оценки близки к среднему уровню по БРИКС.

Анализ в разрезе видов транспорта показывает, что в странах БРИКС наихудшим образом функционирует железнодорожная инфраструктура и лучше всего – инфраструктура воздушного транспорта (рис. 2). Также нужно обратить внимание на недостаточное развитие морской инфраструктуры стран БРИКС, ведь именно морской транспорт обеспечивает перемещение массовых товарных потоков между размещенными на разных континентах странами.

Следующим показателем для анализа и оценки состояния транспорта и логистики в странах БРИКС выбран индекс Sustainable Freight Transport (SFT) – устойчивость грузовых перевозок.

Данный показатель разработан Международной организацией ООН по торговле и развитию ЮНКТАД (UNCTAD). Рамочная программа ЮНКТАД по устойчивым грузовым перевозкам [15] направлена на продвижение стратегии устойчивого развития в секторе грузовых перевозок на уровне отдельных компаний и государств. Программа представлена в форме модульного процесса, в ходе которого осуществляется диагностика сферы грузовых перевозок и разрабатываются и внедряются индивидуальные стратегии по повышению устойчивости. Для оценки достижений используется методическая схема Азиатского банка развития для оценки устойчивости транспортных проектов.

Рассчитываемый ЮНКТАД универсальный индекс SFT представляет собой комплексный показатель для оценки устойчивости сектора грузовых перевозок страны, согласованный с мировой ESG-повесткой. Для расчета индекса SFT страны сейчас учитывается всего 20 показателей сферы транспорта и логистики, среди которых использованы отдельные компоненты индекса LPI.

Устойчивость в сфере грузовых перевозок, согласно концепции ЮНКТАД, определяется классически через баланс по трем аспектам их устойчивости: экономической,

социальной и экологической. Структура индекса SFT по аспектам включает следующие категории:

1. Экономическая устойчивость: Транспортная инфраструктура, Производительность, Качество и надежность, Транспортные расходы, Связность перевозок.

2. Социальная устойчивость: Безопасность, Доступность, Труд, Гендерное равенство, Шумовое загрязнение.

3. Экологическая устойчивость: Смягчение последствий изменения климата, Загрязнение воздуха.

Общий индекс рассчитывается как среднее по трем аспектам. Согласно используемой методике каждый из трех аспектов имеет равный вес, и каждая из категорий внутри аспекта имеет равный вес. Шкала для SFT имеет диапазон от 0 до 100 баллов, что соответствует диапазону от худших значений в мире (0) до наилучших значений (100) всех задействованных показателей.

В табл. 3 приведены индексы устойчивости грузовых перевозок SFT по странам БРИКС и рассчитано среднее значение для объединения. Индекс рассчитан на 2023 г., однако отдельные показатели в структуре индекса содержат более ранние значения за последний доступный год или средние за интервал.

Полученные значения индекса SFT дают сходные выводы. Наиболее высокий

индекс устойчивости грузовых перевозок – в ОАЭ и в Китае, самый низкий – в Иране. При этом лидеры БРИКС занимают только 40 и 41 места в рэнкинге стран. Расчет для Эфиопии не проводился (зачастую отсутствие страны в рейтингах и рэнкингах говорит об отнесении к наиболее слабым экономикам). Россия по общему индексу SFT занимает среднюю позицию по расширенной группе БРИКС и 79 место в мировом рэнкинге среди 160 стран.

Следует отметить наличие существенных страновых различий по аспектам устойчивости грузоперевозок. В целом объединение БРИКС получает наиболее высокую оценку экологической устойчивости грузовых перевозок (62,63), среднюю оценку экономической устойчивости (59,62) и низкую оценку социальной устойчивости (40,99). Высокой экономической устойчивостью характеризуются грузоперевозки ОАЭ и Китая. Наибольшую социальную устойчивость среди стран БРИКС имеют грузовые перевозки России, но при этом уровень экономической устойчивости российских грузоперевозок один из худших в группе. По социальной устойчивости перевозок лидер ОАЭ также получает относительно низкий балл. Самые низкие оценки экологической устойчивости перевозок у Египта и Ирана, а самые высокие – у ОАЭ, Китая и Индии (рис. 3).

Таблица 3

Оценка устойчивости грузовых перевозок БРИКС по индексу SFT в 2023 г.

Страна	Общий индекс SFT	Место в рэнкинге по STF	Оценка по аспектам:		
			Экономическая устойчивость	Социальная устойчивость	Экологическая устойчивость
Бразилия	53,08	85	50,18	41,20	67,85
Россия	54,97	79	42,53	56,61	65,76
Индия	63,13	52	69,90	42,47	77,02
Китай	68,48	43	79,81	47,37	78,24
ЮАР	49,03	103	52,61	35,82	58,67
Египет	40,57	124	58,40	32,27	31,03
Индонезия	56,94	71	60,14	46,39	64,30
Иран	33,41	139	39,69	26,68	33,87
ОАЭ	70,10	40	83,28	40,11	86,92
Эфиопия	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Среднее по базовому составу БРИКС	57,74	–	59,01	44,69	69,51
Среднее по расширенному составу БРИКС	54,41	–	59,62	40,99	62,63
Максимально достигнутый уровень в мире	94,08	1	93,70	89,70	100,00

Источник: рассчитано автором по данным ЮНКТАД ООН. URL: <https://sft-framework.unctad.org/interactive-charts> (дата обращения: 05.07.2025).

Рис. 3. Профиль стран базового состава БРИКС по аспектам индекса устойчивости грузовых перевозок SFT в 2023 г.
Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД ООН.
URL: <https://sft-framework.unctad.org/interactive-charts> (дата обращения: 05.07.2025)

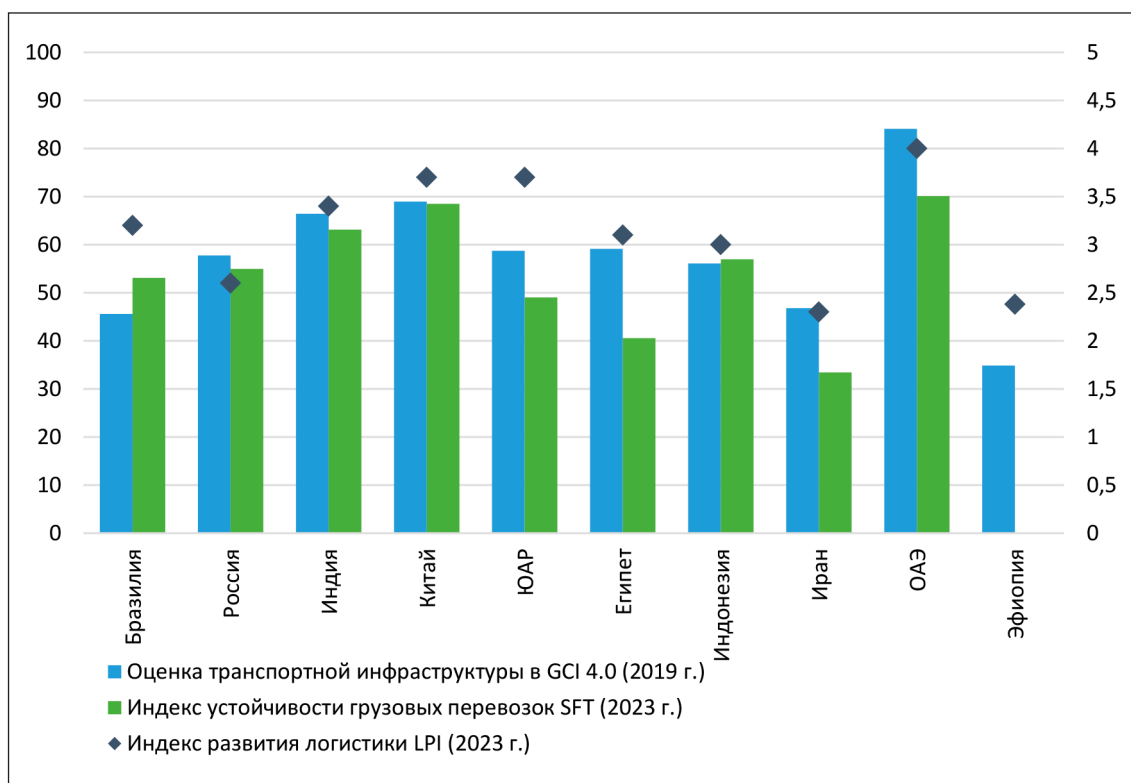

Рис. 4. Сравнение показателей транспорта и логистики по странам БРИКС
Источник: составлено автором по результатам исследования

Сравнение среднего индекса SFT по БРИКС с максимально достигнутым мировым уровнем говорит о посредственной

устойчивости грузовых перевозок и значительном отставании транспортной отрасли от лучших экономик мира.

Выполним сравнение оценок по исследуемым показателям (рис. 4).

Наибольшие расхождения в оценках трех показателей наблюдаются по странам ЮАР, Египет и Бразилия, как показал дисперсионный анализ. При низких оценках транспортной инфраструктуры и устойчивости грузоперевозок ЮАР получает относительно высокую оценку логистической деятельности. Напротив, Россия, обладающая лучшими оценками транспортной инфраструктуры и устойчивости грузоперевозок, получила более низкую оценку логистики. Наименьшие отклонения значений трех показателей – у Индонезии и Индии.

Коэффициент детерминации, рассчитанный в ходе дисперсионного анализа по выборке стран БРИКС (без включения в выборку Эфиопии) составил 0,722, следовательно, имеется существенная корреляция между тремя показателями. Можно сделать вывод, что в целом прослеживается близость результатов использованных глобальных индексов в оценках транспорта и логистики стран БРИКС.

Заключение

Итак, проведенный анализ позволил установить различия в уровнях развития транспорта и логистики стран – членов БРИКС базового и расширенного состава участников. Транспортным системам исследуемых стран присущи значительные различия, обусловленные местом страны в глобальной экономике, уровнем ее экономического развития, размерами и направлениями торговых потоков и другими факторами. Однозначным лидером по состоянию транспорта среди стран БРИКС расширенного состава являются Объединенные Арабские Эмираты. Среди базового состава членов БРИКС наиболее высоко оценивается транспортно-логистическая сфера Китая. Транспортная отрасль Российской Федерации оценивается выше, чем логистическая деятельность в стране. Оценки показателей развития транспорта и логистики БРИКС расширенного состава ниже, чем БРИКС базового состава; но, по мнению автора, такая разница несущественна.

При сравнении с лучшим достигнутым мировым уровнем установлено, что транспорт и логистика стран БРИКС существенно уступают признанным лидерам. Рассчитанные средние оценки БРИКС соответствуют средним и хуже среднего положениям в рейтинге. Для стран с активно развивающейся экономикой в этом можно усматривать потенциал роста и качественного улучшения экономики государств при формировании многополярного мира.

Перспективные проекты БРИКС связаны не только с повышением пропускной способности международных транспортных коридоров. На XVI саммите была поставлена задача создания в 2025 г. единой цифровой логистической платформы БРИКС с целью обеспечения мультимодальных перевозок, с базированием в ОАЭ. Считается, что цифровая логистическая платформа позволит связать в едином цифровом пространстве транспортных и логистических операторов разных стран и континентов, формировать сквозные ставки тарифов и электронный документооборот. Цифровизация логистики наряду с созданием единой цифровой платформы для расчетов национальными валютами между странами, товарной биржи БРИКС позволит наращивать торговый оборот при одновременном упрощении формальных процедур.

Список литературы

1. Grzelakowski A.S. Transport systems and their impact on trade facilitation, logistics performance and competitiveness: an analytical approach // *European Research Studies Journal*. 2024. Vol. 27 (2). P. 20–34. URL: <https://www.um.edu.mt/library/oar/handle/123456789/121080> (дата обращения: 17.05.2025). DOI: 10.35808/ersj/3369.
2. Игумнов О.А., Мироненко М.А. Региональная экономическая интеграция в условиях глобализации мирового хозяйства // *Экономика и социум*. 2018. № 6 (49). С. 469–476. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36264687> (дата обращения: 20.04.2025). EDN: YKWLXF.
3. Пайзуллаев Б.Х., Эпова Н.Р. Влияние деглобализационных процессов на международную торговлю в условиях фрагментации мировой экономики // *Известия Байкальского государственного университета*. 2023. № 3. С. 563–570. URL: <https://izvestia.bgu.ru/reader/article.aspx?id=26162> (дата обращения: 20.04.2025). DOI: 10.17150/2500-2759.2023.33(3).563-570. EDN: FPZNSY.
4. Лепа Т.П. Экономико-политическая роль стран – членов БРИКС на мировой арене и во взаимодействии с Россией // *Baikar Research Journal*. 2023. № 4. С. 1532–1541. URL: <https://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=26300> (дата обращения: 22.04.2025). DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1532-1541. EDN: BSKWIH.
5. Daldegan W., de Borja V. The development concept in BRICS: an analysis of projects financed by the NDB // *International Organizations Research Journal*. 2023. Vol. 18, Is. 4. URL: https://www.researchgate.net/publication/379748231_The_Development_Concept_in_BRICS_An_Analysis_of_Projects_Financed_by_the_NDB (дата обращения: 17.05.2025). DOI: 10.17323/1996-7845-2023-04-01.
6. Рогожина Н.Г. Особенности расширения БРИКС в Юго-Восточной Азии // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2025. Т. 18. № 1. С. 72–89. URL: <https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/1629> (дата обращения: 20.04.2025). DOI: 10.31249/kgj/2025.01.05. EDN: YJYYGS.
7. Торговый потенциал и транспортная взаимосвязанность стран БРИКС после расширения 2024 года: информационно-аналитический дайджест / Исследовательский центр «Международная торговля и интеграция». М.: Сентябрь 2024 г. 19 с. [Электронный ресурс]. URL: https://cdnweb.roscongress.org/upload/medialibrary/da0/co7zd12pizr8rhfyiudwk1yzopfi3w4/torg_potencial_brics_ru.pdf?17253445311369431 (дата обращения: 29.04.2025).

8. Бердина М.Ю., Торосян Е.К. Морской транспорт в системе международных бизнес-операций // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 558. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17841> (дата обращения: 28.04.2025). EDN: VIEDVR.
9. Зорина Т., Трухан Ю. Логистический рейтинг 2018: лидеры и аутсайдеры // Наука и инновации. 2019. № 2. С. 51–55. URL: <http://innosfera.by/node/4789> (дата обращения: 21.04.2025). DOI: 10.29235/1818-9857-2019-2-51-55. EDN: EUGLWH.
10. Connecting to Compete 2023. Trade Logistics in an Uncertain Global Economy. The Logistics Performance Index and Its Indicators // International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank. 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://lpi.worldbank.org/sites/default/files/2023-04/LPI_2023_report.pdf (дата обращения: 01.05.2025).
11. Ивуть Р.Б., Попов П.В., Лапковская П.И., Прокопов С.В. Теоретико-методическое обоснование оценки и развития логистической инфраструктуры // Наука и техника. 2023. № 1. С. 69–78. URL: <https://sat.bntu.by/jour/article/view/2638> (дата обращения: 26.04.2025). DOI: 10.21122/2227-1031-2023-23-1-69-78. EDN: HCZRIE.
12. Малецкая М.Б., Холмовский С.Г. Рынок транспортно-логистических услуг и параметры качества транспортного обслуживания // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14. № 3. С. 992–1002. URL: <https://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=26017> (дата обращения: 20.04.2025). DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(3).992-1002. EDN: IHOZFJ.
13. Корчагина Е.В., Барыкин С.Е. Сравнение уровней развития логистики в странах БРИКС и ЕАЭС на основе индекса LPI // Журнал правовых и экономических исследований. 2020. № 3. С. 156–159. URL: <https://giefjournal.ru/node/1640> (дата обращения: 25.04.2025). DOI: 10.26163/GIEF.2020.86.68.024. EDN: RRHPCQ.
14. The Global Competitiveness Report 2019. Insight Report // World Economic Forum. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-competitiveness-report-2019/> (дата обращения: 01.05.2025).
15. UNCTAD Framework for Sustainable Freight Transport (UNCTAD SFT Framework) // UNCTAD. 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/dtltlb2017d5_en.pdf (дата обращения: 11.05.2025).

УДК 338.1/3
DOI

ОСОБЕННОСТИ АУДИТА РЕГЕНЕРАТИВНОГО БИЗНЕСА И ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ЕГО ПРОВЕДЕНИИ

¹Кизилев А.Н., ^{1,2}Чернышева Ю.Г.

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону;

²Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону,
e-mail: julia282001@mail.ru

Цель исследования – обоснование особенностей и новых подходов при проведении аудита в регенеративно ориентированных организациях, на основе анализа сущности данного концептуального подхода, а также выявление возможностей и ценности использования искусственного интеллекта при его проведении. Авторы исследуют сущность и особенности регенеративного подхода в бизнесе, который является переходом от «простой» устойчивости к проактивному, позитивному воздействию на окружающую среду и представляет собой поворотный момент в корпоративной ответственности и устойчивой деловой практике. Этот подход предполагает, что организации не только стремятся снизить свое негативное влияние на окружающий мир, но и вносить значительный вклад в восстановление природной и социальной среды посредством создания соответствующих продуктов, услуг, управленческих решений. В статье отмечено, что применение бизнесом регенеративного подхода изменяет многие ключевые аспекты в организации его деятельности: систему информационного обеспечения и формирования отчетности, организацию учета, цели и подходы проведения аудита, который будет проводиться не только с целью оценки соответствия стандартам, актуальным для области регенеративного бизнеса, но и для измерения реального вклада бизнеса в восстановление экосистем и социальных систем. Аудит должен осуществлять комплексную систему оценки экосистемного воздействия, выступать инструментом верификации регенеративных практик – подтверждать наличие доказательств реального восстановительного эффекта, обеспечивать создание долгосрочной ценности для природы и общества. Авторы отмечают, что лучшим решением может быть комбинация регенеративного и адаптивного аудита. Это позволит подтвердить устойчивость и оценить реальный вклад бизнеса в восстановление экосистем, социальных и экономических систем. Также обоснована польза использования искусственного интеллекта для создания дополнительной ценности аудита регенеративного бизнеса. Он позволяет повысить его точность (за счет обработки сложных экологических данных), прозрачность (минимизируя риски «гринвошинга»), обеспечить проактивность – предсказывая лучшие практики восстановления.

Ключевые слова: аудит, регенеративный бизнес, регенеративный аудит, искусственный интеллект, устойчивое развитие

FEATURES OF AUDIT OF REGENERATIVE BUSINESS AND THE POSSIBILITIES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ITS CONDUCT

¹Kizilov A.N., ^{1,2}Chernysheva Yu.G.

¹Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don;

²Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, e-mail: julia282001@mail.ru

The purpose of the study is to substantiate the features and new approaches to auditing in regeneratively oriented organizations, based on the analysis of the essence of this conceptual approach, as well as to identify the possibilities and value of using artificial intelligence in its implementation. The authors explore the essence and features of the regenerative approach in business, which is a transition from “simple” sustainability to proactive, positive impact on the environment and represents a turning point in corporate responsibility and sustainable business practices. This approach assumes that organizations not only strive to reduce their negative impact on the world around them, but also to make a significant contribution to the restoration of the natural and social environment by creating appropriate products, services, and management decisions. The article notes that the use of a regenerative approach by business changes many key aspects in the organization of its activities – the system of information support and reporting, accounting organization, goals and approaches to the audit, which will be carried out not only to assess compliance with standards relevant to the field of regenerative business, but also to measure the real contribution of business to the restoration of ecosystems and social systems. The audit should implement a comprehensive system for assessing ecosystem impact, act as a verification tool for regenerative practices – confirm the presence of evidence of a real restoration effect, ensure the creation of long-term value for nature and society. The authors note that the best solution may be a combination of regenerative and adaptive audit. This will confirm sustainability and assess the real contribution of business to the restoration of ecosystems, social and economic systems. The benefits of using artificial intelligence to create additional value for regenerative business audits are also substantiated. It allows for increasing its accuracy (by processing complex environmental data), transparency (minimizing the risks of “greenwashing”), and ensuring proactivity – predicting the best restoration practices.

Keywords: audit, regenerative business, regenerative audit, artificial intelligence, sustainable development

Введение

Концепция устойчивого развития впервые была сформулирована в докладе «Наше общее будущее» Международной комиссии по окружающей среде и развитию (Комиссия Брундтланд – World Commission on Environment and Development, WCED)) в 1987 году и институционализирована в Целях устойчивого развития ООН в 2015 году, когда на саммите ООН были разработаны его семнадцать принципов. На протяжении более чем трех десятилетий она является преобладающей и приоритетной концепцией управления бизнесом. Эта концепция предполагает «развитие, которое способствует удовлетворению потребностей нынешнего поколения без уменьшения возможностей будущих поколений удовлетворять свои потребности» [1]. Такое определение основано на совокупности трех основных аспектов:

- экономического, предполагающего оптимальное использование ограниченных ресурсов и применение экологических природо-, энерго- и материалосберегающих технологий;
- социального, направленного на сохранение стабильности социально-культурных систем и обеспечение минимально приемлемого уровня жизни;
- экологического – обеспечивающего целостность и жизнеспособность природных систем, возможность их самовосстановления и адаптации [2].

Наличие экологического аспекта в концепции устойчивого развития бизнеса привело к формированию модели «зеленой экономики», основной идеей которой является минимизация негативного воздействия человеческой деятельности на природу, формирование системы, где экономика рассматривается как неотъемлемая часть природного мира. То есть цель зеленой экономики – снижение негативного воздействия на окружающую среду через энергоэффективность и возобновляемые источники энергии (солнце, ветер, вода); переработку отходов и циркулярные модели; сокращение выбросов CO₂; устойчивое управление ресурсами [3].

Сегодня концепция устойчивого развития и модель «зеленой экономики» стали подвергаться критике, поскольку имеющиеся в них ограничения уже позволяют в полной мере эффективно противостоять вызовам, с которыми сталкивается бизнес, и обеспечивать восстановление экосистем [4]. Так, в научных публикациях все чаще в концепции устойчивого развития отмечается ее «расплывчатость» – «все должно

быть устойчивым», при этом отсутствуют четкие механизмы достижения этого [5]. Также отмечается, что «зеленая экономика» часто фокусируется на «меньшем вреде», а не на восстановлении экосистем.

Сегодня мир характеризуется значительными и непрерывными изменениями внешней среды, высоким уровнем неопределенности и сложности контекста, в котором должны функционировать организации. Эти характеристики все сильнее подчеркивают указанные ограничения концепции устойчивого развития и ее инструмента «зеленой экономики» [6], а также недостаточность их возможностей для преодоления вызовов современного мира. Без «зеленой экономики» устойчивое развитие неосуществимо, но одного только «озеленения» недостаточно для решения всех проблем, с которыми сталкиваются бизнес, экономика и все мировое сообщество [7, с. 20]. Бизнесу уже недостаточно только противостоять экологическим вызовам, он должен играть активную роль в оздоровлении и улучшении мира природы [8]. Все это сформировало предпосылки перехода к новому концептуальному подходу, который приходит на смену концепции устойчивого развития – парадигме регенеративного бизнеса [9, с. 186].

Применение бизнесом регенеративного подхода изменяет многие ключевые аспекты в организации его деятельности. Так, изменения затронут систему информационного обеспечения и формирования отчетности, в основе которой должна быть многоуровневая система метрик, значительно выходящая за рамки показателей финансовой отчетности, включающая социальные и экологические показатели, фиксирующие в том числе восстановительные возможности экосистем. Также изменения затронут организацию учета, например в части использования подхода true-cost accounting (учет реальной стоимости), который включает экологические и социальные издержки/выгоды и позволяет отражать долгосрочные эффекты восстановительных практик. Кроме этого, бизнес должен осуществить технологическую трансформацию, включающую внедрение цифровых инструментов (например, блокчейн для прослеживаемости цепочек создания регенеративной ценности, IoT-датчики для мониторинга экологических показателей), использование возможностей искусственного интеллекта и др. Это повлияет и на особенности проведения аудита в этих организациях, в том числе на изменение целей и подходов его проведения. Он будет проводиться не только с целью оценки соответствия

стандартам (актуальным для области регенеративного бизнеса, таким как «органическая сертификация» (Regenerative Organic Certified – ROC), климатические стандарты, применяемые в сельском хозяйстве, и др.), но и для измерения реального вклада бизнеса в восстановление экосистем и социальных систем.

Представляется, что исследование особенностей аудита для организаций, использующих регенеративный подход, а также возможностей и ценности использования искусственного интеллекта в ходе его проведения [10; 11, с. 307] требует более детального рассмотрения, поскольку многие организации, внедряющие регенеративные практики, сталкиваются с проблемой достоверной оценки своих результатов в силу новой специфики бизнеса, при этом отсутствует достаточное количество научных публикаций в данной предметной области.

Цель исследования – обоснование особенностей и новых подходов при проведении аудита в регенеративно ориентированных организациях, на основе анализа сущности данного концептуального подхода, а также выявление возможностей и ценности использования искусственного интеллекта при его проведении.

Материалы и методы исследования

В статье рассматриваются особенности и принципы реализации регенеративного подхода в бизнесе, особенности аудита в организациях, использующих регенеративный подход, а также возможности использования искусственного интеллекта при его проведении. В основе исследования лежат логический, системный и концептуальный подходы, методы сравнения и обобщения материалов научных публикаций, метод дедукции. Это позволило сформулировать новые подходы при проведении аудита регенеративного бизнеса и обосновать ценность использования искусственного интеллекта. Методика исследования основывалась на сборе и обработке информации, выявлении причинно-следственных связей, формулировании предложений и обосновании выводов.

Результаты исследования и их обсуждение

В течение последних нескольких лет в научных публикациях стала появляться критика традиционного понимания устойчивости, в основе которой лежат все больше проявляющиеся ограничения этой концепции. На протяжении последних лет отмечается резкий рост числа статей, посвящен-

ных ограничениям концепции устойчивого развития (подход sustainability).

Анализ содержания научных статей позволяет выделить основные аргументы в части ограничений концепции устойчивого развития, которые в современном мире проявляются все более отчетливо:

1. Реактивный характер мер. Нацелен на снижение вреда вместо создания ценности.

2. Антропоцентрическая ориентация. В центре внимания находятся интересы и потребности человека, а сохранение природы рассматривается как условие выживания и процветания человечества.

3. Неспособность решать системные кризисы. Следование концепции является добровольным, фрагментированным и финансово ориентированным инструментом, который не предполагает радикальных изменений, не затрагивает коренные причины проблем – гиперпотребление, неравенство и зависимость от роста любой ценой.

Сущность экономической модели регенеративной экономики в 2015 году была сформулирована Дж. Фуллертоном в работе «Регенеративный капитализм». Регенеративный подход рассматривают как следующий этап развития после достижения устойчивости. Отмечено, что устойчивость основана на принципе «минимизации вреда» [12]. Регенерация предполагает возрождение, улучшение, восстановление жизнедеятельности. Сущность регенеративного подхода заимствована из биологии, где регенерация означает способность систем к непрерывному обновлению и восстановлению. Выйдя за рамки биологии, этот подход распространился на области сельского хозяйства, бизнеса и др. Применительно к бизнесу он означает, что организации не только стремятся снижать свое негативное влияние на окружающий мир, но и вносить значительный вклад в восстановление природной и социальной среды посредством создания соответствующих продуктов, услуг, управленческих решений [13]. Такой подход позволяет усилить устойчивость бизнеса и существенно повысить его ценность для заинтересованных сторон в долгосрочном аспекте.

Сравнительный анализ сущности, целей и особенностей концепции устойчивого развития, модели «зеленой экономики», регенеративных подходов в бизнесе позволяет сделать вывод, что именно регенеративные подходы являются следующим шагом для бизнеса, позволяющим не только обеспечивать его успешность, минимизировать негативное воздействие на окружающую среду, но и восстанавливать экосистемы (таблица).

Сравнительный анализ ключевых характеристик ESG-концепции,
«зеленой экономики», регенеративных подходов

Критерий	ESG-концепция	Модель «зеленой экономики»	Регенеративный подход в бизнесе
Цель	Баланс между потребностями нынешнего и будущих поколений без разрушения планеты	Снижение вреда	Активное восстановление и улучшение экосистем, социальных и экономических систем, создание циклических, самовосстанавливающихся систем
Временной горизонт	Среднесрочный	Среднесрочный	Долгосрочный
Подход	Политика, образование, международные соглашения	Технологии, эффективность	Целостные системы, экосистемное мышление
Экономика	Социально-экологическо-экономический баланс	Устойчивый рост с минимизацией экологического ущерба	Переход к биоцентричной модели
Пример	Ликвидация бедности, качественное образование, чистая энергия, программы «справедливой зарплаты»	Экологичный транспорт (например, электромобили), переработка отходов, циркулярная экономика	Пермакультура, восстановление лесов

Составлено авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

Анализ таблицы показывает взаимосвязь всех трех подходов, а также схожесть ключевых аспектов ESG-концепции и модели «зеленой экономики», поскольку «зеленая экономика» – это «инструмент» для достижения устойчивого развития. Устойчивое развитие – более широкая концепция, включающая, кроме экологического, социальные и гуманитарные аспекты [14]. Несмотря на тесноту связи, ESG-концепция и модель «зеленой экономики» имеют разные акценты и масштабы.

Регенеративный подход можно рассматривать как следующий этап после «зеленой экономики», который позволяет не просто сохранить, а «оживить» экосистемы (и планету в целом). Они дополняют друг друга, но регенеративный подход требует более глубоких системных изменений.

Концепция регенеративного бизнеса формируется на стыке нескольких научных направлений:

- теории устойчивости, которая направлена на достижение баланса между экономическим ростом, социальным благополучием и экологической стабильностью;
- циркулярной экономики (экономика замкнутого цикла), направленной на минимизацию отходов и максимальное использование ресурсов за счет переработки отходов, ремонта и возобновляемых материалов;
- биомимикрии – науки, основанной на подражании природным решениям для создания устойчивых технологий, материалов и систем. Например, экономические модели, копирующие природные циклы, солнечные батареи, копирующие фотосинтез;

- регенеративного дизайна – подхода к проектированию, который не только минимизирует вред, а активно восстанавливает экосистемы, создает системы, способные к самовосстановлению и эволюции. Биомимикрия (как технологии) и регенеративный дизайн (как системное видение) дополняют друг друга. Биомимикрия может быть инструментом регенеративного дизайна. Например, здание с пассивной вентиляцией (биомимикрия), которое снижает энергопотребление и тем самым приносит пользу городу (эффект регенеративного дизайна).

Анализ, проведенный Московской школой управления «Сколково», позволил сформулировать основные принципы, которые должны соблюдаться бизнесом, чтобы обеспечить внедрение этого подхода:

- восстановление природных экосистем – предполагает интеграцию природоохранных мероприятий в деятельность организации для создания долгосрочных экологических активов;
- использование циркулярных бизнес-моделей. В замкнутых производственных циклах отходы должны стать ресурсом, что позволяет бизнесу существенно снизить затраты;
- изменение культуры мышления. Изменение системы корпоративных ценностей на основе внедрения принципов устойчивого развития на всех уровнях управления бизнесом;
- внедрение устойчивых инноваций. Применение инновационных технологий позволяет бизнесу сократить ресурсопотребление и получить на этой основе конкурентные преимущества;

- социальная регенерация. Разработка программ поддержки сообществ способствует улучшению качества жизни, тем самым повышая лояльность трудовых ресурсов.

Отмечено, что применение этого подхода бизнесом влечет за собой изменения в ведении учета, информационном обеспечении, в проведении аудита, добавляя специфические и уникальные аспекты. Для организаций, реализующих регенеративный подход, традиционный аудит недостаточен. Необходим интегрированный, гибкий и системный аудит, который позволит оценивать не только соответствие стандартам регенеративного подхода (в конкретной предметной области), но и реальный вклад, позитивное воздействие результатов деятельности бизнеса на окружающую среду, общество, природу. Другими словами, аудит должен выступать инструментом верификации регенеративных практик – подтверждать наличие доказательств относительно реального восстановительного эффекта, способствовать устранению разрыва между «словами и действиями» организации, обеспечивать создание долгосрочной ценности для природы и общества.

Основываясь на анализе приведенной таблицы и рассмотрении сущности регенеративного подхода, можно сформулировать ключевые подходы и задачи в аудите регенеративных организаций:

1. Регенеративный аудит, ориентированный на оценку восстановительного потенциала бизнеса, а не только на соблюдение социальных, управленческих стандартов, регуляторных требований. Например, оценка (предполагающая в том числе полевые исследования – анализ почв, биоразнообразия) может быть направлена на: восстановление экосистем (восстановление водных ресурсов, почв); укрепление социального капитала (инклюзивность, развитие местных сообществ, сохранение культурных традиций).

2. Интегрированный аудит ESG+, предполагающий соединение «традиционного» ESG-аудита с оценкой регенеративного воздействия. Метриками оценки могут быть положительный вклад в экологию и социум, оценка экосистемных услуг (например, вклад в восстановление биоразнообразия), оценка уровня социальной регенерации (например, наличие/эффективность программ переобучения, поддержки коренных народов). Например, аудит фермы, использующей регенеративное сельское хозяйство, включает не только проверку «отсутствия вреда» окружающей среде, но и подтверждение прироста плодородия почвы за несколько лет.

3. Динамический и адаптивный аудит, основанный на гибких подходах (Agile-аудит), позволяющий быстро адаптировать/изменять методику/подходы к его проведению при изменении контекста и скоупа (границ) проверки. Он также предполагает участие заинтересованных сторон (например, экологов, ученых в оценке воздействия), использование новых технологий (например, спутниковый мониторинг восстановления лесов).

4. Подтверждение соответствия регенеративным стандартам – проверка соответствия критериям сертификаций и стандартов в предметной области (например, животноводство, леса, почвы, климат).

5. Выявление greenwashing («гринвошинг» – озеленение), оценка рисков его возникновения и повышение прозрачности данного процесса. «Гринвошинг» – маркетинговая уловка, при которой организация создаёт ложное впечатление о своей экологичности, преувеличивая или фальсифицируя «зелёные» инициативы. Так, проверке могут подвергаться цепочки поставок на соответствие заявленным принципам (например, проверка соответствия реальной и заявленной в маркетинговой компании доли сырья, поступающего из регенеративных источников, проверка доказательств экологичности продукта), есть проверка соответствия реальным объемам восстановленных земель декларируемым (например, с помощью возможностей ИИ-анализа спутниковых снимков, IoT-датчиков). Также может проводиться проверка наличия rebound-эффектов («эффект отскока») – в данном контексте – случаев, когда позитивное воздействие в одной сфере вызывает негативные последствия в другой.

Значительно повысить эффективность, прозрачность и «глубину» аудита регенеративного бизнеса могут возможности искусственного интеллекта (ИИ). Представляется, что ключевыми ценностями использования ИИ в аудите регенеративного бизнеса могут быть:

- анализ больших данных для оценки воздействия на экосистемы. Например, при мониторинге экосистем ИИ может обрабатывать данные спутников, датчиков IoT, дронов, оценивая восстановление биоразнообразия, состояние почв и водных ресурсов, динамику углеродного следа;

- проверка соответствия стандартам в предметной области регенеративного бизнеса. Например, ИИ может проверить выполнение их критериев, сгенерировать ESG-отчеты с учетом не только снижения вреда, но и позитивного воздействия;

- прогнозирование и оптимизация регенеративных практик. Например, ИИ можно применить в сценарном моделировании – он предскажет, какие методики (например, агролесоводство, биодинамическое земледелие) дадут наибольший восстановительный эффект. Также ИИ может быть использован в качестве рекомендательной системы, например для подбора оптимальных решений для данного бизнеса [15, с. 243];

- социальный аудит и вовлечение стейкхолдеров. Использование NLP (Natural Language Processing) для анализа отзывов, соцсетей, жалоб может значительно ускорить и повысить качество оценки влияния регенеративного бизнеса на сообщества [15, с. 243]. Кроме этого, полезным для аудита участия населения может быть использование чат-ботов, краудсорсинговых платформ для сбора обратной связи.

Заключение

Резюмируя, следует отметить, что в настоящее время многие организации, внедряющие регенеративные практики, сталкиваются с проблемой достоверной оценки своих результатов. Для них важен не только контроль, но и оценка системного воздействия. В контексте регенеративного бизнеса традиционный финансовый аудит трансформируется в комплексную систему оценки экосистемного воздействия. Для этого лучшим решением может быть комбинация регенеративного и адаптивного аудита. Это позволит не только подтвердить устойчивость, но и оценить реальный вклад в восстановление экосистем, социальных и экономических систем. В свою очередь искусственный интеллект создает дополнительную ценность аудита регенеративного бизнеса, позволяя повысить его точность (за счет обработки сложных экологических данных), прозрачность (минимизируя риски «гринвошинг» greenwashing), обеспечить проактивность, предсказывая лучшие практики восстановления.

Список литературы

1. Наше общее будущее. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития (прил. к записке Генерального секретаря ООН от 4 августа 1987 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://m.bigenc.ru/vault/5482fac4f9b8a7adb5c752cbf5012868.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).
2. Концепция устойчивого развития. Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2094308 (дата обращения: 19.06.2025).
3. Тимофеева А.Г., Батаева Б.С. Внедрение регенеративного подхода к управлению в компаниях розничной торговли // Russian Economic Bulletin. 2023. Т. 6. № 4. С. 62-69. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54012775_46769540.pdf (дата обращения: 16.06.2025).
4. Кадомцева М.Е. Концепция устойчивого развития: эволюция теоретических подходов и современное видение // AlterEconomics. 2023. Т. 20. № 1. С. 166-188. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-ustoychivogo-razvitiya-evolyutsiya-teoreticheskikh-podhodov-i-sovremennoe-videnie?yclid=mcc15ovhse546686635> (дата обращения: 17.06.2025). DOI: 10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.9.
5. Makarenko E.N., Chernysheva Y.G., Shepelenko G.I., Galazova S.S., Makarenko T.V. Assessment of the Economic Security of an Entity // Strategies and Trends in Organizational and Project Management, Rostov-on-Don. Springer Nature. 2022. P. 558-563. DOI: 10.1007/978-3-030-94245-8_76.
6. Ярных Э.А., Симонова М.Д. Агроэкология в контексте устойчивого развития: совершенствование системы показателей целей устойчивого развития // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2022. Т. 19. № 6 (126). С. 24-33. DOI: 10.21686/2413-2829-2022-6-24-33.
7. Макаренко Е.Н., Полякова И.А., Кислая И.А. Человеческий капитал и сфера высоких технологий: тренды развития, реалии, проблемы // Технологии и человеческий капитал: ключевые факторы устойчивого роста: монография / под. ред. д.э.н., проф. Е.Н. Макаренко. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2024. С. 19-30. ISBN: 978-5-7972-3230-8. URL: <https://rsue.ru/nauka/humancapitalmonograph/humancapitalmonograph.pdf> (дата обращения: 17.06.2025).
8. Авдокушин Е.Ф., Кузнецова Е.Г. Регенеративный бизнес: некоторые черты и особенности // Вопросы новой экономики. 2023. № 2 (66). С. 4-12. DOI: 10.52170/1994-0556_2023_66_4.
9. Carol Sanford. The Regenerative Business: Redesign Work, Cultivate Human Potential, and Achieve Extraordinary Outcomes. 2017. Boston – London: Nicholas Brealey Publishin. ISBN: 978-1-47366-910-9.
10. Горчакова Д.С., Кокошина З.А., Зайченко О.В. Искусственный интеллект и естественный интеллект как инструмент преобразования данных: соотношения, возможности и ограничения // Микроэкономика. 2024. № 5. С. 14-25. DOI: 10.33917/mic-5.118.2024.14-25.
11. Богачев Т.В., Дмитриева В.Д. Применение моделей интеллектуального анализа данных для прогнозирования экономических показателей // Искусственный интеллект: от фундаментальных проблем к прикладным задачам: в 2 томах. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2025. С. 306-317. ISBN: 978-5-7972-3391-6. URL: <https://rsue.ru/nauka/docs/monograph-ai-t2.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).
12. Алексеев С.В. Становление кафедры устойчивого развития как приоритетное направление реализации целей устойчивого развития // Педагогическая наука и практика. 2021. № 3 (33). С. 7-13. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47498352_94032723.pdf (дата обращения: 16.06.2025).
13. Авдокушин Е.Ф., Кузнецова Е.Г. Регенеративная экономика как фактор устойчивого развития // Вопросы новой экономики. 2024. № 2 (70). С. 4-13. DOI: 10.52170/1994-0556_2024_70_4.
14. Синцова Е.А., Воскресенская О.В. ESG-стратегии на современном рынке: основные тренды и перспективы развития // Фундаментальные исследования. 2023. № 12. С. 48-53. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=43532> (дата обращения: 20.06.2025). DOI: 10.17513/fr.43532.
15. Богатая И.Н., Кизилев А.Н. Основные направления использования искусственного интеллекта в аудиторской деятельности и во внутреннем контроле: монография. Искусственный интеллект: от фундаментальных проблем к прикладным задачам: в 2 томах. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2025. С. 239-251. ISBN: 978-5-7972-3391-6. URL: <https://rsue.ru/nauka/docs/monograph-ai-t2.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).

УДК 336.233
DOI

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАХОВОЙ КОМПАНИИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Климова Н.В., Гончарова Н.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»,
Краснодар, e-mail: natali2365@bk.ru

Целью исследования является расчет показателей эффективности страховой компании в балльной системе, которые позволят составить мнение о ее безопасности и перспективах обращения потребителей к ее услугам. Сложность выбора страховой компании, польза обращения к которой высока, состоит в отсутствии гарантированных параметров надежности и долговечности существования компании на рынке страховых услуг. Методами достижения поставленных задач стали методы математического моделирования, а также экономических расчетов и анализа. На основании критериев эффективности деятельности по страхованию, сумм и объемов денежных средств, привлеченных для страхования, размера собственных денежных ресурсов страховой компании, объема ее страховых услуг и резервов, параметров мобильности и организационного управления можно составить представление о ее устойчивости. Однако для этого необходимо осуществить много расчетов. Поэтому авторы, увидев задачу как определение перспективы развития страховой организации, что нужно не только потребителям ее услуг, но и компаниям-компаньонам, предпринимателям, государственным структурам, определили ключевые аспекты, на основании которых рассчитываются вторичные показатели. С целью унификации параметров авторы свели их в балльную систему. Определение значения баллов возможно на основании формулы, в которую подставлены показатели ключевых аспектов в числовом выражении. Итогами исследования является возможность применения баллов деятельности страховой организации, отражающей объективную информацию о ее дальнейшем развитии. Эти сведения помогут запланировать мероприятия с целью оптимизации дальнейшей деятельности страховой компании.

Ключевые слова: страховая организация, экономическая безопасность, виды страхования, перспективы экономического развития, предпринимательские риски, страховой рынок, формула страховых рисков

ECONOMIC SECURITY OF AN INSURANCE COMPANY IN THE CONTEXT OF PROSPECTS FOR ITS EFFECTIVENESS

Klimova N.V., Goncharova N.A.

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar,
e-mail: natali2365@bk.ru

The purpose of the study is to calculate the performance indicators of an insurance company in a point system, which will allow us to form an opinion about its safety and the prospects for consumers to use its services. The difficulty of choosing an insurance company, the benefits of which are high, lies in the lack of guaranteed parameters of reliability and durability of the company's existence in the insurance market. The methods of mathematical modeling, as well as economic calculations and analysis, have become the methods of achieving the tasks set. Based on the criteria of the effectiveness of insurance activities, the amount and volume of funds raised for insurance, the size of the insurance company's own monetary resources, the volume of its insurance services and reserves, the parameters of mobility and organizational management, it is possible to form an idea of its sustainability. However, this requires a lot of calculations. Therefore, the authors, seeing the task as determining the prospects for the development of an insurance company, which is necessary not only for consumers of its services, but also for partner companies, entrepreneurs, and government agencies, identified the key aspects on the basis of which secondary indicators are calculated. In order to unify the parameters, the authors combined them into a point system. The value of points can be determined on the basis of a formula in which the indicators of key aspects are substituted in numerical terms. The results of the study are the possibility of applying points for the activity of an insurance company, reflecting objective information about its further development. This information will help you plan activities to optimize the future activities of the insurance company.

Keywords: insurance company, economic security, prospects for economic development, types of insurance, business risks, insurance market, insurance risk formula

Введение

В России основу экономики составляет экспортная торговля природными ресурсами: газом, нефтью, древесиной, составляющими базу энергетического хозяйства. Множество товаров для внутреннего потребления являются результатом поставок импорта, преимущественно из Китая. Сложившаяся ситуация нуждалась в модернизации. Президент Российской Федерации В.В. Пу-

тин, выступая 29 февраля 2024 г. перед Федеральным Собранием озвучил дальнейшие меры экономического развития России до 2030 г.¹ Они состоят в создании экономических стимулов для активизации вну-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. Владимир Путин обратился с Посланием к Федеральному Собранию. Церемония оглашения прошла в Москве, в Гостинном дворе // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 02.07.2025).

тренного спроса на товары отечественного производства. Одним из главных факторов роста экономических показателей российского предпринимательства является доверие потребителей, обеспечиваемое защитой участников товарно-денежных отношений в поле совершения безопасных сделок. Экономическая безопасность – категория, показывающая уровень доверия партнеров по бизнесу друг другу, потребителей – предпринимательским структурам и на этом основании – эффективности деятельности в условиях существующих рисков предпринимательства. Предпринимательство в отсутствие рисков означало бы потерю главной составляющей – потерю возможности получения дополнительной прибыли, что равносильно отказу от самой сути предпринимательской деятельности. Способность идти на риск и адаптация под изменяющиеся условия предпринимательской среды присущи каждому, кто включен в сферу бизнеса, в большей или меньшей степени. В каждой сфере предпринимательства актуальны различные факторы риска. Они могут иметь субъективную или объективную природу, основываясь на действиях участников предпринимательства, последствиях принятой предпринимательской тактики или стратегии, изменении условий рынка [1]. Для удобства управления риски бизнеса объединены в категории на основе определенных показателей. Главное требование при объединении факторов риска – их сопоставимость. Помимо безопасных инструментов взаимных расчетов, связанных с внедрением инструментов программной защиты, в деятельности бизнеса важно применять инструменты страхования.

В свою очередь, состояние экономической безопасности побуждает предпринимателя к поиску путей повышения безопасности, достижения ее более высокого уровня или же позволяет переключить его активность и ресурсы на иные цели, если оценки экономической безопасности велики. Если бизнес чувствует угрозу, предприниматель старается укрепить безопасность. А когда угрозы предсказуемы, он может сосредоточиться на решении задач бизнеса. Поэтому страхование можно назвать оптимальным решением для нивелирования рисков и симулирования на достижения цели предпринимателя.

Цель исследования – определение оптимальных параметров для определения экономической безопасности страховой организации. Для достижения этой цели было необходимо решение следующих задач: выявление роли страховых организаций в обеспечении предпринимательских

рисков; анализ особенностей предпринимательской деятельности страховой фирмы; определение параметров значимости показателей страховой фирмы в определении ее эффективности; оптимизация расчетов эффективности страховой деятельности.

Материалы и методы исследования

Методами достижения поставленных задач стали методы математического моделирования, экономических расчетов и анализа, результатами которых стал вывод показателей и формула для последующих расчетов аспектов, влияющих на скорость реагирования, финансовые резервы и действенность управленческих решений.

Результаты исследования и их обсуждение

Страхование – деятельность, которая находится в постоянном развитии. Поэтому, с одной стороны, ей присущи те же проблемы, что и всему бизнесу, а с другой стороны, деятельность страховщиков содержит стратегии возмещения существующих рисков. Страховщики взаимодействуют со всеми рисками, возникающими во взаимодействии физических и юридических лиц.

Проблема, поднятая в статье, последовательно раскрывалась в научной литературе. А.А. Лубский рассматривает экономическое поведение субъектов предпринимательства как один из факторов экономического развития в целом [2]. Он выявляет черты культуры предпринимательства в Российской Федерации. По его прогнозу, у российских предпринимателей возможность экономического роста зависит от развития культуры предпринимательства. Д.В. Данина и Н.В. Климова, отталкиваясь от потребности экономического роста российской экономики, называют отсутствие гарантий безопасности экономической деятельности главным препятствием развития предпринимательства, что можно отнести к предприятиям страхового бизнеса [3]. С.В. Лялин [4], Е.В. Костяева [5] выявляют различные аспекты экономической безопасности страховой компании. Угрозу мошенничества как главный риск экономической безопасности и самому существованию компаний в сфере страхового бизнеса рассмотрела Н.И. Крюкова [6]. Основания финансовой стабильности анализировали Н.А. Гончарова с соавт. [7]. В целом анализ источников показывает, что угроз экономической безопасности реально немало, потребность в услугах страховой компании существует как у бизнеса, так и у физических лиц – потребителей услуг, а устойчивость и мобильность страховой компании

в сложившихся условиях является предметом интенсивного изучения. В случае правильного выбора страховой организации риски бизнеса снижаются. Авторы рассмотрели большинство случаев, когда обращение к услугам страхования целесообразно. Для того, чтобы воспользоваться услугами страхования, надо быть уверенным в снижении рисков в деятельности страховщика. Его финансовая устойчивость – предмет исследования К.Ю. Еремейчук и Е.Е. Машьяновой [8]. Авторы выявляют такие аспекты безопасности, как особенности банковского взаимодействия и влияние экономического кризиса на показатели востребованности услуг страхования. Конкретные примеры оптимизации структуры капитала компании рассматривают М.В. Чувашлова, А.А. Васяева, Е.А. Горловская, М.А. Починова [9, с. 70–82]. Ю.В. Зыкова и Т.Р. Лукашенок определяют роль механизмов страхования и перестрахования в контексте безопасности страховщика [10]. Несмотря на многообразие работ, поднимающих рассматриваемый вопрос, авторы не предлагают конкретных решений, направленных на ликвидацию угрозы экономической безопасности. Предлагаемая статья направлена на ликвидацию отмеченного пробела.

С целью повышения рациональности деятельности страховой компании для обеспечения экономической безопасности должны учитываться показатели трех видов ее деятельности – организационной, финансовой и управленческой.

Первый вид деятельности – организационный. Результаты деятельности страховой компании показывают не только текущее, но и потенциальное экономическое развитие. Результирующие показатели составляют основу экономической безопасности страховой компании. Они зависят непосредственно от избранной компанией стратегии экономического развития. В блок результирующих показателей входят суммы и объемы денежных средств, привлеченных для страхования, размер собственных денежных ресурсов страховой компании, объема ее страховых услуг и резервов.

Об экономической эффективности судят по показателям рентабельности, отражающим финансовое состояние бизнеса в целом, которые в том числе применимы к деятельности страховых компаний, но на их основе нельзя понять, какая из компаний надежнее с позиции выплат; чтобы это определить, нужно использовать дополнительные показатели [11]. В современной ситуации самый распространенный способ создания страховых фондов – объединение страховых взно-

сов людей в созданный фонд, цель которого возмещение ущерба, компенсация убытков в случае болезни, аварии, несчастных случаев и другого происшествия. Страховые фонды принимают периодические – выплачиваемые в соответствии с договором – платежи строго в одно и то же время. Это разновидность коммерческого страхования [12]. В случае заключения договора все возможные риски, по желанию клиентов, могут быть застрахованы и потому, в случае их осуществления, могут быть рассмотрены как наступление страхового случая. Особенностью распоряжения выплатой страхового фонда является направленное целевое использование средств – деньги можно использовать только на компенсацию убытков в соответствии с договором и ни на что другое. Для выплаты компенсации компания должна иметь достаточно денег на осуществление выплат в массовых страховых случаях. Если договором застрахован объект недвижимого имущества и перечислены случаи, в которых положена выплата компенсации, то клиент должен получить компенсацию за счет средств фонда. Сущность страхового фонда состоит в том, что все страхователи, осознавая возможные риски, помогают в страховом случае тому, кто получит убыток от его наступления. При этом важно, чтобы страховая компания могла выполнить приблизительный прогноз на возможный ущерб относительно каждого клиента. Прогноз на возможные выплаты – важный элемент стратегии, он позволяет отличить реальный страховой случай от мошенничества с целью получения страховки. Все названные факторы учитываются и влияют на размер ежемесячной оплаты по договору страхования². На размер суммы влияют серьезность проблемы клиента, вероятность наступления страхового случая, готовность передать свои риски выбранной компании.

Страховая компания принимает на себя компенсацию наступления страхового случая. В случае страхования бизнеса предприниматель высвобождает энергию от затрат, вызванных случайными рисками, проблемами, может не опасаться случайных поломок важного технологического оборудования; в случае необходимости ремонта – рассчитывать на компенсацию материальных расходов, сосредоточившись на выполнении намеченных задач. Заключив страховой договор с компанией, предприниматель рассчитывает на инструменты безопасности для бизнеса.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. II. Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

Второй вид деятельности страховой компании – финансовый. Он включает создание четырех показателей: платежеспособности, ликвидности, оборачиваемости капитала и инвестиционной политики. Каждый показатель проецирует отношение клиента к компании-страхователю. Платежеспособность создает надежную репутацию, ликвидность – свидетельствует о способности фирмы покрывать в достаточно короткие сроки свои долги; эффективная оборачиваемость – результат деловой активности, а вложения в акции страхователя – характеристика инвестиционной привлекательности.

Третий вид деятельности страховой компании – управление. К нему в сфере страхования предъявляются особые требования. Руководство страхованием должно быть эффективно в любых условиях: кризисной экономики, развивающейся модернизации; стабильных или нестабильных потреблении и спросе, в условиях санкций или проблем с инвестированием. В условиях растущей экономики особенности стратегии страхования будут состоять в более легком привлечении клиентов, чем в кризисной. Это вызвано тем, что стратегии привлечения клиентов совпадут с желанием людей быть застрахованными, чтобы сохранить существующее положение, не желая потерять его. Поэтому в страховой компании сосредоточивается больше денег и компания может реализовывать новые проекты [13]. Планы страховой компании в этих условиях имеют оптимистический прогноз, и составить их проще. Однако в кризисные периоды страховая компания также должна быть эффективной, чтобы реально соответствовать своему назначению. Поэтому фирма обязана вкладывать материальные средства в предотвращение возможных проблем, например проверять порядочность клиентов, обучать сотрудников, перепоручать риски другим страховым компаниям.

Чтобы понять, насколько экономическое положение страховой компании стабильно, нужно использовать специальный математический метод, который позволяет просчитать общий показатель экономической безопасности, учитывая все названные виды деятельности. Для этого следует использовать формулу вычисления интегрального показателя на основании следующей формулы:

$$f\bar{b} = p1b1 + p2b2 + p3b3, \quad (1)$$

где результат – суммарный параметр экономической безопасности,

p – вероятностный показатель значений видов деятельности страховой компании;

b – балл, характеризующий показатель системы ее экономической безопасности.

Для расчета комплексных показателей b нужно создать систему критериев с установленными нормами. Эти критерии будут оценивать различные стороны экономической безопасности бизнеса. Соответствие установленным нормам по каждому критерию станет залогом успешной работы в данной области предпринимательской деятельности.

Сравнение реальных показателей с установленными нормами поможет понять обеспеченность экономической безопасности бизнеса и, если ее нет, подскажет, как это исправить. Если проверка показывает удовлетворительные результаты, следует продолжать текущую стратегию развития. Это поможет сохранить финансовый рост, иметь социально-экономический потенциал, а также выступает свидетельством стабильного развития компании и ее готовности к возможным проблемам в будущем.

Применение баллов – традиционная практика, реализуемая в ходе оценивания параметров финансовой и управленческой деятельности компаний. В результате можно вывести значения совокупного индекса (балла) b_2 и b_3 . На первом этапе необходимо оценить влияние управления на экономическую защищенность страховой компании. В этой связи заслуживает внимания подход О.В. Тронева, предложившего методику определения эффективности управления с использованием таких параметров, как скорость реагирования, наличие финансовых резервов [14].

Применение балльной оценки действенности управленческих решений организации осуществляется на основе анализа аспектов деятельности компании в широком их групповом перечне (отсутствие перспективы банкротства, наличие и содержание действующей лицензии на страховую деятельность, юридический статус рассматриваемой страховой компании и др.). Оценка финансовой деятельности концептуально требует сопоставления бюджета мероприятий и размера финансовых резервов, которые могут быть привлечены в случае возникновения проблем финансового характера.

Балльный метод достаточно эффективно и наглядно может быть применен и в отношении оценки организационной деятельности страховой компании (балл $b1$). Организационные показатели характеризуют работу компании, ее подразделений, прежде всего с точки зрения организационной структуры, а также общую эффективность (рентабельность продаж, активов, производительность труда).

Пример балльной оценки организационного аспекта деятельности страховой компании, составленный с использованием методики О.В. Тронева

Код	Наименование показателя	Базовое значение	Фактическое значение	Рост, %	Вес, ед.	Частный балл
01. Показатели организационной структуры						
1	2	3	4	5	6	7
011	Штатная численность, чел.	11984	12067	100,69	0,20	20,14
012	Норма управляемости (в среднем), чел.	15	17	113,33	0,18	20,40
013	Распределение сотрудников, отн. ед.	0,65	0,70	107,69	0,15	16,15
014	Уровни управления, шт.	5	4	80,00	0,15	12,00
015	Текучесть кадров компании, %	12	15	125,00	0,12	15,00
016	Трудовая дисциплина, балл	10	9	90,00	0,10	9,00
02. Показатели общей эффективности						
021	Рентабельность страховых операций, %	32,8	28,7	87,50	0,05	4,38
022	Рентабельность активов, %	9,42	6,7	71,13	0,02	1,42
023	Страховая премия, млрд руб.	89,82	99,71	111,01	0,02	2,22
03. Обобщенные финансовые показатели						
031	Урегулированные страховые убытки, млн руб.	21718	22184	102,2	0,01	1,02
	Итого:	—	—	—	1,00	101,73

Дополнительно имеет смысл использовать ряд обобщенных финансовых показателей: прибыль, чистый денежный поток. В широком смысле организационные показатели используются для оценки достижения стратегических целей, корректировки бизнес-процессов, мотивации в управлении персоналом. Для расчета организационных показателей используются стандартные методы экономического анализа, в частности горизонтальный анализ, вертикальный (структурный), трендовый, факторный, метод аналогий, экспертной оценки и ряд других [15, с. 142–167]. Отбор наиболее значимых показателей и определение весовых коэффициентов производится экспертным методом с привлечением квалифицированных специалистов, а число показателей должно быть ограничено до 10–15. Приведем пример балльной оценки организационного аспекта деятельности страховой компании, составленный с использованием методики О.В. Тронева (таблица).

Как видно из таблицы, итоговое значение комплексного показателя эффективности организационного направления деятельности (b_1) составило 101,7 балла, что свидетельствует о хорошей работе условной страховой компании. Однако из шести главных критериальных показателей (код 01) выполнено четыре. Также имеют место отрицательные отклонения по частным показателям рентабельности.

Заключение

Математический метод, предлагаемый для получения объективной информации о потенциальных возможностях дальнейшего развития страховой фирмы, поможет заранее продумать мероприятия, направленные на улучшение стратегии ее действий на ближайшую и долгосрочную перспективу на основе совершенствования конкретных показателей. Предложенная формула может успешно применяться не только в страховом бизнесе, но и в других сферах, где организации предоставляют социально ориентированные услуги и сталкиваются с различными рисками. Полученные с помощью предлагаемой формулы результаты могут быть использованы с целью стратегического планирования.

Список литературы

1. Antsygina A.L., Zhukov A.N., Sypchenko A.E. Macroeconomic Determinants of the Entrepreneurial Activity at Different Business Cycle Phases: The Regional Level // *Ekonomika regiona*. 2017. № 13 (4). P. 1095–1106. URL: <https://economyo-region.ru/wp-content/uploads/2020/04/macroeconomic-determinants-of-the-entrepreneurial-activity-at-different-business-cycle-phases-.pdf> (дата обращения: 02.07.2025).
2. Лубский А.А. Культура экономического поведения субъектов экономического хозяйствования как фактор социально-экономического развития общества // *Инновационные проекты и программы в образовании*. 2020. № 1 (67). С. 6–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-ekonomicheskogo-povedeniya-subektov-ekonomicheskogo-hozyaystvovaniya-kak-faktor-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (дата обращения: 06.06.2025).

3. Данина Д.В., Климова Н.В. Конкурентоспособность предприятия: сущность и методы оценки // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 11–2 (81). С. 71–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurentosposobnost-predpriyatiya-suschnost-i-metody-otsenki> (дата обращения: 06.06.2025).
4. Лялин С.В. Обеспечение экономической безопасности в системе страхования: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. М., 2014. 30 с.
5. Костяева Е.В. Трансформация механизма обеспечения финансовой безопасности страховых организаций в условиях внедрения риск-ориентированного подхода // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5. № 2. С. 655–672. URL: <https://economic.ru/lib/114420> (дата обращения: 04.06.2025). DOI: 10.18334/ecsec.5.2.114420.
6. Крюкова Н.И. Мошенничество в сфере страхования // Экономика. Право. Общество. 2018. № 3. С. 69–72. URL: <https://epo.rea.ru/jour/article/view/254> (дата обращения: 06.06.2025).
7. Молчан А.С., Удовик Е.Э., Гончарова Н.А., Шупило О.М., Павленко В.Н. Основы страхования предпринимательства. Краснодар. 2010. 180 с. ISBN 978-5-903944-22-4. EDN: SDCNUD.
8. Еремейчук К.Ю., Машьянова Е.Е. Финансовая устойчивость страховых компаний в системе финансовой безопасности страхового рынка // Science Time. 2016. № 10 (34). С. 75–84. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-ustoychivost-strahovykh-kompaniy-v-sisteme-finansovoy-bezopasnosti-strahovogo-rynka-rossii> (дата обращения: 06.06.2025).
9. Чувашлова М.В., Васяева А.А., Горловская Е.А., Поцинова М.А. Роль финансовой безопасности в системе экономической безопасности хозяйствующего объекта // Наука Красноярья. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-finansovoy-bezopasnosti-v-sisteme-ekonomicheskoy-bezopasnosti-hozyaystvuyushchego-subekta> (дата обращения: 02.07.2025).
10. Зыкова Ю.В., Лукашенко Т.Р. Оценка состояния и перспектив экономической безопасности страховой компании // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6–2 (45). С. 199–205. URL: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2021/08/Zykova.pdf> (дата обращения: 04.06.2025). DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10726.
11. Савицкая Г.В. Показатели финансовой эффективности предпринимательской деятельности: обоснование и методика расчета // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 39. С. 14–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokazateli-finansovoy-effektivnosti-predprinimatelskoy-deyatelnosti-obosnovanie-i-metodika-rascheta> (дата обращения: 02.07.2025).
12. Хидирова Г., Кизи Р. Договор страхования // Вестник Национального института бизнеса. 2017. № 28. С. 256–268. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-strahovaniya> (дата обращения: 02.07.2025).
13. Павличенко Я.В. Разработка финансового прогноза страховой организации в условиях экономической неопределенности // Инновации и инвестиции. 2021. № 11. С. 83–88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-finansovogo-prognoza-strahovoy-organizatsii-v-usloviyah-ekonomicheskoy-neopredelennosti> (дата обращения: 26.07.2025).
14. Тронева О.В. Обеспечение финансовой устойчивости страховых организаций в условиях кризиса. автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. 26 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/obespechenie-finansovoi-ustoichivosti-strakhovykh-organizatsii-v-usloviyah-krizisa/read> (дата обращения: 06.06.2025).
15. Математические и инструментальные методы в современных экономических исследованиях: монография / Под ред. М.В. Грачевой и Е.А. Тумановой. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018. 232 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=52178&p=attachment> (дата обращения: 06.06.2025). ISBN 978-5-906932-07-5.

УДК 330.322:347.73
DOI

ИНВЕСТИЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Матвиенко И.И.

*Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук,
Архангельск, e-mail: iim1978@rambler.ru*

Инвестиционное законодательство России и регионов российской Арктики несовершенно из-за бессистемности, хаотичности и противоречивости. У арктических регионов отсутствует единый подход в законодательной деятельности по части регионального инвестиционного закона – базового нормативного правового акта, регулирующего инвестиционную деятельность в регионе. Цель исследования – предложить рекомендации, направленные на совершенствование инвестиционного законодательства регионов российской Арктики. Проведен контент-анализ инвестиционного законодательства России и арктических регионов, где затронуты современные проблемы инвестиционного законодательства на федеральном и региональном уровнях. Выделены особенности регионального инвестиционного закона у субъектов Российской Федерации, полностью или частично отнесенных к сухопутным территориям Арктической зоны Российской Федерации. Отмечена необходимость группировки форм, методов и мер регулирования и поддержки инвестиционного процесса на финансовые и нефинансовые в инвестиционных законах регионов российской Арктики в целях единообразного отображения информации для упрощения, например, процедуры оценки эффективности деятельности региональной власти в части инвестиций. Сформулированы предложения по совершенствованию инвестиционного законодательства регионов российской Арктики, в том числе раскрыта необходимость разработки и применения модельного закона «Об инвестициях и инвестиционной деятельности на территории арктического субъекта Российской Федерации».

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционное законодательство, региональный инвестиционный закон, модельный закон, российская Арктика

Исследование выполнено в соответствии с тематикой государственного задания лаборатории социо-эколого-экономических систем Института социально-экономических и биоресурсных исследований ФГБУН «ФИЦКИА УрО РАН» (№ гос. регистрации темы ФНИР 125021902573-9).

INVESTMENT LEGISLATION OF THE RUSSIAN ARCTIC REGIONS: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Matvienko I.I.

*N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, e-mail: iim1978@rambler.ru*

The investment legislation of Russia and the Russian Arctic regions is imperfect due to its haphazardness, randomness and inconsistency. The Arctic regions lack a unified approach to legislative activity regarding the regional investment law, the basic regulatory legal act regulating investment activities in the region. The purpose of the study is to propose recommendations aimed at improving the investment legislation of the Russian Arctic regions. A content analysis of the investment legislation of Russia and the Arctic regions is carried out, where modern problems of investment legislation at the federal and regional levels are touched upon. The features of the regional investment law of the subjects of the Russian Federation, fully or partially attributed to the land territories of the Arctic zone of the Russian Federation, are highlighted. The necessity of grouping forms, methods and measures of regulation and support of the investment process into financial and non-financial ones in the investment laws of the Russian Arctic regions in order to display information in a uniform manner to simplify, for example, the procedure for evaluating the effectiveness of regional authorities in terms of investments was noted. Proposals are formulated to improve the investment legislation of the Russian Arctic regions, including the need to develop and apply a model law "On Investments and investment activities in the territory of the Arctic region of the Russian Federation."

Keywords: investments, investment legislation, regional investment law, model law, Russian Arctic

The study was carried out in accordance with the topic of the state assignment of the laboratory of Socio-Ecological-Economic Systems of the Institute of Socio-Economic and Bioresource Research FECIAR UrB RAS (№ 125021902573-9).

Введение

В Российской Федерации (далее – РФ) законодательная база, регулирующая инвестиционную деятельность, достаточно объемна, она включает в себя более тысячи нормативных правовых актов, которые

можно структурировать в определенную систему инвестиционного законодательства. Эта система работает как единый организм взаимосвязанных нормативно-правовых документов с определенной иерархией правовой базы в целях создания правовых пред-

посылок для управления инвестиционными процессами в стране. В настоящее время инвестиционное законодательство России отличается бессистемностью, хаотичностью и противоречивостью, о чем свидетельствует большое количество нормативных правовых актов. Данный факт отмечают многие отечественные исследователи в своих работах. Например, Акопян О.А. отмечает, что формирование правовой базы носит стихийный характер [1, с. 119], Арзамаскин А.Н. говорит о разрозненном характере правового обеспечения [2, с. 65], а Гутников О.В. подчеркивает, что инвестиционное законодательство носит хаотичный и бессистемный порядок [3, с. 10]. Свечников В.А. [4, с. 83], Богатырев А.Г. [5, с. 25], Арсланбекова А.З. и Казбекова Н.В. [6, с. 45] отмечают необходимость совершенствования инвестиционного законодательства России. Проблема несовершенства инвестиционного законодательства актуальна и для регионов российской Арктики. Отсутствие надлежащего правового регулирования инвестиционных отношений в Арктике отмечают Чурилов А.Ю. [7, с. 63], Серова Н.А. [8, с. 86], Баттахов П.П. и Саяпин С.П. [9, с. 177], Емельянов А.С. и Стародубова О.Е. [10, с. 130] и другие. У арктических регионов отсутствует единый подход в законодательной деятельности по части регионального инвестиционного закона – базового нормативного правового акта, регулирующего инвестиционную деятельность в регионе. Законодательные меры по привлечению инвестиций и стимулированию инвестиционной активности – жизненная необходимость для регионального развития [11, с. 117].

Цель исследования – предложить рекомендации, направленные на совершенствование инвестиционного законодательства регионов российской Арктики.

Материал и методы исследования

Нормативные правовые акты РФ и регионов российской Арктики, регулирующие инвестиционную деятельность, составляют информационную базу исследования. Были использованы методы логического и системного анализа, а также проведен контент-анализ инвестиционного законодательства России и арктических регионов по состоянию на 01 января 2025 года.

Результаты исследования и их обсуждение

В систему инвестиционного законодательства России, кроме Конституции РФ, можно включить семь блоков источников права, которые представлены в таблице 1.

Первые пять блоков источников права можно отнести к федеральному инвестиционному законодательству, а шестой блок – к региональному. Региональное инвестиционное законодательство не должно противоречить нормам федерального законодательства, поскольку субъекты РФ осуществляют практические действия по реализации инвестиционных норм федерального законодательства. Нормативные документы субъекта РФ в части инвестиционной деятельности обязательно должны соответствовать Конституции РФ и федеральному законодательству, на территории регионов обязательно должен действовать единый законодательный фон с отдельными видоизменениями регионов.

Федеральное инвестиционное законодательство содержит явное указание на основные меры государственной поддержки инвестиционной деятельности, а также на основные формы и методы государственного регулирования инвестиционной деятельности. Меры государственной поддержки законодательством закреплены в статье 15 Федерального закона «О защите и поощрении капиталовложений в РФ», а формы и методы государственного регулирования – в статье 11 Федерального закона «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений». Глава 2.1 Федерального закона «О промышленной политике в РФ» содержит информацию об особенностях такого инструмента регулирования и поддержки инвестиционного процесса государством, как специальный инвестиционный контракт (далее – СПИК), который предполагает в настоящее время деление на СПИК 1.0 и СПИК 2.0. В главе 4 Федерального закона «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне РФ» указаны меры государственной поддержки предпринимательской деятельности в Арктике, в том числе меры для резидентов-инвесторов Арктической зоны РФ. Нормативные правовые акты субъектов РФ уточняют и конкретизируют формы, методы и меры регулирования и поддержки инвестиционного процесса [12, с. 69], которые применяются в регионе для повышения его инвестиционной привлекательности и создания благоприятного инвестиционного климата в целом.

Основой регионального инвестиционного законодательства является инвестиционный закон. Именно наличие и качество инвестиционного закона может выступать одним из индикаторов эффективности деятельности региональной власти в Арктике.

Таблица 1

Система инвестиционного законодательства России

№	Источники права	Примеры нормативных правовых актов
1	Кодифицированные федеральные законы	• Гражданский кодекс РФ, • Бюджетный кодекс РФ, • Налоговый кодекс РФ и др.
2	Федеральные законы	• Федеральный закон от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений», • Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в РФ», • Федеральный закон от 09.07.1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в РФ», • Федеральный закон от 28.11.2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе», • Федеральный закон от 29.11.2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах», • Федеральный закон от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», • Федеральный закон от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне РФ», • Федеральный закон от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в РФ» и др.
3	Правовые акты Президента РФ – указы и распоряжения	• Указ Президента РФ от 17.09.1994 г. № 1928 «О частных инвестициях в РФ», • Распоряжение Президента РФ от 03.08.2011 г. № 535-рп «Об инвестиционных уполномоченных в федеральных округах» и др.
4	Правовые акты Правительства РФ – постановления и распоряжения	• Постановление Правительства РФ от 13.09.2022 г. № 1602 «О соглашениях о защите и поощрении капиталовложений», • Постановление Правительства РФ от 16.07.2020 г. № 1048 «Об утверждении Правил заключения, изменения и расторжения специальных инвестиционных контрактов», • Распоряжение Правительства РФ от 28.11.2020 г. № 3143-р «Об утверждении перечня современных технологий для специальных инвестиционных контрактов» и др.
5	Нормативные документы министерств и ведомств РФ	• Приказ Минэкономразвития России от 30.09.2021 г. № 591 «О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах РФ («Региональный инвестиционный стандарт»)), • Приказ Минэкономразвития России от 16.11.2022 г. № 626 «Об утверждении общих требований к финансовой модели инвестиционного проекта» и др.
6	Нормативные документы субъекта РФ	• акты высшего должностного лица субъекта РФ об инвестициях и инвестиционной деятельности, • акты законодательных и исполнительных органов субъекта РФ об инвестициях и инвестиционной деятельности
7	Нормативные документы муниципалитета	• муниципальные правовые акты об инвестициях и инвестиционной деятельности

Примечание: составлено автором на основе контент-анализа нормативных правовых актов, регулирующих инвестиционную деятельность в России.

У арктических регионов России есть большой потенциал для привлечения инвестиций, поскольку Арктика – уникальная территория с огромными перспективами для потенциальных инвесторов. Арктика – территория стратегических интересов России [13, с. 5], поэтому Россия без арктических территорий не может развиваться в современном мире [14, с. 99]. В таблице 2 представлена сводная информация о базовых норматив-

но-правовых документах, регулирующих инвестиционную деятельность в регионах российской Арктики.

Название базового инвестиционного закона у регионов российской Арктики не совпадает и разнится от региона к региону. У большинства арктических регионов можно встретить словосочетание «государственная поддержка инвестиционной деятельности» (Мурманская область, Ре-

спублика Карелия, Ненецкий и Чукотский автономные округа, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), у Архангельской области и Красноярского края акцент делается на «инвестиционную политику»,

у Республик Коми и Саха (Якутия) в названии кратко отражено «об инвестиционной деятельности», а у Ямало-Ненецкого автономного округа просто кратко зафиксировано в названии «об инвестициях».

Таблица 2

Инвестиционные законы регионов российской Арктики

Арктический регион	Инвестиционный закон субъекта РФ	Общее количество статей в законе	Количество действующих статей в законе
Субъекты РФ, полностью отнесенные к сухопутным территориям Арктической зоны РФ			
Ненецкий автономный округ	Закон Ненецкого автономного округа от 19.09.2014 № 94-ОЗ «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Ненецком автономном округе, осуществляемой в форме капитальных вложений» (редакция на 26 марта 2024 года)	22	19
Мурманская область	Закон Мурманской области от 11.01.2011 № 1315-01-ЗМО «О государственной поддержке инвестиционной деятельности на территории Мурманской области» (редакция на 27 декабря 2024 года)	17	17
Ямало-Ненецкий автономный округ	Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 09.02.1998 № 6-ЗАО «Об инвестициях» (редакция на 27 сентября 2022 года)	15	14
Чукотский автономный округ	Закон Чукотского автономного округа от 05.05.2015 № 28-ОЗ «О государственной поддержке инвестиционной деятельности и разграничении полномочий в сфере защиты и поощрения капиталовложений на территории Чукотского автономного округа» (редакция на 13 июня 2023 года)	12	4
Субъекты РФ, частично отнесенные к сухопутным территориям Арктической зоны РФ			
Республика Карелия	Закон Республики Карелия от 05.03.2013 № 1687-ЗРК «О некоторых вопросах государственной поддержки инвестиционной деятельности, защиты и поощрения капиталовложений в Республике Карелия» (редакция на 30 июня 2023 года)	11	11
Республика Коми	Закон Республики Коми от 28.06.2005 № 71-РЗ «Об инвестиционной деятельности на территории Республики Коми» (редакция на 29 июля 2024 года)	28	28
Архангельская область	Закон Архангельской области от 24.09.2010 № 188-15-ОЗ «О государственной политике Архангельской области в сфере инвестиционной деятельности и реализации государственных полномочий Архангельской области в сфере защиты и поощрения капиталовложений» (редакция на 25 декабря 2023 года)	20	18
Красноярский край	Закон Красноярского края от 11.07.2019 № 7-2919 «Об инвестиционной политике в Красноярском крае» (редакция на 13 июня 2024 года)	18	18
Республика Саха (Якутия)	Закон Республики Саха (Якутия) от 24.06.2013 1221-3 № 1337-IV «Об инвестиционной деятельности в Республике Саха (Якутия)» (редакция на 03 мая 2023 года)	36	34
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 26.06.2020 № 59-оз «О государственной поддержке инвестиционной деятельности, защите и поощрении капиталовложений в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (редакция на 01 июля 2023 года)	15	15

Примечание: составлено автором на основе контент-анализа инвестиционных законов арктических регионов.

Действующие инвестиционные законы арктических субъектов РФ были официально утверждены в разные временные периоды, что отражается на качестве и актуальности информации: достаточно «старые» нормативные правовые акты у Ямало-Ненецкого автономного округа (1998 год) и у Республики Коми (2005 год), относительно «свежие» нормативные правовые акты у Красноярского края (2019 год) и у Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (2020 год), в течение 2010-2015 гг. нормативные правовые акты появились у остальных арктических регионов: Ненецкий и Чукотский автономные округа, Мурманская и Архангельская области, Республики Саха (Якутия) и Карелия.

Что касается современной редакции инвестиционных законов, то в 2024 году актуализация была проведена у Мурманской области, Ненецкого автономного округа, Республики Коми и Красноярского края. У Ямало-Ненецкого автономного округа последняя редакция документа только в 2022 году, а у остальных арктических регионов (Чукотский автономный округ, Республики Карелия и Саха (Якутия), Архангельская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) в 2023 году.

Качество наполнения базового инвестиционного закона достаточно существенно отличается от региона к региону, о чем наглядно свидетельствуют общее количество статей в законе – от 11 (Республика Карелия) до 36 (Республика Саха (Якутия)), а также количество действующих статей в законе – от 4 (Чукотский автономный округ) до 34 (Республика Саха (Якутия)). На 01 января 2025 года максимальное количество действующих статей и тщательная проработка закона у Республики Саха (Якутия), а минимальное количество действующих статей и формальный подход к базовому инвестиционному документу можно отметить у Чукотского автономного округа. У остальных арктических регионов количество действующих статей варьируется в рамках диапазона от 11 до 28. Однако наличие базового инвестиционного закона в каждом арктическом регионе, несмотря на разншерстность и отсутствие унификации в документации, свидетельствует о желании региональных властей создать предсказуемые и благоприятные условия для бизнеса.

Существует определенная сложность и проблемность в анализе регионального инвестиционного закона по части отражения форм, методов и мер регулирования и поддержки инвестиционного процесса. Например, у Чукотского автономного округа идет разделение на финансовые и нефинансовые, у Красноярского края дифферен-

циация на четыре группы (1 – финансовые, 2 – налоговые, 3 – имущественные и инфраструктурные, 4 – информационно-консультационные и организационные), у Ханты-Мансийского автономного округа – Югры разделение по видам соглашений (соглашения о реализации инвестиционных проектов или соглашения о защите и поощрении капиталовложений). У большинства же регионов российской Арктики перечисление разнообразных по формулировкам форм, методов и мер регулирования и поддержки инвестиционного процесса идет просто единым списком. Количество и качество их при этом взаимоувязано либо со временем утверждения нормативного правового акта, либо со временем редакции, либо с учетом федеральных корректировок инвестиционного законодательства, либо с особенностями государственного регулирования и поддержки в арктическом регионе. Можно отметить, что у регионов российской Арктики отсутствует единый подход в законодательной деятельности в отражении форм, методов и мер регулирования и поддержки инвестиционного процесса в региональном инвестиционном законе.

Таким образом, контент-анализ инвестиционного законодательства регионов российской Арктики наглядно показал, что региональный инвестиционный закон у арктических субъектов РФ не имеет стандартной, унифицированной и единообразной формы: как по содержанию, так и по названию.

Инвестиционные законы у одних арктических регионов стали рабочим инструментом, а у других остаются формальностью, что позволяет предположить о необходимости совершенствования инвестиционного законодательства регионов российской Арктики для повышения эффективности деятельности региональной власти в Арктике по части инвестиций. В настоящее время актуальным вопросом является также корректировка региональных инвестиционных законов с учетом санкционного давления запада, поскольку на инвестиционное законодательство достаточно сильно влияет санкционная политика западных стран [15, с. 91].

Для совершенствования инвестиционного законодательства регионов российской Арктики требуется разработка модельного закона об инвестиционной деятельности, где будет предусмотрено разделение форм, методов и мер регулирования и поддержки инвестиционного процесса на финансовые и нефинансовые. Единообразие в представлении информации необходимо для упрощения, например, процедуры оценки эф-

фективности деятельности региональной власти в части инвестиций. К финансовым рекомендуется относить: 1) субсидии, гранты, бюджетные инвестиции и др.; 2) гарантии, поручительство, лизинг, льготные займы и кредиты, возмещение банковских процентов и др.; 3) налоговые льготы, инвестиционный налоговый кредит, инвестиционный налоговый вычет, налоговые каникулы и др. К нефинансовым: 1) льготы по аренде земли, льготы по аренде имущества, имущество и земля в аренду без торгов и др.; 2) бизнес-инкубаторы, фонды поддержки, промышленные парки, технопарки и др.; 3) обучение, консультации, продвижение в средствах массовой информации, сопровождение проектов и др.

Финансовые и нефинансовые формы, методы и меры регулирования и поддержки инвестиционного процесса на региональном уровне необходимо прописать с учетом современных санкционных реалий. Можно предусмотреть дополнительные региональные гарантии для инвесторов от неблагоприятного санкционного давления и правовую помощь в защите интересов инвесторов. Среди финансовых форм, методов и мер регулирования и поддержки инвестиционного процесса у арктических регионов должно быть обязательно региональным инвестиционным законом закреплено предоставление бюджетных кредитов и субсидий для целей северного завоза помимо федерального финансирования. Северный завоз, регулируемый Федеральным законом от 04.08.2023 г. № 411-ФЗ «О северном завозе», должен финансироваться не только за счет федеральных средств, но и средств бюджетов арктических субъектов РФ, поскольку северный завоз – это комплекс жизненно важных мероприятий для более двух миллионов человек [16, с. 175]. Данные средства могли бы пойти на строительство и модернизацию инфраструктуры северного завоза в Арктике. Требуется откорректировать и названия региональных инвестиционных законов для приведения их к единообразному виду в формулировках. Для этого у модельного закона должно быть типовое название, например «Об инвестициях и инвестиционной деятельности на территории арктического субъекта РФ».

Заключение

Модельный закон «Об инвестициях и инвестиционной деятельности на территории арктического субъекта РФ» позволит учесть арктическую специфику и санкционное давление в инвестиционном процессе, где для всех регионов российской Арктики

будут предложены типовые финансовые и нефинансовые формы, методы и меры регулирования и поддержки инвестиционного процесса. Данный модельный закон позволит учесть в том числе требования Федерального закона от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне РФ».

Таким образом, для совершенствования инвестиционного законодательства регионов российской Арктики необходима разработка и применение законодательного акта типового характера с нормативными рекомендациями, который позволит упорядочить информацию с учетом арктической специфики и санкционного давления.

Список литературы

1. Акопян О.А. Проблемы кодификации инвестиционного законодательства: финансово-правовой аспект // Журнал российского права. 2021. № 3. С. 117-125. DOI: 10.12737/jrl.2021.038.
2. Арзамаскин А.Н. Инвестиционное законодательство современной России: проблемы и пути решения // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3. С. 64-68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnoe-zakonodatelstvo-sovremennoy-rossii-problemy-i-puti-resheniya> (дата обращения: 23.05.2025).
3. Гутников О.В. Проблемы развития инвестиционного законодательства в Российской Федерации на современном этапе // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 9-21. DOI: 10.12737/jrl.2020.001.
4. Свечников В.А. Актуальные вопросы правового регулирования инвестиционной деятельности в Российской Федерации // Экономика. Право. Общество. 2019. № 1. С. 82-87. URL: https://epo.rea.ru/jour/article/view/125?locale=ru_RU (дата обращения: 23.05.2025).
5. Богатырев А.Г. Актуальные проблемы правового регулирования инвестиционных отношений в Российской Федерации // Вопросы экономики и права. 2015. № 9. С. 25-28. URL: https://www.law-journal.ru/wp-content/uploads/201509_25.pdf (дата обращения: 23.05.2025).
6. Арсланбекова А.З., Казбекова Н.В. Проблемы систематизации инвестиционного законодательства // Юридический вестник ДГУ. 2023. Т. 47. № 3. С. 43-46. DOI: 10.21779/2224-0241-202347-3-43-46.
7. Чурилов А.Ю. Особенности регулирования инвестиционной деятельности в Арктике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16. № 1. С. 63-76. DOI: 10.21638/spbu14.2025.105.
8. Серова Н.А., Гутов С.В. Ключевые тенденции развития инвестиционных процессов в Арктической зоне РФ в 2008–2017 гг. // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 77–89. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.77.
9. Баттахов П.П., Саяпин С.П. К проблеме правового обеспечения инвестиционной деятельности в Арктической зоне России // Право и практика. 2024. № 4. С. 177-181. DOI: 10.24412/2411-2275-2024-4-177-181.
10. Емельянов А.С., Стародубова О.Е. Обзор X международного арктического правового форума «Сохранение и устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты» // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. Т. 20. № 6. С. 126-137. DOI: 10.61205/S199132220032986-0.
11. Стром П. Эффективность регионального законодательства по стимулированию инвестиционной деятельности

в Российской Федерации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 2. С. 116-119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-regionalnogo-zakonodatelstva-po-stimulirovaniyu-investitsionnoy-deyatelnosti-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 23.05.2025).

12. Горюнов В.Н., Кониченко Е.Б. Правовое регулирование инвестиционных процессов в экономике // Вестник МИЭП. 2014. № 2. С. 63-80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-investitsionnyh-protsessov-v-ekonomike> (дата обращения: 23.05.2025).

13. Бадылевич Р.В. Тенденции и перспективы привлечения иностранных инвестиций в арктические мегапроекты в условиях геополитической напряжённости // Арктика

и Север. 2023. № 51. С. 5–27. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.5.

14. Баттахов П.П. Инвестиции в Арктику: правовые аспекты // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20. № 3. С. 95-99. DOI: 10.33693/2541-8025-2024-20-3-95-99.

15. Свечникова Н.В., Щанкина Л.Н. Формирование инвестиционного законодательства в России: история и перспективы // Экономика. Право. Общество. 2022. Т. 7. № 3. С. 85-92. DOI: 10.21686/2411-118X-2022-3-85-92.

16. Чижова Л.А., Губайдуллин М.Г. Экономические, экологические и социокультурные особенности жизнедеятельности в российской Арктике // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 173-186. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.16.

УДК 336.76
DOI**ИНВЕСТИЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ И ИНВЕСТИЦИОННЫЙ
КЛИМАТ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ:
РИСКИ, БАРЬЕРЫ И АДАПТАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ****Мухамбеталиева О.Р., Моргунова А.Д.***ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», Самара,
e-mail: mukhambetalieva.o.r@sseu.ru*

Российский инвестиционный климат меняется под воздействием макроэкономической нестабильности и внешнеполитического давления, ввиду чего актуализируется вопрос об исследовании предпосылок и детерминант инвестиционной активности. Цель исследования заключается в выявлении факторов, рисков и барьеров, определяющих инвестиционную активность в условиях глобальной неопределенности, а также в разработке и обосновании направлений улучшения инвестиционного климата. Для достижения поставленной цели были применены такие общенаучные методы, как описание, анализ, синтез, сравнение, индукция и дедукция. Основу информационной базы составили научные работы российских авторов и данные из открытых источников. В процессе исследования определены основные внешние факторы нестабильности и проанализировано их влияние на поведение инвесторов. Выявлены различия в инвестиционных стратегиях бизнеса и домохозяйств. Установлено, что ограниченность финансовой инфраструктуры и недостаточная предсказуемость условий являются серьезными барьерами для формирования долгосрочных вложений. В заключение сделан вывод о том, что для повышения инвестиционной активности государству целесообразно сфокусировать внимание на улучшении качества институциональной среды, повышении прозрачности, снижении барьеров на входе и развитии механизмов устойчивой обратной связи с инвесторами.

Ключевые слова: инвестиции, неопределенность, финансовые рынки, инвестиционный климат, инвестиционные стратегии, финансовые инвестиции

**INVESTMENT STRATEGIES AND INVESTMENT
CLIMATE IN MODERN CONDITIONS:
RISKS, BARRIERS AND ADAPTATION MECHANISMS****Mukhambetalieva O.R., Morgunova A.D.***Samara State Economic University, Samara, e-mail: mukhambetalieva.o.r@sseu.ru*

The Russian investment climate is changing under the influence of macroeconomic instability and foreign policy pressure, which makes it important to study the prerequisites and determinants of investment activity. The purpose of the study is to identify the factors, risks and barriers that determine investment activity in the context of global uncertainty, as well as to develop and substantiate areas for improving the investment climate. To achieve this goal, general scientific methods such as description, analysis, synthesis, comparison, induction and deduction were used. The information base was based on scientific works by Russian authors and data from open sources. In the course of the study, the main external factors of instability were identified and their impact on investor behavior was analyzed. Differences in investment strategies of businesses and households were revealed. It was established that the limited financial infrastructure and insufficient predictability of conditions are serious barriers to the formation of long-term investments. In conclusion, it is concluded that in order to increase investment activity, it is advisable for the state to focus on improving the quality of the institutional environment, increasing transparency, reducing barriers to entry and developing mechanisms for sustainable feedback with investors.

Keywords: investments, uncertainty, financial markets, investment climate, investment strategies, financial investments

Введение

В условиях усиливающейся макроэкономической нестабильности, высоких процентных ставок, внешнеполитического давления и переориентации стратегических приоритетов государства формируется новый инвестиционный климат России. В такой конфигурации экономические стимулы утрачивают устойчивость, а традиционные механизмы активизации инвестиционной активности оказываются малорезультативными. Это обуславливает необходимость изучения не только объемов инвестиций, но и глубинных транс-

формаций в инвестиционных стратегиях различных субъектов: как бизнеса, так и домохозяйств. Их поведение отражает реакцию на ограничения экономической среды, выражающиеся в сужении круга доступных инструментов, росте неопределенности и снижении предсказуемости будущих условий. При этом различие в доступе к ресурсам, уровне финансовой осведомленности и горизонтах планирования формирует неоднородные стратегии адаптации. Инвестиционные решения все чаще принимаются исходя не из потенциальной доходности, а из расчета на минимальные

издержки, простоту участия и возможность сохранения ликвидности. В таких условиях особенно важен поиск точек роста, не зависящих от масштабных реформ, но способных усилить устойчивость и эффективность инвестиционного процесса [1].

Цель исследования заключается в комплексном анализе факторов, определяющих инвестиционную активность в условиях глобальной неопределенности, выявлении рисков и барьеров для долгосрочных вложений, а также в обосновании направлений улучшения инвестиционного климата.

Материалы и методы исследования

В настоящем исследовании применялись такие общенаучные методы, как описание, анализ, синтез, сравнение, индукция и дедукция. Основу информационной базы составили научные работы российских авторов и данные из открытых источников.

Результаты исследования и их обсуждение

Одним из ключевых факторов, формирующих нестабильность глобального инвестиционного климата в 2025 г., остаются геополитические риски и сохраняющаяся напряженность в ряде регионов. Ведущими источниками волатильности выступают конфликт на Украине, продолжающееся противостояние России и стран коллективного Запада, а также нестабильность в странах Ближнего Востока [2]. Дополнительный уровень неопределенности вносит торгово-экономическое противостояние между крупнейшими державами. Несмотря на временное замедление тарифной гонки, сохраняется высокий риск возвращения к политике экономического давления: это выражается в ограничениях доступа к технологиям, усилении санкционной риторики и попытках контролировать стратегические ресурсы, в том числе редкоземельные металлы и компоненты высокотехнологичного оборудования. Такие процессы фрагментируют мировую экономику, усиливают протекционизм и подрывают стабильность глобальных инвестиционных потоков. Особенность подобных рисков заключается в их нелинейной реализации: будучи долгое время фоновыми, они могут внезапно вызвать серьезные рыночные сдвиги [3]. Данный факт вынуждает инвесторов учитывать в стратегиях возможность стресс-сценариев и усиливает значимость гибкого управления активами в портфеле. В этой связи ключевой задачей для инвестора становится не только идентификация источников потенциальных рисков, но и применение эффективных механизмов их минимизации.

В условиях нарастающей турбулентности глобальной экономики инвесторы вынуждены адаптировать свои стратегии, стремясь к сохранению капитала и снижению подверженности внешним шокам. Однако характер этой адаптации во многом зависит от статуса инвестора, уровня доступа к инструментам, степени информированности и общего инвестиционного климата внутри страны [4]. Для понимания текущих тенденций на российском рынке целесообразно проанализировать особенности инвестиционного поведения различных групп субъектов – бизнеса и населения. Сравнение их стратегий позволит выявить глубинные причины инерционного подхода к инвестированию и определить направления, в которых необходимо усиление институциональной поддержки и формирование устойчивых стимулов к долгосрочным вложениям.

Наиболее показательной в этом контексте является динамика инвестиционного поведения со стороны бизнеса. Будучи чувствительным к изменениям макроэкономической политики, уровню процентных ставок и доступности кредитных ресурсов, корпоративный сектор демонстрирует тенденцию к сокращению инвестиционного горизонта и перераспределению капитала в пользу инструментов с предсказуемой доходностью и высокой ликвидностью (рис. 1).

На представленном графике отчетливо видно, что вложения юридических лиц в краткосрочные инструменты демонстрируют устойчивый рост, в то время как долгосрочные вложения остаются структурно ограниченными и менее динамичными. Это свидетельствует не просто о сокращении инвестиционного горизонта, но и о стратегии сохранения ликвидности на фоне высокой неопределенности. Доминирование банковских вкладов в краткосрочной части подчеркивает консервативный характер инвестиционных решений, при котором ставка делается не на рост, а на сдерживание риска.

В отличие от корпоративного сектора, инвестиционное поведение домохозяйств формируется под воздействием иного круга факторов: уровня доходов, доступности финансовых инструментов, степени доверия к финансовым институтам и личного восприятия риска. Несмотря на ограниченные ресурсы, розничные инвесторы являются не менее важным индикатором адаптации экономики к изменяющимся условиям [6]. Рассмотрим, какие тенденции наблюдаются в структуре и динамике вложений физических лиц за последние годы (рис. 2).

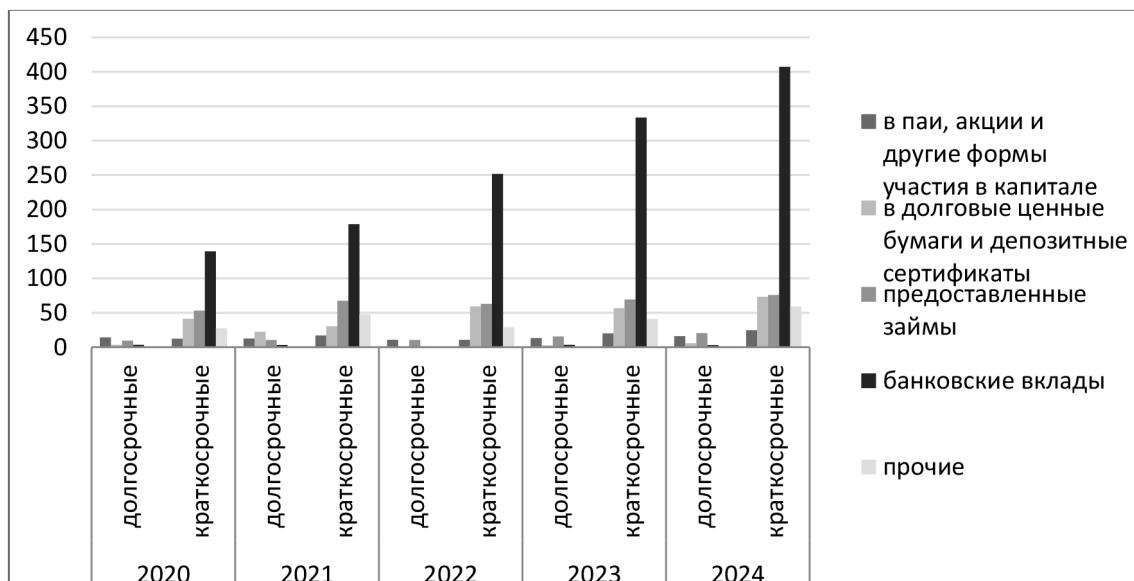

Рис. 1. Динамика и структура финансовых вложений фирм, трлн руб. [5]

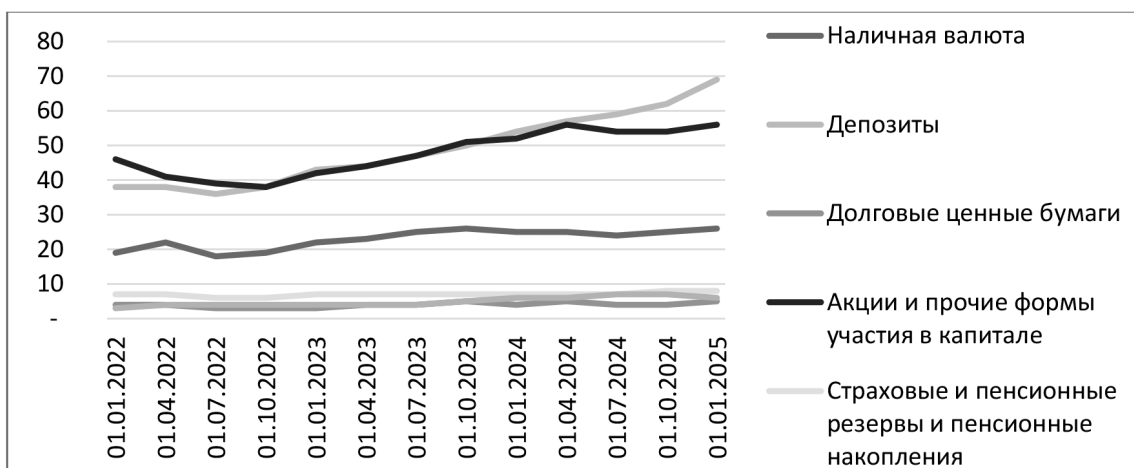

Рис. 2. Динамика и структура сбережений домашних хозяйств, трлн руб. [7]

Анализ динамики сбережений домохозяйств в 2022–2025 гг. указывает на переориентацию частных инвесторов в сторону инструментов с гарантированной доходностью и высокой ликвидностью, прежде всего банковских депозитов. Такой сдвиг стал реакцией на изменение макроэкономических параметров – в первую очередь на рост ключевой ставки, который сделал консервативные инструменты временно более привлекательными по сравнению с рисковыми активами. Устойчиво низкая доля вложений в акции, пенсионные инструменты и страховые продукты подтверждает преобладание краткосрочных стратегий и отсутствие установки на долгосрочное финансовое планирование. В совокупности это форми-

рует модель адаптивного, но несистемного инвестиционного поведения, подверженного колебаниям конъюнктуры и не подкрепленного институциональными стимулами [8].

Зафиксированные особенности в поведении различных групп инвесторов позволяют предположить, что ключевыми детерминантами инвестиционной активности остаются не только макроэкономическая нестабильность, но и внутрисистемные ограничения, влияющие на доступ к капиталу и уровень доверия к рынкам. Сравнительный анализ инвестиционных стратегий бизнеса и домохозяйств позволяет выявить следующую проблему: при всей внешней рациональности поведение обеих групп остается ориентированным на краткосрочную выгоду и ми-

нимизацию рисков. Такая конфигурация поведения формируется под воздействием как макроэкономических параметров (прежде всего высокой ключевой ставки, инфляционных ожиданий и ограниченного доступа к заемным ресурсам), так и институциональных ограничений, препятствующих формированию зрелой инвестиционной культуры [9]. В совокупности они создают замкнутый контур: краткосрочные стимулы подменяют стратегическое планирование, а слабость инвестиционной инфраструктуры ограничивает развитие более гибких и устойчивых моделей принятия решений.

Развитие инвестиционного потенциала экономики невозможно вне контекста качественного состояния инвестиционного климата, который, вопреки распространенной трактовке, формируется не только макроэкономическими и нормативно-правовыми условиями, но прежде всего устойчивыми поведенческими реакциями участников и способностью системы воспроизводить доверие. В российской практике инвестиционный климат нередко рассматривается как категория, зависящая исключительно от внешне заданных параметров: уровня налоговой нагрузки, ключевой ставки или наличия льгот [10]. Однако особенности инвестиционного поведения, описанные выше, демонстрируют, что реальные ограничения часто лежат глубже: в разрыве между экономическими стимулами и институциональной средой их реализации. Качество инвестиционного климата определяется не только формальными мерами, но и тем, насколько эффективно они трансформируются в устойчивые инвестиционные стратегии, как со стороны бизнеса, так и со стороны населения [11]. Отсюда вытекает необходимость переосмысления механизмов его формирования и оценки с учетом специфики поведенческих моделей и степени сформированности устойчивой и предсказуемой экономико-правовой среды.

Создание благоприятного инвестиционного климата в современной России требует не столько расширения набора стимулирующих мер, сколько фундаментального пересмотра логики их проектирования. Поведение как бизнеса, так и частных инвесторов, показавшее свою чувствительность к краткосрочным сигналам и ограниченность в стратегическом планировании, указывает на необходимость смещения акцента с формального инструментария на содержание и предсказуемость условий, в которых принимаются инвестиционные решения. В российском контексте ключевым становится не просто наличие правил как таковых, а уровень уверенности в том, что они будут

понятны, выполнимы и неизменны в обозримом будущем [12].

Несмотря на реализуемые отдельные меры стимулирования инвестиционной активности, в целом инвестиционный климат в России сегодня формируется под влиянием стратегических ориентиров государства, сосредоточенных преимущественно на обеспечении национальной безопасности, устойчивости ключевых отраслей и финансировании приоритетных направлений социальной политики [13]. Для бизнеса это означает, что налоговая нагрузка и стоимость капитала не рассматриваются в качестве подлежащих смягчению, а, напротив, воспринимаются как данность, встроенная в логику мобилизационной модели. В текущих условиях, когда пространство для фискального и монетарного маневров объективно ограничено, улучшение инвестиционного климата следует искать не в масштабных макроэкономических стимулах, а в повышении качества институционального взаимодействия между инвестором и государством. Речь идет о формировании среды, в которой ключевыми параметрами выступают предсказуемость, доступность и низкие издержки участия [14].

Так, цифровизация всех этапов сопровождения инвестиционных проектов с открытым доступом к информации о статусе, сроках и рисках в сочетании с созданием публичного реестра инвестиционных инициатив способна существенно повысить прозрачность и снизить неопределенность. Формат «одного окна» для субъектов малого и среднего бизнеса с объединением налоговых, регуляторных и других процедур позволит минимизировать транзакционные издержки на старте реализации проектов. Еще одним необходимым направлением является развитие таких цифровых решений, как персональные инвестиционные кабинеты для физических и юридических лиц, где в одном окне будет собираться информация о доступных инструментах, вычетах, гарантиях и формах участия [15]. Такие платформы должны выполнять не только навигационные, но и просветительские и аналитические функции с целью формирования у инвестора наиболее полного представления о рисках и возможностях. Наконец, важнейшим элементом новой архитектуры инвестиционной среды должен стать устойчивый канал обратной связи между инвестором и регулятором — не в виде формальной линии поддержки, а как аналитическая система выявления и устранения институциональных барьеров с регулярной публикацией обзоров и дорожных карт [16].

Заключение

Формирование устойчивых инвестиционных стратегий в современной России сдерживается совокупностью факторов, среди которых ключевыми выступают жесткие макроэкономические условия и фрагментарность организационных механизмов, необходимых для обеспечения стабильности и доверия в инвестиционной среде. Высокая стоимость заемных ресурсов, неопределенность инфляционных ожиданий и нестабильность внешней торговли снижают привлекательность долгосрочных вложений даже при наличии внутреннего инвестиционного потенциала. При этом институциональные ограничения (слабая правовая защита инвесторов, непоследовательные стимулы и ограниченный доступ к финансовой инфраструктуре) усугубляют реактивное поведение участников рынка, подменяя стратегию развития логикой краткосрочной адаптации. Инвестиционная активность в таких условиях приобретает фрагментарный и инерционный характер, что не позволяет запустить внутренние механизмы экономического роста.

Дальнейшее развитие инвестиционной среды требует отказа от фрагментарной поддержки в пользу выстраивания единой логики взаимодействия государства и инвесторов, где важную роль будут играть не столько преференции, сколько согласованность между регуляторной практикой и механизмами защиты капитала. При этом повышение инвестиционной активности невозможно без выхода за пределы чисто экономических стимулов: критически важно формировать долгосрочные ожидания, восстанавливать доверие к финансовой инфраструктуре и создавать социально признанную модель рационального инвестора.

Список литературы

1. Карпушова С.Е., Секачева Т.В., Кукаева Л.И., Ашмарина У.В. Стратегия повышения инвестиционной активности в российских регионах // Прикладные экономические исследования. 2025. № 2. С. 146–154. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-povysheniya-investitsionnoy-aktivnosti-v-rossiyskih-regionah> (дата обращения: 23.04.2025). DOI: 10.47576/2949-1908.2025.2.2.017.
2. Петров М.В. Влияние геополитической напряженности на международное движение капитала // Финансовый журнал. 2024. Т. 16. № 3. С. 8–22. URL: <https://www.finjournal-nifi.ru/ru/archive/34-stati-financevoj-zhurnal/977-financevoj-zhurnal-tom-16-3-2024> (дата обращения: 23.04.2025). DOI: 10.31107/2075-1990-2024-3-8-22.
3. Квашнина И.А. Новые тенденции в глобальных потоках трансграничных прямых инвестиций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 3. С. 61–75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tendentsii-v-globalnyh-potokah-transgranichnyh-priamyh-investitsiy> (дата обращения: 23.04.2025). DOI: 10.52180/2073-6487_2024_3_61_75.
4. Ивлиев П.В., Евплова К.А. Актуальные проблемы инвестиционного климата в современной России // Право

и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 252–254. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-investitsionnogo-klimata-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 23.04.2025). DOI: 10.47643/1815-1337_2023_7_252.

5. Официальный сайт Ростата. Динамика инвестиций в финансовые активы. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14476> (дата обращения: 23.04.2025).

6. Боркова Е.А., Гаврилова Р.А. Особенности сбережений и инвестиционного поведения домохозяйств: структурные изменения и демографическое влияние в экономике устойчивого развития // Известия СПбГЭУ. 2024. № 5 (149). С. 14–19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sberezheniy-i-investitsionnogo-povedeniya-domohozyaystv-strukturnye-izmeneniya-i-demograficheskoe-vliyanie-v-ekonomike> (дата обращения: 23.04.2025).

7. Официальный сайт Банка России. Сбережения домашних хозяйств. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/households/hh/ (дата обращения: 23.04.2025).

8. Филиппов С.В. Риск и рыночная неопределенность в деятельности экономических субъектов // Альманах «Крым». 2024. № 41. С. 12–19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/risk-i-rynochnaya-neopredelennost-v-deyatelnosti-ekonomicheskikh-subektov> (дата обращения: 23.04.2025).

9. Иванова А.А. Влияние финансовой культуры на финансовое поведение граждан в условиях трансформации сбережений в инвестиции // 4-я Международная научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов по устойчивому развитию, инвестициям и финансовым рискам «Финатлон форум»: материалы конференции (Москва, 16 апреля 2024 г.) М.: Московский политех, 2024. С. 193–209. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-finansovoy-kultury-na-finansovoe-povedenie-grazhdan> (дата обращения: 23.04.2025).

10. Зюкин Д.А., Болычева Е.А., Каширин С.В. Развитие инвестиционного климата в Российской Федерации на фоне политических и экономических санкций // Финансы: теория и практика. 2024. Т. 28. № 4. С. 84–96. URL: <https://financetr.fa.ru/jour/article/view/3065/1472> (дата обращения: 23.04.2025). DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-4-84-96.

11. Звонова Е.А., Пищик В.Я., Алексеев П.В. Оптимизация деятельности институтов содействия инвестициям в устойчивый рост российской экономики // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25. № 4. С. 110–120. URL: https://financetr.fa.ru/jour/article/view/1281?locale=ru_RU (дата обращения: 23.04.2025). DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-4-110-120.

12. Антонов Н.С. Категории современных инвесторов на финансовом рынке и политика государства по защите их прав и интересов // Прогрессивная экономика. 2025. № 3. С. 178–188. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-sovremennyh-investorov-na-finansovom-rynke-i-politika-gosudarstva-pozaschite-ih-prav-i-interesov> (дата обращения: 23.04.2025).

13. Балынин И.В., Калашникова О.В. Финансовые аспекты стимулирования инвестиционной активности в субъектах Российской Федерации // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 5. С. 1995–2016. URL: <https://1economic.ru/lib/112176> (дата обращения: 23.04.2025). DOI: 10.18334/ce.15.5.112176.

14. Музалев С.В., Нарбут В.В., Никифорова Е.В., Шнайдер О.В. Анализ и оценка практики применения инструментов трансформации делового климата в России // Учет. Анализ. Аудит. 2025. № 1. С. 62–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i-otsenka-praktiki-primeneniya-instrumentov-transformatsii-delovogo-klimata-v-rossii> (дата обращения: 23.04.2025).

15. Цехомский Н.В. Проблемы инвестиционного обеспечения современного развития экономики в России // Экономика и управление. 2023. Т. 29. № 8. С. 975–983. URL: <https://enjume.elpub.ru/jour/article/view/1775> (дата обращения: 23.04.2025). DOI: 10.35854/1998-1627-2023-8-975-983.

16. Ярлова Т.В., Соколова В.Д. Инвестиционное развитие компаний в кризисных условиях // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 1 (45). С. 320–325. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnoe-razvitiye-kompaniy-v-krizisnyh-usloviyah> (дата обращения: 23.04.2025).

УДК 339.9:330:341.655
DOI

ЭКОНОМИКА САНКЦИЙ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ПАРАДОКСЫ ИЗОЛЯЦИИ

Руденко Л.Г.

*ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Москва, e-mail: mila.k07@mail.ru*

В статье исследуются вопросы влияния санкций на экономику России. Актуальность данной проблематики обусловлена современными условиями санкционного давления. Цель исследования – на основе анализа статистических данных и изучения существующих литературных источников по заданной проблематике выявить экономические, социальные последствия санкций и возможные парадоксы изоляции для России. Методология исследования опирается на комплексный подход, включающий качественные и количественные методы исследования, в частности построение временных рядов, статистический анализ. В результате выявлены экономические последствия санкций: доступ к иностранному капиталу и инвестициям ограничен, сократились экспорт энергоносителей, импорт промышленного оборудования, электроники, автомобилей, усиливается государственный контроль. Это негативно повлияло на изменения в структуре валового внутреннего продукта страны. Социальные последствия санкций проявляются в росте инфляции, снижении реальных доходов населения и изменении потребительских моделей, что усиливает социальное напряжение и замедляет социальный прогресс. Санкции способны оказывать парадоксальный эффект, стимулируя работу адаптационных механизмов. Усиливается импортозамещение, внешняя торговля переориентируется на дружественные страны, развиваются альтернативные финансовые системы, укрепляется политический режим страны. Санкции усиливают геоэкономическую фрагментацию и трансформацию глобальных цепочек поставок. Они стимулируют экономику страны на создание собственных производств, высокотехнологичной продукции. Экономическая изоляция имеет сложные и часто непреднамеренные последствия, которые необходимо учитывать при разработке и оценке эффективности санкционной политики как в краткосрочном, так и в долгосрочном периодах.

Ключевые слова: санкции, экономика санкций, доходы населения, импортозамещение, валовой внутренний продукт, экспорт, импорт, парадоксы изоляции

ECONOMICS OF SANCTIONS: SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES AND PARADOXES OF ISOLATION

Rudenko L.G.

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, e-mail: mila.k07@mail.ru*

The article examines the impact of sanctions on the Russian economy. The relevance of this issue is due to the current conditions of sanctions pressure. The purpose of the study is to identify the economic and social consequences of sanctions and possible paradoxes of isolation for Russia based on the analysis of statistical data and the study of existing literary sources on a given issue. The research methodology is based on an integrated approach that includes qualitative and quantitative research methods, in particular, the construction of time series, statistical analysis. As a result, the economic consequences of sanctions have been revealed: access to foreign capital and investment is limited, energy exports, imports of industrial equipment, electronics, and automobiles have decreased, and government control is increasing. This had a negative impact on the change in the structure of the country's gross domestic product. The social consequences of sanctions are manifested in rising inflation, declining real incomes of the population and changing consumer patterns, which increases social tension and slows down social progress. Sanctions can have a paradoxical effect, stimulating the work of adaptation mechanisms. Import substitution is intensifying, foreign trade is being reoriented towards friendly countries, alternative financial systems are developing, and the country's political regime is strengthening. Sanctions are increasing the geo-economic fragmentation and transformation of global supply chains. They stimulate the country's economy to create its own production facilities and high-tech products. Economic isolation has complex and often unintended consequences that must be taken into account when developing and evaluating the effectiveness of sanctions policy in both the short and long term.

Keywords: sanctions, economics of sanctions, income of the population, import substitution, gross domestic product, exports, imports, paradoxes of isolation

Введение

Под санкциями следует понимать ограничительные меры в сфере торговли, финансов, логистики и иных сфер странами-инициаторами в отношении стран-мишеней, либо отдельных организаций и физических лиц для осуществления социально-политических преобразований [1]. Цель санкций – вмешаться во внешнюю и внутреннюю по-

литику стран-мишеней, повернув ее в пользу стран-инициаторов, а также нанести ущерб экономике стран-мишеней¹. Россия стала страной-мишенью. Введенные против

¹ Тимофеев И. Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования // Российский совет по международным делам (РСМД). 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kak-issledovat-politiku-sanktsiy-strategiya-empiricheskogo-issledovaniya/> (дата обращения: 15.06.2025).

России санкции в 2014 г. в связи с присоединением Крыма и в 2022 г. в связи с началом специальной военной операции стали основным инструментом международного давления. Они направлены на ослабление экономического потенциала страны и изменение ее внешнеполитического курса. Тем не менее, несмотря на жесткие ограничения по экспорту высокотехнологичных товаров, доступа на международные рынки, замораживание активов, Россия демонстрирует хорошие показатели экономического роста [2, с. 113–116].

Экономические последствия санкций проявляются в виде снижения эффективности производства, инвестиционной активности, что впоследствии повлияет на экономический рост в долгосрочной перспективе. Ограниченный доступ к технологиям и комплектующим вынуждает российские предприятия искать альтернативы, которые не всегда являются дешевыми и эффективными. Это приводит к усилению инфляционного давления. Сокращение поступлений от экспорта энергоносителей дополнительно увеличивает нагрузку на бюджет и ограничивает возможности экономики. Правительство в период санкций усиливает контроль над экономикой, что ограничивает свободу предпринимательства и инновационное развитие.

Социальные последствия санкций отражаются на снижении реального дохода населения, на росте инфляции, изменении потребительского поведения. Ограничения импортируемой продукции приводят к ухудшению качества и ассортимента товаров, что ведет к увеличению социальной напряженности и снижению уровня жизни населения.

Санкционные действия стимулируют переориентацию внешней торговли на дружественные страны, развитие альтернативных финансовых систем, импортозамещение. Это в долгосрочном периоде может привести к формированию новых экономических блоков и усилению экономической фрагментации. Формирование многоцентричного мира, расширение позиции БРИКС (англ. BRICS – сокращение от Brazil, Russia, India, China, South Africa) яркое тому подтверждение [3].

Цель исследования – на основе анализа статистических данных и изучения существующих литературных источников по заданной тематике выявить экономические, социальные последствия санкций и возможные парадоксы изоляции для России.

Научная новизна исследования заключается в обогащении теории санкций, демонстрирует их нелинейные и многогранные социальные и экономические эффекты; расширяет понимание адаптационных механизмов

экономик стран-мишеней к новым условиям, включая формирование новых экономических союзов и парадоксов, возникающих в условиях глобальной фрагментации.

Материалы и методы исследования

В мировой практике накоплен значительный опыт исследования влияния санкций на социально-экономические процессы стран. В последние 10 лет возросла потребность в объективном исследовании санкционных последствий.

Методология исследования основана на комплексном подходе, включающем сочетание качественных и количественных методов анализа, что позволяет учесть многомерность и сложность санкционных эффектов, а также выявить парадоксальные и непреднамеренные последствия. Применение количественных статистических методов оценки является важным элементом для анализа изменений ключевых макроэкономических показателей, таких как уровень ВВП, инфляция, уровень доходов населения, инвестиционная активность. Это позволяет выявить структурные реакции экономики на вводимые санкции.

Для оценки социальных последствий санкций применяется качественный и количественный анализ, включающий изучение изменения доходной части населения, потребительских моделей и уровня социального прогресса.

Как отмечает А.А. Черных, в 2022 г. наблюдается ограничение традиционных методов оценки влияния санкций, связанных с ограниченным доступом к достоверным данным и изменением информационного контекста. В этом случае приходится применять альтернативные источники информации, такие как данные международных организаций, а также баз санкционных событий штрафов, что позволяет повысить точность и надежность выводов [4].

Источником информации для статистического анализа послужили данные Росстата, Всемирного банка, Института процветания, рейтинговых агентств, World Population Review, платформы аналитического мониторинга Castellum.Ai.

Результаты исследования и их обсуждение

Экономические аспекты влияния санкций. Российская экономика столкнулась с серьезным давлением вследствие введения многочисленных санкций. Целесообразно привести некоторые из них. Начиная с 2022 г. в отношении России были введены международные ограничения, инициированные рядом ведущих мировых держав.

Среди них Япония, Швейцария, Великобритания, США, Канада, страны Европейского союза, Норвегия, Исландия, Монако, Лихтенштейн, Черногория, Северная Македония, Албания, Австралия, Новая Зеландия, Южная Корея, Сингапур, Тайвань, а также группа наиболее влиятельных развитых экономик – G7 (англ. Group of Seven – «Группа семи») и Украина. По данным Государственного департамента США за 2022 г., координация и реализация санкций против России осуществлялась международной коалицией, в которую входили 37 суверенных государств². Платформа аналитического мониторинга Castellum.Ai зафиксировала введение или частичное применение экономических ограничений в отношении России со стороны 45 стран мира. Это составляет примерно треть (32%) от общего числа государств – членов Организации Объединенных Наций, которые выразили неодобрение действий России, приняв соответствующую резолюцию Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ООН) в марте 2022 г.³ В частности, в течение двух лет Европейский союз принял 13 пакетов санкций против Российской Федерации. Эти меры затрагивают различные сферы экономики, включая финансы, энергетику, транспорт и высокие технологии. Финансовые ограничения включают в себя санкции против российских банков, таких как Сбербанк, Внешний торговый банк (ВТБ) и Альфа-Банк, которые были исключены из международной системы платежей SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications – Общество всемирных межбанковских финансовых каналов связи). Около 80% банковского сектора России подверглись финансовым санкциям, включая заморозку активов Центрального банка России странами G7. Доступ к европейским рынкам капитала и инвестиций существенно ограничен, воздушное пространство для российских самолетов закрыто, а продажа авиационной техники и запчастей прекращена. Ограничения коснулись торговли стратегически важными товарами, такими как железная руда, уголь, нефть, древесина, химикаты и сельскохозяйственная продукция. Импорт промышленного оборудования, электроники, программного обеспечения, материалов двойного назначения и автомобилей ограничен. Также введено эмбарго на добычу и обработку драгоценных камней. Ограничения распространяются на предоставление профессиональных ус-

луг российским физическим и юридическим лицам, включая аудит, консалтинг, юридическую поддержку и информационные технологии [5]. Доступ российских компаний к публичным тендерам и торговым площадкам Европейского союза (ЕС) значительно сокращен. Сотрудничество в научных исследованиях и культурных проектах ограничено, финансирование проектов, связанных с Россией, через фонды ЕС прекращено. Кроме того, введен запрет на использование ряда цифровых платформ и сервисов, предоставляемых компаниями ЕС⁴. В мае 2025 г. ЕС приступил к работе над 18-м санкционным пакетом против России.

Однако вопреки ожиданиям многих экспертов государство избежало глубокого кризиса. Так, согласно официальным источникам, сокращение валового внутреннего продукта (ВВП) составило всего около 2% в 2015 г. и 1,4% в течение первого года после начала действий ограничительных мер в 2022 г., что является сравнительно умеренным показателем относительно кризисных явлений периода пандемии коронавируса. В последующие годы экономика адаптировалась и показала рост свыше 4%, что свидетельствует об ее устойчивости⁵ (рис. 1). Такая относительная стабильность обусловлена целым рядом факторов, включающих высокую долю сырья в экспортных поставках, оперативные шаги правительства по преодолению кризиса, а также поддержку со стороны ключевых партнеров вне зоны санкций, таких как Китайская Народная Республика, Индия, Турция и Объединенные Арабские Эмираты.

Тем не менее санкции ощутимо ухудшили состояние отечественной экономики, в первую очередь это выразилось в падении индекса ВВП по отдельным отраслям [5; 6]. Запрет на поставку технологий и комплектующих вызвал увеличение себестоимости производства и замедление производственного цикла, особенно в высокотехнологичных областях промышленности – производстве электрического оборудования (96% в 2022 г. по отношению к показателю 2021 г.), телекоммуникациях (97% в 2022 г. по отношению к показателю 2021 г.), деятельности воздушного и космического транспорта (77% в 2022 г. по отношению к показателю 2021 г.), автомобилестроении (56% в 2022 г. по отношению к показателю 2021 г.) (рис. 2).

⁴ Все санкции против России за 2 года // СКБ Контур. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://focus.kontur.ru/site/news/50868-vse_sankcii_protiv_rossii_za_2_goda (дата обращения: 20.06.2025).

⁵ Официальный сайт Росстата. Национальные счета. Валовой внутренний продукт. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 15.06.2025)

² Санкции: что это, виды, как работают, влияние санкций США и ЕС на Россию // РБК. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/base/24/02/2025/67aefb519a7947878698988a> (дата обращения: 20.06.2025).

³ Там же.

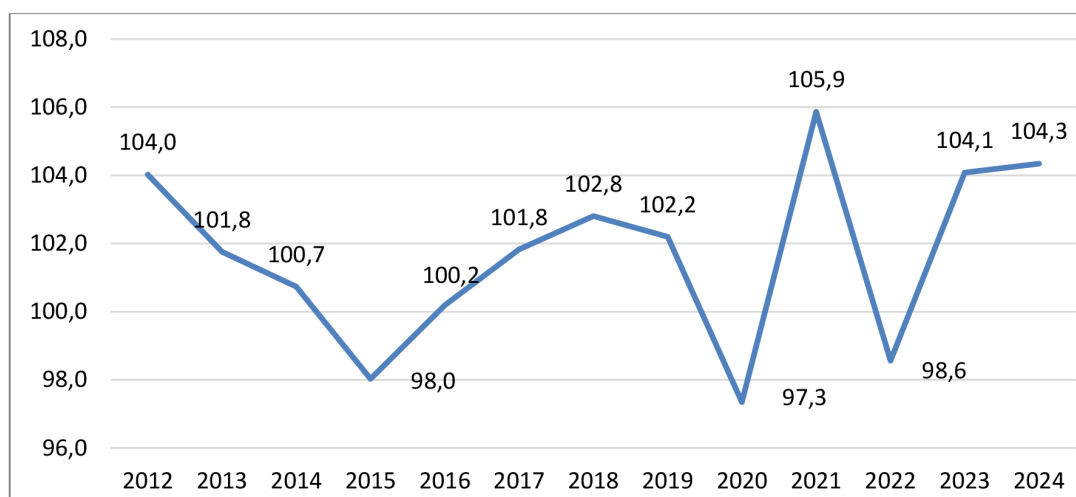

Рис. 1. Индексы физического объема ВВП за 2012–2024 гг., в % к предыдущему году
Источник: составлено автором на основе URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>
(дата обращения: 20.06.2025)

Рис. 2. Индексы физического объема ВВП 2022 и 2024 гг.
по отдельным отраслям, в % к предыдущему году
Источник: составлено автором по URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>
(дата обращения: 20.06.2025)

Предприятия и организации в стремлении снизить издержки сократили в первую очередь расходы на рекламу (82% в 2022 г. по отношению к показателю 2021 г.), издательство (89% в 2022 г. по отношению к показателю 2021 г.), НИОКР (Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, 97% в 2022 г. по отношению к показателю 2021 г.). Потребительский рынок замедлил свой рост, что характеризуется снижением индекса оптовой и розничной торговли на 13%. В 2022 г. также пострадала отрасль производства кинофильмов и видеофильмов, ее индекс составил 92% по отношению к показателю 2021 г. (рис. 2). Политика импортозамещения, призванная заместить иностранные товары отечественными аналогами, оказалась дорогостоящей и недостаточно эффективной, что способствовало росту инфляции. В 2022–2024 г. она составляла 11,94 и 9,52% соответственно, что негативно повлияло на инвестиционную активность организаций и замедлило ее рост в 2022 г. С целью снижения инфляционных процессов Центральный банк поднял ключевую ставку до исторического максимума 21% (на 06.06.2025 ключевая ставка – 20%), тем самым повысив привлекательность сбережений и уменьшив потребительский спрос⁶.

Ограничения финансового характера создали значительные препятствия российским компаниям при осуществлении международной деятельности, лишив их свободного доступа к зарубежным рынкам капитала и осложнив внешнеэкономические расчеты [7]. Установленный потолок цены на энергоносители уменьшил поступления в бюджет, увеличив дефицит и ограничивая расходы на реализацию инвестиционных и социальных проектов. В 2022 г. индекс физического объема валовой добавленной стоимости в здравоохранении и социальной сфере составил 93% (рис. 2).

Интересным представляется исследование В.В. Рычкова, которое демонстрирует, что информация о потенциальных санкциях оказывает существенное негативное воздействие на финансовые рынки России, сравнимое с последствиями фактического введения ограничений. В частности, анонс о санкциях приводит к ослаблению курса рубля и падению фондового индекса. К примеру, в феврале 2022 г. новость о введении санкций против банков России вызвала обвал рубля на 39% [8].

Социальные аспекты воздействия санкций. Санкционный режим привел к сни-

жению реальных доходов российского населения, повышению стоимости товаров повседневного спроса и ухудшению их качества. Необходимо отметить, что среднедушевой доход населения в своем номинальном значении растет и в 2023 г. составил 53139,4 руб., а доля населения, имеющего доходы ниже границы бедности, установленной на международном уровне с учетом паритета покупательной способности, снижается и в 2024 г. достигла отметки 7,2. Хотя Россия в 2024 г. стала четвертой экономикой мира по уровню ВВП по паритету покупательной способности, по уровню валового национального дохода (ВНД) на душу населения она занимает лишь 76 место в сравнении с 207 странами⁷. Это повлекло изменение потребительских предпочтений, обострение социальной напряженности и снижение уровня социального прогресса. Так, по данным сайта World Population Review, индекс социального прогресса России с 72 баллов в 2022 г. опустился до уровня 68,3 баллов в 2025 г. В сравнении с Данией, как страной с самым высоким индексом социального прогресса (92 балла), этот показатель по России имеет среднее значение⁸. Недостаточный объем импорта некоторых видов продовольственных товаров и предметов первой необходимости вынудил потребителей выбирать менее качественную продукцию либо оплачивать товары по завышенным ценам, что негативно отражается на уровне жизни и усиливает имущественное расслоение.

Существенное снижение экспорта и импорта товаров наблюдается после присоединения Крыма в 2014 г., последствия ярко выражены в 2015 г., где экспорт составил 68,7% к предыдущему году, а импорт – 62,7% соответственно. В 2022 г. наблюдалось снижение импорта до 91,8% по отношению к 2021 г. (рис. 3). Ограничение импорта товаров и технологий привело к дефициту ряда продуктов и снижению доступности качественных медицинских и бытовых услуг, что усиливает социальное неравенство.

Парадоксальные эффекты санкционной политики. Последствия экономической изоляции оказывают глубокое и противоречивое воздействие на внутренние рынки и развитие альтернативных структур.

⁷ Рейтинг стран мира по уровню валового национального дохода на душу населения 2024 // Гуманитарный портал. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/gross-national-income-ranking> (дата обращения: 27.04.2025)

⁸ Social Progress Index by Country 2025 // World Population Review. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/social-progress-index-by-country> (дата обращения: 23.06.2025)

⁶ Официальный сайт Банка России. Инфляция и ключевая ставка Банка России. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/hd_base/inf/ (дата обращения: 18.06.2025).

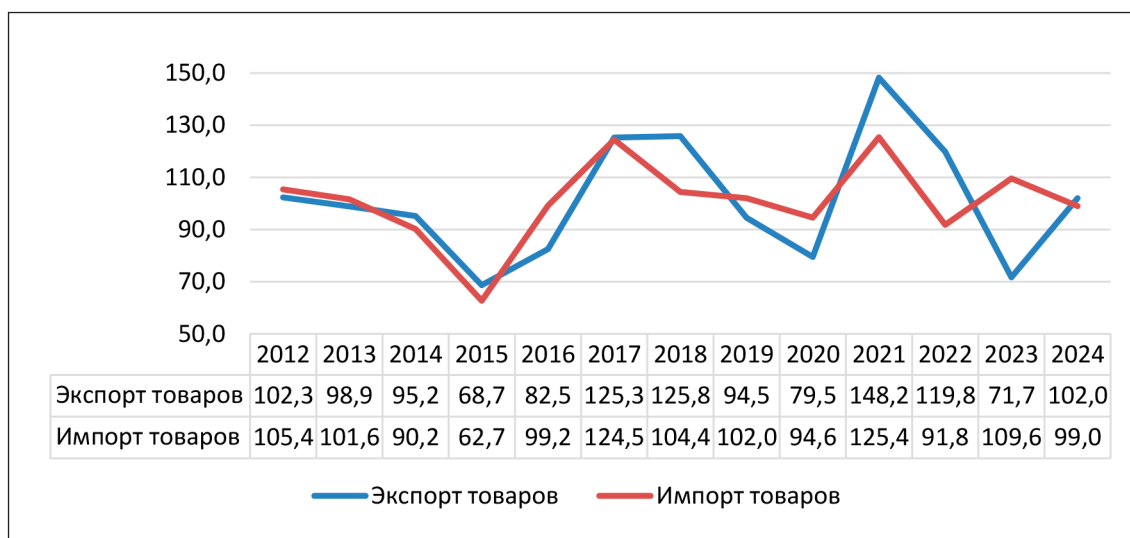

Рис. 3. Экспорт и импорт товаров за 2012–2024 гг., в % к предыдущему году
 Источник: составлено автором по URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>
 (дата обращения: 20.06.2025)

В условиях санкций и ограничений страны вынуждены перестраивать экономические связи и адаптироваться к новым реалиям, что приводит к возникновению ряда парадоксальных эффектов.

Во-первых, экономическая изоляция стимулирует усиление государственного вмешательства в экономику, что ограничивает рыночный потенциал и снижает гибкость экономики, одновременно создавая предпосылки для роста административных барьеров и снижения предпринимательской активности. Однако внутренние рынки демонстрируют высокую устойчивость благодаря способности к адаптации и переориентации на новые торговые партнерства из восточных и южных стран. Стимулируется внешняя торговля со странами и регионами, находящимися вне рамок санкционного режима, что ослабляет эффект санкций и способствует возникновению альтернативных экономических альянсов [9]. Российско-китайское сотрудничество и активизация отношений с государствами ЕвразЭС служат ярким примером такой адаптации. По состоянию на 17 июня 2025 г. торговый оборот России с дружественными странами Азии, Африки и Латинской Америки за последние 4 года вырос в 1,5 раза. Эти данные были озвучены премьер-министром Российской Федерации Михаилом Мишустиним в ходе стратегической сессии, посвященной развитию транспортной инфраструктуры. По словам Мишустина, для увеличения доступности к перспективным рынкам сбыта ведется работа по формированию коридора

«Север – Юг» и созданию сопутствующей инфраструктуры, включая портовую, в Азово-Черноморском и Восточном регионах (Мишустин рассказал о росте товарооборота с дружественными странами. URL: <https://ria.ru/20250617/rossiya-2023389950.html> (дата обращения: 17.06.2025)).

Во-вторых, парадоксально, что санкционные ограничения, направленные на финансовые операции, не смогли полностью остановить движение товаров, но существенно затруднили отток капитала, что ограничило более быстрый и глубокий экономический спад. Это создало условия для развития теневой экономики и неформальных каналов торговли, которые, с одной стороны, поддерживают экономическую активность, а с другой – подрывают институциональную стабильность и верховенство закона. В марте 2022 г. было принято Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 (ред. от 28.06.2023) «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы», которое официально узаконило теневые схемы экспорта. В соответствии с этим постановлением была отменена ответственность за параллельный импорт.

В-третьих, парадоксы проявляются и на уровне институциональных изменений.

В условиях изоляции наблюдается рост альтернативных финансовых инструментов, таких как национальные платежные системы. С целью укрепления национальной валюты В.В. Путин в марте 2022 г. подписал Указ Президента РФ от 31.03.2022 № 172 «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа», который устанавливает новый порядок расчетов за поставки природного газа в недружественные страны в российских рублях. Как заявил Банк России уже в апреле 2025 г. на долю расчетов в рублях российского экспорта приходится 52,3 %. Все больше в мире распространяются расчеты в национальных валютах, поскольку операции в долларах и евро сопряжены с значительными рисками.

В-четвертых, парадоксально, что стремление к национальному обособлению и экономической изоляции не отменяет «гиперсвязанности» современных экономик, что проявляется в сохранении сложных цепочек поставок и взаимозависимостей, несмотря на политические барьеры. Это создает новые вызовы для управления экономической политикой и требует переосмысления традиционных моделей регулирования.

В-пятых, введенные санкции против страны-мишени отрицательно воздействуют на экономику страны-инициатора. Европа особенно уязвима из-за зависимости от российского газа (40 % поставок). Даже частичное сокращение экспорта может усугубить энергетический кризис, учитывая низкие запасы газа в хранилищах [10]. К примеру, ущерб для экономики Германии составил 29,9 млрд евро и 500 тыс. рабочих мест, для Италии – 16,3 млрд евро и 300 тыс. рабочих мест [11]. Как отмечалось на Пленарном заседании Петербургского международного форума 2025 г., только в результате отказа от российского газа еврозона понесла ущерб в размере примерно 200 млрд евро⁹.

В-шестых, введение санкций способно стимулировать внутренний рынок заменителей иностранных товаров, создавая условия для развития отечественных производителей [12]. В целом импортозамещение снижает зависимость от импортных товаров, повышает конкурентоспособность отечественной продукции и укрепляет экономическую безопасность страны [13]. Такие отрасли, как производство электрического

и компьютерного оборудования, авиация, автомобилестроение, восстановили свой рост в 2024 г. Наблюдается рост обрабатывающей промышленности и намечены цели по сокращению зависимости экономики России от сырьевого экспорта [14]. К 2024 г. более 64 % организаций стали замещать импорт, особенно в таких отраслях, как металлургия, строительство и производство удобрений [15].

Заключение

Исследование экономических и социальных эффектов санкций применительно к России демонстрирует сложную динамику процессов. Даже несмотря на интенсивное международное давление, Российская Федерация проявляет значительную степень устойчивости. Ее экономика успешно приспособляется к новым условиям и осуществляет внутреннюю перестройку, что существенно уменьшает воздействие санкционного режима и создает дополнительные проблемы для международного сообщества.

Последствия экономического характера выражаются в замедлении темпов развития национальной экономики, сужении доступа к инновационным технологиям и финансированию, увеличении производственных затрат и ускорении инфляционных процессов. Российская Федерация, подвергшаяся беспрецедентному количеству санкционных ограничений, сумела сохранить макроэкономическую стабильность путем диверсификации внешнеторговых связей в пользу азиатского региона и стран-партнеров, внедрения механизмов замещения импорта и формирования альтернативных платежных систем. Тем не менее подобные стратегии на данном этапе сопряжены с уменьшением объема инвестиций и падением уровня качества производимой продукции, что несет риски для устойчивого долгосрочного роста.

Касательно социально значимых аспектов санкций, среди основных проявлений выделяются падение реальных заработков граждан, инфляция, ухудшение условий жизни и затруднения в доступе к необходимым продуктам и сервисам. В России такие изменения приводят к трансформации поведения потребителей и углублению неравенства между различными слоями общества.

Необходимо осознавать, что экономическая изоляция способна вызывать глубокие внутриполитические реформы и формировать центры новой глобальной экономической мощи, радикальным образом меняющие современный мировой экономический порядок. Формируются новые экономические блоки, и мир становится многополяр-

⁹ Официальный сайт Президента России. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/77222 (дата обращения: 23.06.2025).

ным, что снижает эффективность традиционных санкций и меняет ландшафт глобальной торговли.

Список литературы

1. Китиева М.И., Ахриева М.М. Влияние санкций на экономику России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 11–2. С. 35–38. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10918. EDN: XOJKA.
2. Карамова О.В., Руденко Л.Г., Бувеч А.П., Орусова О.В., Варвус С.А., Соловых Н.Н., Екатериновская М.А., Бекулова С.Р., Юданов А.Ю., Сергеева А.Е., Орлова Д.Р., Пескова Т.А., Терская Г.А. Структура российской экономики: сдвиги в условиях внешних и внутренних вызовов. М.: Прометей, 2024. 380 с. ISBN: 978-5-00172-710-1.
3. Руденко Л.Г. Анализ роли БРИКС в формировании многополярного мира на основе мир-системного подхода // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 7–1. С. 134–140. DOI: 10.17513/vael.3573.
4. Черных А.А. Обзор методов анализа эффективности экономических санкций // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2024. Т. 21. № 4 (136). С. 48–62. DOI: 10.21686/2413-2829-2024-4-48-62.
5. Дундуев К.Б. Влияние санкций на ИТ-сферу в России // Современные социальные и экономические процессы: проблемы, тенденции, перспективы регионального развития. 2023. № 1. С. 30–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sanktsiy-na-it-sferu-v-rossii> (дата обращения: 15.05.2025).
6. Колоткина О.А. Влияние санкций на экономическую безопасность России // БИТ. 2023. № 2 (26). С. 35–490. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sanktsiy-na-ekonomicheskuyu-bezopasnost-rossii-1> (дата обращения: 15.05.2025).
7. Евсин М.Ю. Оценка влияния санкций на финансовый рынок России // ЭФО. 2022. № 2. С. 14–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vliyaniya-sanktsiy-na-finansovyy-rynok-rossii> (дата обращения: 15.05.2025).
8. Рычков В.В. Анализ влияния новостей о санкциях на финансовые рынки России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 2. С. 71–115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vliyaniya-novostey-o-sanktsiyah-na-finansovye-rynki-rossii> (дата обращения: 11.05.2025).
9. Альпидовская М.Л., Сучкова У.С. Международные санкции: принуждение к развитию // Экономика. Бизнес. Банки. 2025. № 2 (76). С. 8–19. EDN: DCQKJC.
10. Шагеева Г.Р., Галиахметова Р.Р. Влияние санкций против России на мировую экономику // Universum: экономика и юриспруденция. 2022. № 5 (92). С. 5–7. URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/13366> (дата обращения: 13.07.2025). DOI: 10.32743/UniLaw.2022.92.5.13366.
11. Болотнова Е.А., Бабкина О.А., Воронков А.А. Влияние санкций на экономику России // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 5 (49). С. 33–39. URL: <https://academiyadt.ru/wp-content/uploads/egi/egi-49-1.pdf> (дата обращения: 13.05.2025).
12. Туралина А.Г. Влияние западных санкций на экономику России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2024. № 3. С. 98–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-zapadnyh-sanktsiy-na-ekonomiku-rossii> (дата обращения: 13.05.2025).
13. Соргутов И.В. Архитектоника санкций в экономике // Московский экономический журнал. 2021. № 8. С. 87–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektonika-sanktsiy-v-ekonomike> (дата обращения: 16.05.2025).
14. Шманев С.В. Санкции как стимул развития национальной экономики // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 250–257. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-2-250-257. EDN: XJZLEA.
15. Манушин Д.В. Антисанкционная и санкционная экономическая политика 2022–2025: санкции, контрсанкции, проблемы импортозамещения и перспективы // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 250. № 6. С. 146–167. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-146-167. EDN: QIUUFO.

УДК 339.9
DOI**ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**¹Салькина А.Р., ²Якименко А.В.¹ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»,
Самара, e-mail: alya-0508@yandex.ru;²Воронежский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, Воронеж

В условиях глобальной турбулентности и изменения международных экономических связей проблема импортозамещения приобретает стратегическое значение для российской экономики. В статье проводится комплексный анализ текущего состояния и перспектив развития политики импортозамещения в России в контексте мировой экономики. Особое внимание уделяется структурным вызовам, ограничивающим эффективность данного направления, включая высокую степень зависимости от импортных технологий и оборудования, особенно в высокотехнологичных секторах, что и формирует цель исследования. Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения экономического суверенитета, снижения критической зависимости от внешних поставок и формирования устойчивых производственных цепочек внутри страны, несмотря на мировые вызовы. В работе подчеркивается важность формирования долгосрочных стратегий, направленных на развитие научно-технического потенциала и создание технологических альянсов с дружественными странами, что предполагает углубление международного сотрудничества и адаптацию нормативно-правовой базы. Особое значение имеет подготовка квалифицированных кадров, развитие научно-исследовательской инфраструктуры, а также совершенствование механизмов государственной поддержки, включая упрощение доступа к субсидиям и грантам. Авторами подчеркивается необходимость перехода к комплексной структурной трансформации, активизации малого и среднего предпринимательства и интеграции науки с производством для снижения внешней зависимости и повышения национальной конкурентоспособности на мировом рынке.

Ключевые слова: макроэкономика, импортозамещение, развитие экономики, влияние санкций, экономический анализ развития

IMPORT SUBSTITUTION: CURRENT DEVELOPMENT PROSPECTS¹Salkina A.R., ²Yakimenko A.V.¹Samara State University of Economics, Samara, e-mail: alya-0508@yandex.ru;²Voronezh Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Voronezh

In the context of global turbulence and changes in international economic relations, the issue of import substitution has become strategically important for the Russian economy. This article provides a comprehensive analysis of the current state and prospects for the development of import substitution policies in Russia in the context of the global economy. Special attention is given to the structural challenges that limit the effectiveness of this policy, including a high degree of dependence on imported technologies and equipment, particularly in high-tech sectors, which forms the purpose of this research. The relevance of the topic is due to the need to ensure economic sovereignty, reduce critical dependence on external supplies, and create sustainable production chains within the country, despite global challenges. The paper emphasizes the importance of developing long-term strategies aimed at strengthening scientific and technological capabilities and establishing technological alliances with friendly countries, which requires deepening international cooperation and adapting the regulatory framework. The training of qualified personnel, the development of research infrastructure, and the improvement of state support mechanisms, including the simplification of access to subsidies and grants, are of particular importance. The authors emphasize the need for a comprehensive structural transformation, the activation of small and medium-sized enterprises, and the integration of science with production in order to reduce external dependence and increase national competitiveness in the global market.

Keywords: macroeconomics, import substitution, economic development, impact of sanctions, economic analysis of development

Введение

В последние годы политика импортозамещения в Российской Федерации приобрела статус стратегического направления социально-экономического развития, обусловленного трансформацией мировой экономической архитектуры, обострением геополитической конфронтации и ужесточением внешнеэкономических ограничений. На фоне нарастающего санкционного

давления и ограниченного доступа к иностранным технологиям и рынкам обеспечение экономической устойчивости и технологического суверенитета становится приоритетной задачей национальной политики. В этих условиях импортозамещение рассматривается не только как реактивная мера на внешние вызовы, но и как элемент долгосрочной стратегии диверсификации национальной экономики, снижения кри-

тической зависимости от зарубежных поставок и укрепления внутренних производственно-технологических цепочек.

Актуальность темы усилилась после 2014 года, однако качественный сдвиг в восприятии политики импортозамещения произошёл в 2022 году – в контексте масштабной трансформации внешнеторговых потоков, резкого сокращения экономического взаимодействия с западными странами и необходимости срочной модернизации отраслевой структуры экономики. Импортозамещение из вынужденного антикризисного инструмента стало рассматриваться в качестве долгосрочного механизма формирования самодостаточной модели развития, способной эффективно функционировать в условиях ограниченного участия в глобальных производственных сетях.

На текущем этапе одним из ключевых вызовов остаётся необходимость формирования устойчивых и масштабируемых механизмов промышленной кооперации как на горизонтальном уровне (между предприятиями различных отраслей), так и на вертикальном (между государством, корпорациями и малыми инновационными структурами). В этом контексте особое значение приобретает развитие региональных производственных кластеров, локализация критически важного производства, а также создание условий для эффективного участия отечественных предприятий в трансформации глобальных цепочек поставок – с акцентом на дружественные страны и новые рынки. Примером может служить активное использование инструментов компенсационного импорта и контрактного производства в сотрудничестве с партнёрами из стран Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки, что открывает перспективы международной технологической кооперации вне рамок западноцентричной модели глобализации.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ состояния и перспектив развития политики импортозамещения в России в контексте мировой экономики. Сделан акцент на необходимости трансформации модели импортозамещения от экстенсивной замены импорта к созданию условий для технологического лидерства в ряде ключевых направлений.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на междисциплинарном подходе, включающем элементы институционального, статистического и сравнительного анализа. В качестве основного источника данных использованы официальные материалы Федеральной

службы государственной статистики, данные Министерства промышленности и торговли Российской Федерации, Центрального банка России, а также аналитические обзоры ведущих научных институтов.

Применялись следующие методы:

- системный анализ – позволил комплексно рассмотреть взаимосвязи между секторальными программами импортозамещения и общим состоянием макроэкономики;
- экономико-статистический анализ – использовался для выявления динамики изменения импортной зависимости в ключевых отраслях (по периодам 2014–2024 гг.), оценки эффективности господдержки и инвестиционной активности;
- сравнительный анализ – использован при сопоставлении отраслей с высокой и низкой степенью импортозамещения, а также при анализе зарубежного опыта (Китай, Индия, Южная Корея).

Результаты исследования и их обсуждение

Одной из наиболее острых проблем, сдерживающих эффективную реализацию стратегии импортозамещения в России, остаётся диспропорция между динамикой формирования отечественной производственной базы и реальными потребностями экономики в высокотехнологичном оборудовании, современных комплектующих и критически важных технологиях. Примером может служить ситуация в электронной промышленности: несмотря на расширение государственной поддержки отрасли, доля микропроцессоров российского производства в совокупном объеме внутреннего рынка в 2023 году не превысила 20% [1]. Это указывает на сохраняющуюся глубокую технологическую зависимость, особенно в сегменте сложных цифровых решений, и подчеркивает уязвимость национального промышленного комплекса в условиях глобальной технологической изоляции.

Ключевым фактором, усугубляющим структурные дисбалансы, выступает ограниченность финансово-инвестиционных ресурсов. В условиях внешнеэкономического давления, снижения доходной части бюджета и роста макроэкономических рисков реализация капиталоемких и долгосрочных проектов по замещению импортной продукции сталкивается с институциональными и инфраструктурными барьерами. Наиболее значимыми среди них являются дефицит вложений в НИОКР, а также низкий уровень технологической готовности производственных мощностей, значительная часть которых требует модернизации и технологического перевооружения.

Дополнительное давление на темпы импортозамещения оказывает ограниченный доступ к передовому промышленному оборудованию. По данным профильных отраслевых ассоциаций, только 18% оборудования, приобретённого российскими предприятиями в 2023 году, было произведено внутри страны [2]. Эта статистика подтверждает дефицит мощностей отечественного машиностроения и обостряет проблему низкой технологической автономии, что в перспективе сдерживает внедрение инновационных решений и переход к промышленности нового технологического уклада.

Параллельно с внутренними вызовами Россия сталкивается с необходимостью комплексной трансформации своей внешнеэкономической стратегии. В ответ на разрыв традиционных логистических и производственных связей с государствами Запада наблюдается активная переориентация на рынки стран Глобального Юга – прежде всего Китая, Индии и Ирана. Эти направления становятся новыми опорными точками для внешнеэкономического взаимодействия, однако их освоение требует не только диверсификации экспортно-импортных потоков, но и адаптации регуляторной и технической инфраструктуры.

Речь идёт, прежде всего, о согласовании отраслевых стандартов, локализации совместных производств, синхронизации процедур сертификации, а также переходе к расчетам в национальных валютах в условиях ограниченного доступа к традиционным международным платёжным системам. Все это требует институциональной гибкости, формирования альтернативных кооперационных моделей и усиления внешнеэкономического блока государственной промышленной политики [3].

В совокупности указанные факторы определяют объективные ограничения текущего этапа импортозамещения и задают вектор дальнейших преобразований: от точечных мер реагирования к формированию устойчивой технологической и нормативной базы, способной поддерживать долгосрочную промышленную независимость в условиях изменения архитектуры международного экономического взаимодействия [4; 5].

Оценка динамики процессов импортозамещения в условиях сохраняющейся макроэкономической волатильности и геоэкономической турбулентности позволяет выявить сохраняющуюся структурную зависимость ряда отраслей российской экономики от внешних поставок. По данным Министерства экономического развития РФ, к концу 2024 года уровень импорта

в станкоинструментальной промышленности превышал 70%, в сегменте электронной продукции достигал более 80%, а в фармацевтическом секторе сохранялся на уровне около 60% [6].

Импортозамещение в России на текущем этапе представляет собой многоуровневый и неравномерный процесс, эффективность которого в значительной степени зависит от качества межуровневого взаимодействия, уровня институциональной зрелости, а также способности ключевых секторов к технологической адаптации. В долгосрочной перспективе необходима не только трансформация инструментов государственной поддержки, но и пересмотр приоритетов промышленной политики с акцентом на развитие кооперационных форматов, трансфер технологий и расширение внутреннего рынка через стимулирование спроса на продукцию отечественного производства [7].

Причинно-следственная связь прослеживается в зависимости между уровнем научно-технического потенциала и степенью импортозависимости. Низкие инвестиции в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, отсутствие стимулирующих налоговых инструментов и дефицит технологической инфраструктуры тормозят внедрение отечественных разработок в серийное производство. По аналитическим сведениям, объем затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки в России составляет лишь 1,1% от ВВП, в то время как в странах ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) этот показатель превышает 2,5–3%. Это означает, что в условиях технологической гонки Россия проигрывает как по скорости, так и по глубине трансфера знаний и решений в промышленность (табл. 1) [8].

Таблица 1

Импортная зависимость в ключевых отраслях промышленности за 2024 г.

Отрасль	Уровень зависимости от импорта (%)
Станкостроение	72
Электроника и микросхемы	83
Фармацевтика	61
Автопром	55
Пищевая промышленность	12
Агропромышленный комплекс (сельхозтехника)	38

Источник: составлено авторами [8].

Таблица 2

Доля импорта в ключевых секторах экономики России, 2022–2024 гг., в %

Отрасль	2022	2023	2024 (прогноз)
Фармацевтика	72	68	65
Машиностроение	58	53	50
Микроэлектроника	84	79	75
Лёгкая промышленность	43	38	35

Источник: составлено авторами [9].

Также следует отметить, что структурные перекосы в системе господдержки способствуют созданию «карманных» производств, ориентированных на освоение бюджетных потоков, а не на реальную конкуренцию и развитие. Это напрямую влияет на эффективность всей системы поддержки и дискредитирует идею промышленного суверенитета как долгосрочной стратегии всей мировой системы. Однако доля импорта в ключевых экономических секторах, которые имеют непосредственное влияние на значимые мировые показатели, показывает сильные колебания (табл. 2).

По данным статистики, в машиностроении снижение импорта составило 8 п.п. (с 58% до 50%), а в микроэлектронике – 9 п.п. (с 84% до 75%), что свидетельствует о начавшихся структурных сдвигах, но не позволяет говорить о полноценной технологической самостоятельности. Полученные результаты позволяют сделать вывод о сохранении крайне неравномерной траектории импортозамещения в различных секторах российской экономики. В отраслях с низким уровнем технологических барьеров и устойчивым внутренним спросом (пищевое производство, легкая промышленность) наблюдается ускоренное замещение импортной продукции отечественными аналогами [10].

На фоне изменения глобальных торговых-экономических ориентиров и ограничения доступа к критическим импортным ресурсам, в ближайшей перспективе (3–5 лет) наибольший прогресс в реализации стратегии импортозамещения прогнозируется в тех секторах национальной экономики, где уже сформирована устойчивая производственная база [11]. К таковым, в частности, относятся пищевая промышленность, лёгкая промышленность и производство строительных материалов.

В условиях глобальной турбулентности и формирования новой архитектуры мировой экономики приоритетами модернизации импортозамещающей политики становятся:

- расширение технологической кооперации с государствами-партнёрами, прежде

всего в рамках интеграционных форматов (ЕАЭС, БРИКС, ШОС);

- формирование системной стратегии подготовки инженерных, технологических и научных кадров с учетом международных стандартов;

- развитие исследовательской, опытно-конструкторской и производственной инфраструктуры на базе технологических кластеров и научно-промышленных консорциумов;

- институциональная оптимизация процедур предоставления государственной поддержки, включая субсидии, гранты и налоговые стимулы;

- активизация механизмов государственно-частного партнерства в приоритетных направлениях импортозамещения [12; 13].

Таким образом, концепция импортозамещения перестает быть исключительно механизмом адаптации к внешним вызовам. Она трансформируется в часть долгосрочной национальной стратегии устойчивого развития, опирающейся на технологический суверенитет и экономическую независимость. В условиях фрагментации глобальных цепочек добавленной стоимости создание самостоятельной производственной базы является не только элементом внутренней экономической безопасности, но и фактором укрепления позиций страны на международной арене [14; 15].

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует, что, несмотря на положительные сдвиги в отдельных отраслях, импортозамещение в российской экономике по-прежнему сталкивается с рядом фундаментальных ограничений. Среди них – ограниченность внутренних инвестиционных ресурсов, слабая инновационная активность предприятий, низкая степень вовлеченности малого и среднего бизнеса в производственные цепочки, а также институциональная инерция. Приоритетными задачами в таком контексте выступают: интеграция научного и производственного потенциала, развитие

отечественных компетенций в сфере высоких технологий, формирование устойчивого внутреннего спроса на продукцию национального производства, а также выстраивание эффективных механизмов мирового экономического взаимодействия. Только системный, многокомпонентный и координированный подход к политике импортозамещения может обеспечить экономическую устойчивость, конкурентоспособность и активное участие России в формировании новой модели глобального экономического порядка.

Список литературы

1. Кузьминов Я.И., Симачев Ю.В., Кузык М.Г. Импортозамещение в российской экономике: вчера и завтра // Аналитический доклад НИУ ВШЭ, М.: Изд. дом ВШЭ, 2023. С. 163 DOI: 10.17323/978-5-7598-2755-9.
2. Федюнина А.А., Симачев Ю.В. Устойчивость российских компаний в цепочках создания стоимости к санкционному шоку // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 3 (60). С. 180–187. DOI: 10.31737/22212264_2023_3_180-187.
3. Донцова О.И., Толкачев С.А., Комолов О.О. Российская промышленность: влияние санкций и перспективы импортозамещения // Экономика, предпринимательство и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 271–288. DOI: 10.18334/erpp.9.4.41512.
4. Мищенко В.В., Мищенко И.К. Эскалация импортозамещения как реальность и необходимость для совершенствования структуры отечественной экономики // Экономика. Профессия. Бизнес. 2021. № С. 77–83. DOI: 10.14258/erpb202125.
5. Пятковский С.Е., Ефимова Н.С., Суркова Е.В. Управление высокотехнологичными компаниями в условиях импортозамещения. Экономика и управление. 2024. № 10. DOI: 10.12345/eu.2024.10.67890.
6. Официальный сайт минэкономразвития РФ. Годовой доклад о социально-экономическом развитии России. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.gov.ru/>. (Дата обращения: 19.05.2025.)
7. Официальный сайт федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 19.05.2025).
8. Официальный сайт РАНХиГС. Мониторинг экономической политики и НИОКР в России. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ranepa.ru/> (дата обращения: 19.05.2025).
9. Официальный сайт счётной палаты Российской Федерации. Аналитический доклад по эффективности программ импортозамещения. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/> (дата обращения: 19.05.2025).
10. Курбатова А.Е. Перспективы импортозамещения в российском секторе информационных технологий в условиях санкционного давления // Современная мировая экономика. 2023. № 4. С. 45–52. DOI: 10.17323/cwe.2023.4.12345.
11. Лукьянова А., Зейналов А. Российская аграрная промышленность в условиях санкционных войн // Экономика сельского хозяйства. 2022. № 11. DOI: 10.56789/esa.2022.11.54321.
12. Баранов А.О., Куценогий П.К., Новикова Т.С. Перспективы импортозамещения ферментов и ферментных препаратов в сельском хозяйстве и промышленности России // ЭКО. 2023. № 2. С. 34–45. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-2-34-45.
13. Батрасова А.Д., Коновалова Т.В., Комаров П.И. Импортозамещение в фарминдустрии РФ // Управленческий учёт. 2023. № 12. С. 153–163. DOI: 10.25806/uu122023153-163.
14. Устюжанина Е.В., Новикова Е.С. Проблемы импортозамещения и пути их решения в условиях санкционного давления // Креативная экономика. 2023. № 5. С. 6–17. DOI: 10.47711/0868-6351-193-6-17.
15. Широкова О.В., Назаренко В.С. Государственная политика импортозамещения: предварительные итоги и тенденции // Экономические отношения. 2017. № 4. С. 343–356. DOI: 10.18334/eo.7.4.38431.

НАУЧНЫЙ ОБЗОР

УДК 336.1:336.71
DOI**ИНТЕГРАЦИЯ ПРЕВЕНТИВНОГО И РЕАКТИВНОГО КОНТРОЛЯ
В УПРАВЛЕНИИ БАНКОВСКИМИ РИСКАМИ:
КОНЦЕПЦИЯ ПРОАКТИВНОГО НАДЗОРА****Квициния А.В., Кувшинова Ю.А.***АНО ВО «Российский новый университет», Москва,
e-mail: kvica1979@mail.ru*

В условиях макроэкономической нестабильности и недостаточной регламентации деятельности системно значимых банков в России возрастает необходимость повышения эффективности и прозрачности банковского регулирования и надзора. Цель настоящего исследования – разработка модели интеграции реактивных и превентивных подходов внутрибанковского контроля и пруденциального надзора в целях совершенствования управления ключевыми банковскими рисками (в первую очередь кредитными, но в перспективе и операционными, рыночными и комплаенс-рисками). В работе использовались методы логического, сравнительного и структурного анализа, элементы синтеза и индукции, а также обобщение положений современных теоретических и прикладных исследований в области банковского надзора. В результате обоснована концептуальная модель, основанная на интеграции реактивных и превентивных механизмов внутрибанковского контроля и пруденциального надзора. Вводится ряд принципов, формирующих основу новой модели проактивного надзора: «Гибкий зонтик» (адаптивность регулирования к профилю рисков каждого банка), «Умный компас» (использование передовых технологий анализа данных для раннего выявления рисков), «Стеклянные стены» (полная прозрачность банковских операций для регулятора) и «Синергия государства и рынка» (сбалансированное сочетание регулятивных требований и рыночных стимулов). Ключевым элементом предлагаемой модели является создание единой цифровой экосистемы взаимодействия Центрального банка, коммерческих банков и других участников финансового рынка. Такой подход позволяет регулятору осуществлять проактивный надзор, своевременно выявляя потенциальные угрозы и принимая превентивные меры. Другим важным нововведением является концепция адаптивного кредитного портфеля, которая предполагает гибкое управление структурой кредитных активов банков с учетом меняющейся экономической конъюнктуры и приоритетов государственной политики. Практическая значимость исследования заключается в том, что предлагаемые механизмы обеспечивают снижение системных рисков, оптимизацию распределения ресурсов и повышение устойчивости банковского сектора.

Ключевые слова: банковский надзор, пруденциальное регулирование, внутрибанковский контроль, кредитный риск, цифровые технологии, адаптивность

**INTEGRATION OF PREVENTIVE AND REACTIVE CONTROL
IN BANK RISK MANAGEMENT: THE CONCEPT
OF PROACTIVE SUPERVISION****Kvitsinia A.V., Kuvshinova Yu.A.***Russian New University, Moscow, e-mail: kvica1979@mail.ru*

In the context of macroeconomic instability and insufficient regulation of the activities of systemically important banks in Russia, there is an increasing need to improve the efficiency and transparency of banking regulation and supervision. The purpose of this study is to develop a model for integrating reactive and preventive approaches to intrabank control and prudential supervision in order to improve the management of key banking risks (primarily credit risks, but in the future also operational, market and compliance risks). Methods of logical, comparative and structural analysis, elements of synthesis and induction, as well as generalization of the provisions of modern theoretical and applied research in the field of banking supervision were used in the work. As a result, a conceptual model based on the integration of reactive and preventive mechanisms of intrabank control and prudential supervision is substantiated. A number of principles are being introduced that form the basis of a new model of proactive supervision: "Flexible Umbrella" (adaptability of regulation to the risk profile of each bank), "Smart Compass" (use of advanced data analysis technologies for early detection of risks), "Glass Walls" (full transparency of banking transactions for the regulator) and "Synergy of the state and the market" (a balanced combination of regulatory requirements and market incentives). The key element of the proposed model is the creation of a unified digital ecosystem of interaction between the Central Bank, commercial banks and other financial market participants. This approach allows the regulator to carry out proactive surveillance, timely identifying potential threats and taking preventive measures. Another important innovation is the concept of an adaptive loan portfolio, which assumes flexible management of the structure of banks' credit assets, taking into account the changing economic environment and government policy priorities. The practical significance of the research lies in the fact that the proposed mechanisms reduce systemic risks, optimize resource allocation and increase the stability of the banking sector.

Keywords: banking supervision, prudential regulation, intrabank control, credit risk, digital technologies, adaptability

Введение

Стабильность банковской системы является одним из ключевых факторов устойчивого экономического развития. На фоне усиливающейся макроэкономической волатильности, санкционного давления, цифровизации финансовых операций и трансформации поведенческой модели клиентов задача обеспечения прозрачности, устойчивости и управляемости системы банковских заимствований приобретает особую актуальность. Заимствования играют центральную роль в поддержании текущей ликвидности и финансовой устойчивости кредитных организаций. Вместе с тем неэффективное управление ими способно создавать шоки как на микро-, так и на макроуровне финансовой системы. Особенно остро такие риски проявляются в сегменте системно значимых банков, где один сбой может вызвать эффекты распространения («contagion effects»), угрожающие финансовой стабильности в целом.

Несмотря на то, что в последние годы регуляторные усилия Центрального банка Российской Федерации (ЦБ РФ) все активнее концентрируются в направлении риск-ориентированного подхода и консолидации банковского сектора, текущая структура надзора и внутреннего контроля продолжает базироваться преимущественно на реактивных, инспекционно-формализованных моделях. Одной из ключевых проблем остается недостаточная интеграция внутреннего (внутрибанковского) контроля и внешнего (регуляторного) надзора – при том, что именно совместная трансформация этих механизмов способна обеспечить как предотвращение рисков, так и эффективное их выявление, и корректирующее воздействие. Существенным вызовом также выступает фрагментация методов и подходов: технические, поведенческие, нормативные и макропруденциальные инструменты чаще всего применяются разрозненно, без выработки сквозной архитектуры управления рисками по всей контрольной цепочке.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью:

- формирования связной модели, интегрирующей внутренние и внешние механизмы контроля в банковской системе;
- повышения эффективности системы заимствований как ключевого элемента финансовой устойчивости;
- перехода от реактивного (экспост) к превентивному (экзанте) формату оценки и управления банковскими рисками на ос-

нове современных аналитических и цифровых инструментов;

– учета и синтеза лучшей отечественной и международной научной и методологической практики в области банковского контроля и надзора.

Указанные положения находят подтверждение в научной литературе последних лет, где закрепилось обоснованное мнение о недостаточности традиционных форм инспекционного надзора и внутрибанковского «чеклистского» контроля в условиях ускоряющегося обновления банковской архитектуры. В частности, выделяется критика в адрес доминирующих постфактум-ориентированных моделей, базирующихся на нормативной отчетности и инспекционных проверках. Как отмечает Д.А. Буганов, действующая модель регулирования банковского сектора в России страдает слабой координацией, инерционностью и неспособностью оперативно реагировать на вызовы цифровой трансформации [1, с. 5]. Автор указывает, что ретроспективный подход, основанный на запоздалом выявлении нарушений, теряет релевантность в условиях необходимости быстрого принятия решений – особенно в ситуациях кризисного характера. Следовательно, основной вектор реформирования надзорной практики должен быть направлен на превентивные методы, экстрасенсорную оценку рисков и гибкую настройку механизмов контроля.

Внутрибанковский контроль, в свою очередь, также требует переосмысления. Банки необходимо рассматривать как открытые, динамичные социально-экономические системы, где контроль перестает быть атрибутом формалистского отчетного цикла, а переводится в ранг автономного механизма регулирования и устойчивости. Данный теоретико-методологический подход предложен в работе В.И. Карпунина, Т.С. Новашиной и Ю.С. Ефремовой, где раскрывается идея системно-функциональной специализации внутренних подразделений банков [2, с. 34–40]. Авторы подчеркивают, что каждый организационный блок должен принять риск-профильную модель ответственности, обеспечивая глубокое погружение в соответствующую сферу выявления и устранения угроз (например, кредитные, операционные, рыночные, комплаенс-риски). Такой подход отличается от традиционных универсальных контрольных регламентов и создает предпосылки для ситуативно-пропорциональной настройки внутренних механизмов мониторинга.

Значительный вклад в развитие технологий банковского контроля принадлежит

работам, посвященным цифровой трансформации. Так, Д.В. Пасиницкий справедливо подчеркивает необходимость цифровизации аналитических процессов в целях повышения качества риск-менеджмента банков [3, с. 47–49]. Ключевое место здесь занимают технологии машинного обучения (ML), искусственного интеллекта (AI), интеллектуального анализа данных (Data Mining, DM), которые позволяют формировать поведенческие модели, предсказывать аномальное клиентское поведение, оценивать кредитоспособность и выявлять случаи мошенничества. Инструменты комплаенса, поведенческого таргетинга, скоринга и анализа платежного поведения становятся неотъемлемыми элементами data-driven контроля, обеспечивая более глубокую и своевременную диагностику портфельных и операционных рисков.

Парадигмальный сдвиг в сторону превентивных подходов к внутрибанковскому контролю находит яркое выражение в работе М.С. Веретина. Автор рассматривает внутренний контроль как часть системы обеспечения экономической безопасности банков и выдвигает идею «осмысленного регулирования» – риск-ориентированного подхода, при котором контрольные мероприятия адаптируются к риск-профилю конкретного сегмента банковской деятельности [4, с. 109–116]. Это обеспечивает возможность приоритизации ресурсов контроля: более глубокий аудит проводится там, где выявляются повышенные риски, а устойчивые практики мониторинга обеспечивают снижение регуляторной нагрузки в стабильных направлениях.

Аналогичная ситуация наблюдается и во внешнем надзоре. Согласно анализу И.В. Михеевой и Е.А. Долковой, текущая модель поведенческого надзора от ЦБ РФ в большей степени носит реактивный характер, несмотря на формально декларируемую превентивную и риск-ориентированную логику [5, с. 326–329]. Основной вызов здесь заключается в неспособности на практике идентифицировать и купировать девиации в клиентском и операционном поведении до момента нарушения – что особенно актуально в связи с распространением инновационных и финтех-продуктов, изменяющих структуру потребительского риска. Существенной проблемой внешнего надзора остается отсутствие технологической адаптивности. В работе [6, с. 82–85] отмечается возрастающая роль макропруденциальных инструментов в политике ЦБ РФ: внедрение МПЛ (макропруденциальных лимитов), циклических буферов [7, с. 107], оценка долговой нагрузки – все это фор-

мирует контуры активного регулирования. Однако без синхронизации этих мер с данными внутрибанковского контроля их эффективность ограничена. При этом политика «очистки» банковского сектора (сокращение кредитных организаций на 19% в 2020–2023 гг. [8]) имеет смысл лишь при параллельной трансформации внутренних систем оценки, аудита и риск-менеджмента в банках. Причем, как подчеркивается в теоретических моделях пруденциального регулирования, результативность таких реструктуризаций достигается только при совместной реализации всех ключевых функций надзора: защитной, обеспечительной и превентивной [9, с. 43]. Отсутствие институционального механизма их согласования зачастую приводит к асимметрии регулирования, где надзор либо избыточно реактивен, либо формально комплаентен, теряя способность к адаптивному управлению рисками.

В свете вышеизложенного возникает научный вызов формирования системы соединения внешних и внутренних механизмов регулирования на основе институциональной координации. Как отмечают в обобщающей монографии Н. Zohrabi и соавт. [10, с. 33–40], масштабные кризисы чаще наступают в тех юрисдикциях, где отсутствует сквозная архитектура регуляторных связей. Авторы утверждают, что эффективная надзорная система представляет собой не совокупность изолированных мер, а интегрированный каскад нормативных, поведенческих и технологических режимов контроля. Эта мысль получает развитие в работах М. Ху [11, с. 60–79], который вводит концепт координации денежно-кредитной политики и макропруденциального надзора. Ключевой тезис состоит в том, что реактивные меры (изменение ставки, ограничение ликвидности) дают результат только в связке с превентивными (контроль сроков заимствований, стресс-тестирование на нестабильность). Такой подход развивает концепцию «институциональной синергетики», где эффективность регулирования определяется скоростью, глубиной и связностью взаимодействия между различными уровнями надзора. Сопоставимую идею поддерживают и А. Berger с соавт., предлагая модель взаимодействия автономных регуляторных и саморегулируемых контуров – макропруденциального и внутрибанковского контроля – в рамках когерентной «двухуровневой» системы надзора [12, с. 175–180]. В их представлении эффективная надзорная архитектура строится не на иерархическом подчинении, а на плотной информа-

ционной и методической интеграции между Центробанком и банками как субъектами внутреннего самоконтроля.

Современные технологические решения также вносят корректировки в надзорную парадигму. В работах М.В. Дегтярева [13, с. 180–182] аргументируется важность перехода к гибридным форматам регулирования: *suptech* (*supervisory technology*) и *regtech* (*regulatory technology*), автоматизированному мониторингу и адаптивным аналитическим механизмам. Аналогичные позиции выдвигают Е. Micheler и А. Whalley (в пересказе в [13, с. 182] и подробно в [14, с. 357]), призывающие перейти к концепции «регуляторного программного обеспечения» – регламента, автоматически обновляющегося в информационных системах банков. В том же ключе Ю.В. Трунцевский [15, с. 54] говорит о «взвешенном риск-ориентированном регулировании» и «регулировании замкнутого цикла» с высокой чувствительностью к поведенческим и цифровым сигналам в банковской деятельности. Аналогичные идеи развиваются в исследовании С.А. Васильева и соавт. [16, с. 112–116], где подчеркивается необходимость перехода от формального, документационного контроля к когнитивно-базируемому мониторингу с использованием *big data* и анализа цифрового поведения клиентов.

С учетом ранее проанализированных исследований и их тематического разнообразия, в научной литературе можно выделить три доминирующих подхода, каждый из которых по-своему отражает логику и практику внутрибанковского контроля и пруденциального надзора:

1. Первый подход сосредоточен на управлении банковскими рисками и финансовой устойчивостью. Его ключевые представители – М.С. Веретин и Д.В. Пасиницкий, в работах которых подчеркивается необходимость перехода от формализованного контроля к модели осознанного регулирования, выстроенной на базе оценки кредитного и ликвидного риска, адекватности капитала и других финансовых индикаторов. Отдельные методические решения представлены в исследовании под ред. И.В. Ларионовой [17, с. 40–60], где систематизированы подходы к классификации кредитных рисков. Однако границы данного подхода часто не выходят за рамки внутрибанковского комплаенса и не учитывают воздействие внешней нормативной среды или тенденции трансформации клиентского поведения.

2. Второй подход – институционально-нормативный, акцентирующий внимание на адаптации международных надзорных стандартов к национальной практике. Он логично

продолжает идею необходимости макрокоординации, обозначенную в работах В.И. Карпунина и коллег, а также Д.А. Буганова, где подчеркивается взаимосвязь между макропруденциальной и внутренней контрольной логикой. Исследования А.С. Кирилзеевой и Е.В. Чирах [18, с. 66–69], В.Ю. и М.В. Мироновых [19, с. 274–280] дополняют эту рамку, акцентируя внимание на преобразованиях в условиях пандемии и санкционного давления, но затрагивая внешние аспекты, игнорируя необходимость синергии с внутренними системами контроля. Сегодня очевидно, что простая трансплантация стандартов недостаточна – необходима их комплексная внутренняя интерпретация с учетом когнитивных и цифровых контекстов.

3. Третий вектор фокусируется на поведенческом и риск-ориентированном надзоре и прослеживается в работах И.В. Михеевой и Е.А. Долковой, Ю.В. Трунцевского, С.А. Васильева и др., где подчеркивается значение когнитивного мониторинга, моделей прогнозирования и технологичных решений (*regtech*, *suptech*) в диагностике отклонений. Отдельные аспекты поведенческой оценки клиента и форм *soft-regulation* раскрываются в статьях А.А. Ситника [20, с. 46], В.Ю. Миронова [21, с. 230–232], А. Мажада [22, с. 17–28] и О.В. Ваганова [23, с. 116–119], где предложены качественные индикаторы поведенческих отклонений и практики клиентской защиты. Однако подход все еще фрагментарен – поведенческий надзор недостаточно сопряжен с макропруденциальными задачами и институциональными механизмами синхронизации.

Таким образом, несмотря на бурное развитие отдельных направлений, в большинстве работ отсутствует концептуальная связка между внутрибанковским контролем и внешним надзором, между реакцией и превенцией, между архитектурой риска и возможностями *data-driven* регулирования. Это и определяет необходимость разработки цельной и адаптивной модели интеграции всех звеньев надзорно-контрольной цепи в контексте повышения эффективности системы заимствований.

Опираясь на выявленные в литературе пробелы, данное исследование ставит перед собой главную **цель** – найти оптимальный баланс между реактивными и превентивными инструментами контроля и надзора, интегрировав их в единую эффективную систему управления заимствованиями. Для достижения этой цели необходимо:

– разработать методологию интеграции различных механизмов контроля и надзора в единое целое;

– предложить конкретные практические рекомендации, которые могли бы лечь в основу новой парадигмы управления заимствованиями в банках и трансформации надзорной деятельности ЦБ.

Материалы и методы исследования

Основой настоящего исследования выступают интегрированные подходы, сочетающие положения современной теории финансов, риск-менеджмента, банковского регулирования и надзора. В частности, в качестве теоретических рамок были использованы:

– концепция риск-ориентированного надзора и пруденциального регулирования, изложенная в работах В.Ю. Миронова, А.С. Гокоева, а также в коллективной монографии под ред. И.В. Ларионовой, где анализируются аспекты внедрения стандартов Базель III в российскую надзорную практику;

– методология проектирования системы внутрибанковского контроля, раскрытая в публикации В.И. Карпунина и соавт., – она позволила оценить организационно-функциональную структуру внутреннего контроля и методы снижения операционных и репутационных рисков;

– теория и практика макропруденциального регулирования, рассмотренная в работах М.Б. Тершуковой, В.С. Абрамова, С.С. Шаповаловой, а также М. Ху в контексте обеспечения финансовой стабильности и координации надзорных механизмов с денежно-кредитной политикой;

– подходы к цифровой трансформации надзора и применения SupTech- и RegTech-решений, представленные в исследованиях М.В. Дегтярева, А.В. Курносова, а также L. Aziz и Y. Andriansyah, где подчеркивается значимость искусственного интеллекта и аналитики больших данных в автоматизации функций комплаенс-контроля и оценки рисков;

– концепция поведенческого надзора, раскрытая в исследованиях И.В. Михеевой и Е.А. Долковой, А.А. Ситника, В.Ю. Миронова, где рассматриваются механизмы защиты прав потребителей финансовых услуг, а также подходы к преодолению информационной асимметрии и повышению финансовой инклюзии;

– институциональные аспекты банковского надзора и контроля, рассмотренные в работах М. Альнакулы, А.С. Кириллеевой, Д.А. Буганова, Н. Zohrabi и соавт., где обосновано значение согласованности между функциями Центрального банка, кредитных организаций и иных участников финансовой системы.

С практической точки зрения работа основана на обобщении данных и аналитических докладов Центрального банка Российской Федерации, а также аналитических публикаций по расширению сферы государственного участия в кредитовании бизнеса (Д.А. Коробейников; Д.А. Баталина).

В ходе исследования были использованы следующие методы:

– аналитический метод – для системного разложения комплексного объекта (системы банковских заимствований) на составные элементы: внутренний контроль, внешний надзор, регуляторная инфраструктура, цифровые инструменты диагностики;

– абстрактно-логический метод – использовался для построения модели экосистемы проактивного надзора, обоснования ее компонентов и взаимосвязей между ними;

– синтез – применялся при интеграции теоретических концепций в комплексную модель регулирования, объединяющую принципы превентивного надзора, адаптивного контроля и цифровой прозрачности;

– графический и табличный методы – использовались для визуализации структурных элементов предлагаемой модели (в частности, в представлении принципов надзорной экосистемы и их функциональных связей), а также для наглядного отображения воздействия различных механизмов на систему заимствований.

Такой комплексный методологический инструментарий позволяет обобщить теоретические подходы, систематизировать и сопоставить их с практическими данными российской банковской системы, а также сформировать рекомендации по совершенствованию системы контроля и надзора.

Результаты исследования и их обсуждение

Предлагается, что мероприятия по повышению эффективности системы заимствований должны быть основаны на концептуальной модели, учитывающей взаимодействие внутрибанковского контроля с органами пруденциального финансового надзора. Поставленная задача требует системного подхода и оценки динамики изменений для понимания влияния принятых решений на стабильность финансовой системы и устойчивость банковского сектора. Оценка принятых решений в сфере государственного регулирования банковских заимствований отражается на поведении кредитных организаций и их восприятии ситуации на финансовом рынке.

Таблица 1

Взаимосвязь пруденциального регулирования и системы банковских заимствований:
показатели, каналы воздействия и последствия

Критерий	Показатели пруденциального надзора	Цели пруденциального регулирования	Компоненты системы заимствований	Канал воздействия	Влияние на систему заимствований
Своевременность выявления рисков	Среднее время реагирования надзора на потенциальные угрозы (в днях)	Минимизация операционных потерь	Скорость изменения портфеля, ранее предупреждение	Мониторинг событий и оперативная аналитика	Оперативная корректировка кредитных стратегий
	Частота и задержка подачи обязательной отчетности кредитными организациями		Структура заимствований, отчетность по портфелю	Отчетность, регламенты предоставления информации	Предотвращает просрочки и некачественных заимствований
Адекватность регулятивных требований	Степень соответствия нормативов Н1, Н2 макроэкономическим условиям (%)	Поддержание баланса между риском и ростом	Доступность фондирования, уровень резервирования	Регулятивные поправки к нормативам	Способствует сглаживанию кредитного цикла
	Установленный размер контрибуционного буфера капитала (%)	Ограничение перегрева на кредитном рынке	Объем кредитования, доля рискованных сегментов	Наблюдение за фазами цикла	Снижение избыточного кредитования в фазе перегрева
Эффективность надзорных действий	Средневзвешенный коэффициент достаточности капитала (CAR) по банкам (%)	Укрепление устойчивости банков	Структура портфеля, качество заимствований	Установление капитальных требований	Повышение уверенности инвесторов и заемщиков
	Доля проблемной задолженности в кредитном портфеле (%)	Минимизация кредитного риска	Качество портфеля, состав заемщиков	Оценка рисков и резервирование	Сдерживание выдачи некачественных кредитов
Охват надзора	Обеспеченность срочных обязательств высоколиквидными активами (%)	Поддержание ликвидности	Возможность выполнения обязательств	Надзор над ликвидностью	Повышение устойчивости краткосрочного кредитования
	Оценка соответствия внутренней методологии ICAAP установленным стандартам (оценка, баллы)	Совершенствование внутреннего контроля	Подходы к оценке рисков при кредитовании	Надзор за системами управления рисками	Повышение осознанности и сдержанности в стратегии заимствования
Координация действий на международном уровне	Наличие/отсутствие замечаний к бизнес-моделям по результатам первичии	Развитие риск-ориентированной модели	Обоснованность заимствований, устойчивость бизнес-сценариев	Анализ моделей и стратегий	Устранение агрессивных практик кредитования
	Количество совместных регуляторных мероприятий в год	Предотвращение трансграничных шоков	Зависимость кредиторов от внешнего рынка	Координационные соглашения	Повышение устойчивости фондирования от внешних партнеров
Технологичность контроля	Доля трансакционных заимствований под общим регулированием (%)	Поддержка стабильности	Международное фондирование	Гармонизация требований	Повышение доверия глобального капитала
	Уровень автоматизации обработки данных в надзорной системе (%)	Повышение эффективности и скорости надзора	Информационное обеспечение кредитных решений	Surptech, цифровой контроль	Быстрое реагирование на изменения портфелей
	Степень использования поведенческого скоринга в практике банков (%)	Точность оценки и мониторинга рисков	Профиль заемщиков, индивидуальный риск	AI-модели, big data	Снижение вероятности дефолтов при массовом кредитовании

Источник: составлено авторами на основе анализа рекомендаций BIS, Банка России, ЕЦБ, Basel Committee on Banking Supervision и научных источников [1; 3; 15].

Однако, как уже было определено, в условиях быстро меняющейся экономической среды и возрастающих рисков традиционные модели взаимодействия внутрибанковского контроля и пруденциального надзора сталкиваются с рядом вызовов. Среди ключевых проблем можно выделить реактивный подход к управлению рисками, недостаточную координацию действий надзорных органов, информационные барьеры и недостаток гибкости регулирования. Эти ограничения подчеркивают необходимость разработки новой концептуальной модели, интегрирующей как реактивные, так и превентивные подходы для обеспечения синергии между внутрибанковским контролем и пруденциальным надзором.

В этом контексте предлагается авторский подход к оценке взаимосвязи пруденциального регулирования и системы заимствований, представленный в табл. 1.

Данный подход, анализируя пруденциальное регулирование по критериям своевременности выявления рисков, адекватности требований и эффективности надзора, позволяет выявить слабые места существующей системы, определить направления совершенствования и сформировать целостное представление для разработки стратегии трансформации в сторону более устойчивой и эффективной модели. Он служит мостом от анализа проблем к разработке решений, демонстрируя взаимосвязь между превентивными мерами и реакцией на возникшие проблемы в рамках комплексного подхода к регулированию, что способствует созданию более гибкой системы надзора, адаптирующейся к меняющимся условиям финансовой среды.

Если исходить из того, что целью развития системы заимствований является обеспечение доступности кредитных ресурсов для реального сектора экономики, то механизм государственного регулирования должен формироваться исходя из следующих принципов (рис. 1).

Рассмотрим их более подробно.

1. Принцип «Гибкого зонтика» предполагает, что органы надзора выступают в роли своеобразного защитного купола, обеспечивающего стабильность и безопасность финансовой экосистемы. Этот «зонтик», созданный регуляторами, не только укрывает финансовые институты от потенциальных угроз, но и формирует единое пространство, в рамках которого устанавливаются универсальные стандарты и методологии, необходимые для эффективной оценки и управления системными рисками. Однако принцип «Гибкого зонтика» не ограничивается лишь созданием защитного барьера, а предоставляет банкам определенную свободу в выборе инструментов и методов управления рисками, учитывая при этом уникальные особенности их бизнес-моделей и профилей риска. Такой подход позволяет финансовым учреждениям адаптировать свои стратегии в рамках установленной регуляторной среды, что, в свою очередь, способствует более целенаправленному и эффективно-му управлению рисками. Эта гибкость, заложенная в самой концепции «Гибкого зонтика», является важнейшим фактором, обеспечивающим устойчивость и адаптивность банковской системы в условиях постоянно меняющегося экономического ландшафта.

Рис. 1. Основные принципы концептуальной модели банковского надзора
Источник: составлено авторами на основе подходов, изложенных в [3–5]

Если говорить о практической реализации принципа «Гибкого зонтика», то здесь на авансцену выходят такие инновационные направления, как RegTech (регуляторные технологии) и SupTech (надзорные технологии) [24, с. 704–705]. RegTech, с одной стороны, призваны оптимизировать процесс выполнения регуляторных требований самими финансовыми учреждениями, делая его более эффективным и менее затратным. SupTech, с другой стороны, нацелены на модернизацию и улучшение работы надзорных органов, предоставляя им передовые инструменты для анализа данных и выявления потенциальных рисков. Эти два технологических направления, работая в тандеме, создают синергетический эффект, способствуя формированию более прозрачной, надежной и эффективной финансовой системы.

Таким образом, принцип «Гибкого зонтика», гармонично сочетая в себе элементы защиты, адаптивности и технологической инновационности, создает благоприятную среду для внедрения новых идей и подходов, что, в свою очередь, способствует формированию более устойчивой и эффективной финансовой экосистемы, готовой к вызовам будущего.

2. Принцип «Умного компаса», подразумевающий не просто автоматизацию, а создание интеллектуальной системы, которая не только собирает и анализирует данные, но и самостоятельно адаптируется к новым угрозам и тенденциям, является ключевым элементом в построении эффективной и устойчивой банковской системы будущего. Использование искусственного интеллекта (ИИ) для анализа транзакций и выявления подозрительных операций позволит системам на основе ИИ обучаться и совершенствоваться, распознавая новые схемы мошенничества, что следует из данных работы [25, с. 113–118] и что, в свою очередь, укрепит доверие к банковской системе и повысит ее стабильность.

3. Принцип «Стеклянных стен», тесно связанный с идеей прозрачности и открытости, предполагает не просто обмен информацией, а открытый доступ к данным о банковской системе для всех участников рынка (с учетом конфиденциальности). Создание публичных реестров с информацией о финансовом состоянии банков, их рисках и мерах по их снижению позволит усилить рыночную дисциплину, так как участники смогут принимать более обоснованные решения, что в итоге приведет к более здоровой конкуренции и повышению эффективности банковской системы в целом.

4. Принцип «Синергия государства и рынка», вытекающий из необходимости

сбалансированного подхода к регулированию банковской деятельности, предусматривает институционально разграниченное, но согласованное взаимодействие государственных структур и рыночных участников с целью обеспечения устойчивого доступа кредитных организаций к высококачественным заемщикам и повышения инвестиционной активности в экономике. В рамках этого подхода государство не вмешивается напрямую в операционные решения банков, а выполняет преимущественно координационную, нормативную и стимулирующую функции, обеспечивая условия для устойчивого и управляемого развития кредитного рынка.

Особое внимание в этом контексте уделяется механизму государственных кредитных гарантий, который, согласно научным исследованиям [26, с. 83–87; 27, с. 4770], позволяет снизить риск-профиль сделок с участием малого и среднего бизнеса, а также капиталоемких отраслей – при наличии адекватной оценки эффективности и контролируемого воздействия на поведенческие установки банков. Вместе с тем, как справедливо отмечает Банк России (2024), любые элементы государственной поддержки должны быть встроены в систему финансового регулирования осторожно, с учетом рисков искажения рыночных сигналов и усиления морального хазарда [28, с. 3]. В частности, отмечается, что рост числа регуляторных льгот может привести к злоупотреблениям со стороны банков, а также к искажению конкурентного поля и ценообразования на рынке.

Наряду с кредитными гарантиями все большую значимость приобретает развитие цифровых платформ взаимодействия государства и финансового сектора. Такие платформы, обеспечивающие интеграцию механизмов идентификации, сбора и распределения текущей информации о кредитных рисках, формируют предпосылки для обеспечения баланса между реактивным и превентивным надзором. Внедрение цифровых моделей, в том числе инструментов регуляторных песочниц [29, с. 10–12], позволяет апробировать инновационные подходы в кредитовании, минимизируя потенциальные угрозы для устойчивости системы.

Однако для формирования устойчивых долгосрочных каналов финансирования, особенно в контексте модернизации инфраструктуры и решения приоритетных задач социально-экономического развития, требуется переход к более институционализированным формам взаимодействия государства и бизнеса. Именно здесь ГЧП выступает как важнейший элемент реализа-

ции принципа «Синергии». Функция ГЧП в рамках синергетического подхода состоит не только в привлечении частного капитала в стратегически важные проекты, но и в перераспределении ключевых рисков между участниками с учетом их компетенций, ресурсов и горизонтов планирования. Такие проекты, особенно в формате концессионных соглашений, становятся мультистейкхолдерными инициативами, где координация интересов и согласование условий заимствования (включая оптимизацию структуры денежных потоков и привлечение льготного финансирования через институты развития) требует высокоэффективных внутрибанковских процессов управления [30, с. 20–25]. В то же время российская практика реализации проектов ГЧП сталкивается с рядом институциональных узких мест. К основным проблемам относятся фрагментарность государственной политики в части модернизации инфраструктуры, ограниченность инструментов финансирования, недостаточную методическую проработку оценки эффективности проектов и слабую инвестиционную привлекательность в ряде регионов. Недостаток верифицированной информации, в том числе со стороны банков как потенциальных софинансистов, снижает качество кредитных решений и затрудняет проведение тщательного скрининга на этапе предварительной оценки заемщиков [30, с. 25–28].

Особо актуальна проблема совершенствования методических подходов к оценке эффективности ГЧП-проектов. Сегодня они носят преимущественно формальный характер и не дают целостного представления о целесообразности участия финорганизаций. Это, в свою очередь, ограничивает возможности банков по формированию превентивных стратегий оценки финансовой устойчивости долгосрочных проектов, что важно для реализации пруденциальной политики. В условиях неопределенности внедрение комплексных моделей расчета (включающих анализ потоков, стресс-тесты, валютные риски и др.) становится дополнительным ориентиром повышения профессионального уровня внутрибанковского кредитного контроля.

Формирование платформы для успешной реализации ГЧП также предполагает создание устойчивой системы регулирования процесса заимствования и оптимизации структуры финансирования. Анализ работы А.А. Першиным [30, с. 113–147] показывает, что эффективное структурирование денежных потоков и капиталовложений с учетом интересов ключевых стейкхолдеров – от концедента и банкиров

до инвесторов и операторов – является одним из ключевых условий устойчивости ГЧП-механизмов. А используемые банками подходы к проектной оценке (включая интеграцию ESG-параметров) могут эффективно сочетаться с государственной стратегией развития макроэкономической устойчивости и повышения деловой активности. В этом контексте синергия государства и рынка укореняется в концепции координированного партнерства в рамках институционально выверенного взаимодействия. Государство обеспечивает благоприятную среду, предоставляет гарантии и настраивает инфраструктурные стимулы, а банки, в свою очередь, играют центральную роль в формировании системы заимствований с учетом управляемых рисков и приоритетов устойчивого национального развития.

Предлагаемые принципы формируют комплексный подход к трансформации банковской системы, позволяя создать более устойчивую и эффективную банковскую систему, способную противостоять новым вызовам и содействовать экономическому росту и развитию общества, на базе чего предлагается вниманию авторская модель, интегрирующая идеи предложенных принципов в единый механизм – Экосистема проактивного надзора. Суть модели заключается в смене парадигмы от фрагментированного контроля к динамичному взаимодействию в рамках единой цифровой платформы, объединяющей Банк России, банки, а также другие субъекты финансового рынка (страховые компании, рейтинговые агентства, аудиторские фирмы), ключевые элементы которой представлены на рис. 2.

Анализируя данные рис. 2, можно увидеть, что единая цифровая платформа, являясь центральным узлом экосистемы проактивного надзора, призвана обеспечить прозрачность через публикацию агрегированных данных о рисках, нормативных требованиях и стресс-тестах, при этом учитывая аспекты конфиденциальности участников. Этот подход, который можно рассматривать как аналог принципа «Стеклянных стен», создаст условия для более открытого и доверительного взаимодействия между регулятором и участниками рынка, что, в свою очередь, будет способствовать повышению эффективности регулирования и укреплению стабильности банковской системы. Важно отметить, что для обеспечения быстрого и качественного обмена данными между участниками в режиме реального времени будут внедрены API-интерфейсы, что позволит существенно повысить скорость и качество взаимодействия между различными субъектами рынка.

Рис. 2. Компоненты экосистемы проактивного надзора
Источник: составлено авторами

Кроме того, значительную роль в этом информационном пространстве сыграет аналитика на основе искусственного интеллекта, именуемая «Умный компас», с помощью которой будут осуществляться глубокий анализ данных, моделирование рисков и выявление аномалий. Это, в сочетании с прозрачностью и быстрым обменом данными, создаст основу для проактивного и риск-ориентированного подхода к регулированию.

В дополнение к единой цифровой платформе важным элементом экосистемы станет «Адаптивный регуляторный периметр» (далее АРП), который предполагает замену жестких нормативных требований более динамическими и гибкими, учитывающими профиль риска конкретного банка. Такой подход позволит реализовать риск-ориентированную модель регулирования, при которой более строгие требования будут применяться к банкам с высоким уровнем рисков, в то время как для менее рискованных институтов будут действовать более мягкие правила. Кроме того,

в рамках этой модели будут предусмотрены регуляторные «песочницы» – площадки для тестирования новых продуктов и технологий в контролируемой среде, что даст возможность оценить их эффективность и безопасность до полноценного внедрения на рынок.

Наконец, ключевым компонентом экосистемы станет проактивное взаимодействие, которое будет включать систему автоматических оповещений о потенциальных рисках, основанную на анализе данных, что позволит своевременно реагировать на возникающие угрозы. Кроме того, регулярные «регуляторные диалоги» между Банком России и банками в режиме онлайн создадут условия для открытого обмена мнениями и предложениями, что укрепит сотрудничество и повысит качество принимаемых решений. Более того, совместная разработка новых регуляторных мер с привлечением банков не только повысит актуальность введенных норм, но и поспособствует более глубокому взаимопониманию между участниками рынка.

Таблица 2

Механизмы взаимодействия в экосистеме проактивного надзора

Форма взаимодействия	Механизм взаимодействия	Показатель	Принцип модели	Ожидаемый эффект
Цифровой кристалл (открытость и доступность данных)	Центральный банк, банки, участники рынка публикуют агрегированные данные о рисках, нормативах и стресс-тестах на единой платформе (с учетом конфиденциальности)	– Своевременность выявления рисков. – Охват надзора. – Координация действий на международном уровне	Стеклянные стены	– Снижение информационных барьеров. – Повышение доверия к финансовому сектору. – Дисциплинирование участников рынка
Радар раннего предупреждения (проактивное выявление рисков)	Центральный банк и банки взаимодействуют через: – Мониторинг данных в режиме реального времени через API. – Анализ данных с помощью ИИ для выявления аномалий. – Автоматическая система оповещений о потенциальных угрозах	– Своевременность выявления рисков. – Эффективность надзорных действий	Умный компас	– Предотвращение кризисов путем своевременного реагирования. – Оптимизация надзорных действий
Гибкий диалог (постоянная коммуникация и сотрудничество)	Центральный банк, банки и реальный сектор взаимодействуют через: – Регулярные онлайн-консультации между Банком России и участниками рынка. – Совместную разработку новых регуляторных мер. – Регуляторные «песочницы» для тестирования инноваций	– Адекватность регуляторных требований. – Эффективность надзорных действий	Гибкий зонтик	– Снижение регуляторной нагрузки. – Повышение адаптивности регулирования. – Стимулирование инноваций
Прозрачный шит (координация и обмен информацией)	Центральный банк, банки, страховые компании, рейтинговые агентства, аудиторские фирмы создают единую базу данных о рисках и мерах по их снижению и обмениваются информацией для комплексного анализа рисков	– Координация действий на международном уровне. – Охват надзора	Стеклянные стены. – Умный компас	– Минимизация дублирования функций. – Комплексный анализ рисков. – Повышение эффективности надзора
Инвестиционный альянс (координация долгосрочной инвестиционной политики и трансфер рисков)	Центральный банк, коммерческие банки, институты развития и представители реального сектора координируют подходы к финансированию инвестиционных проектов через: – участие институтов развития в трансфере рисков (частичное обеспечение, гарантии, субсидирование ставки); – использование цифровых платформ для обмена информацией о проектных и кредитных рисках; – внедрение стандартов проектной оценки и мониторинга на базе международных МСФО/ESG и адаптированных к российским реалиям методик; – реализацию проектов государственно-частного партнерства при соблюдении требований ФЗ-115, ФЗ-224, ФЗ-94, где государство выступает создателем институциональной и регуляторной среды, а финансирование преимущественно обеспечивает частный сектор; – согласование ключевых направлений кредитной и инвестиционной политики с приоритетами развития реального сектора экономики	– Эффективность привлечения частных инвестиций в инфраструктуру. – Объемы финансирования приоритетных отраслей через рыночные механизмы. – Уровень вовлеченности институтов развития в трансфер рисков. – Качество проектного сопровождения (анализ, структурирование, монетизация)	– Синергия государства и рынка. – Гибкий зонтик	– Снижение рисков на стороне банков благодаря гарантийной и институциональной поддержке. – Повышение привлекательности долгосрочных инвестиционных проектов. – Формирование устойчивых каналов частного финансирования с перераспределением на развитие реального сектора. – Снижение зависимости от прямого бюджетного финансирования

Источник: составлено авторами.

Таким образом, предлагаемая интеграция всех этих элементов в единое информационное пространство создаст синергетический эффект, который приведет к формированию проактивного, гибкого и более эффективного банковского регулирования. Исходя из этого, в рамках экосистемы проактивного надзора Банк России выступает не только контролером, но и дирижером оркестра, координирующим взаимодействие всех участников для обеспечения стабильности и развития банковского сектора (табл. 2).

В дополнение к предложенным в табл. 2 механизмам взаимодействия в экосистеме проактивного надзора, автор вводит концепцию «Адаптивный кредитный портфель», которая основывается на динамическом управлении структурой кредитных активов банков в зависимости от изменений экономической конъюнктуры, регуляторной среды и государственных приоритетов. Данный подход позволяет финансовым институтам оперативно реагировать на возникающие вызовы и возможности, оптимизировать распределение кредитных ресурсов.

Подводя итоги, отметим, что внедрение этих предложений позволит создать более целостную и эффективную систему заимствований, где пруденциальное регулирование будет гармонично дополнено механизмами государственной поддержки кредитования реального сектора.

Заключение

Разработанная концептуальная модель повышения эффективности системы заимствований включает такие ключевые элементы:

- использование искусственного интеллекта и автоматизированной аналитики для раннего выявления аномалий и потенциальных угроз;
- введение гибкого регулирования на основе оценки индивидуального риска-профиля банка через механизм «Адаптивного регуляторного периметра»;
- создание форматов устойчивого и доверительного диалога между регулятором и участниками рынка, включая регуляторные «песочницы», совместную разработку мер и проведение онлайн-консультаций;
- координация инвестиционной политики и участие государства в снижении рисков через институциональную поддержку, трансфер рисков и развитие проектного финансирования с опорой на ESG и МСФО-стандарты.

Реализация модели приведет к следующим положительным эффектам:

- повышение проактивности и точности надзорных действий, что позволит минимизировать системные риски;

– снижение избыточной нагрузки на добросовестных участников при одновременном усилении контроля в отношении высокорискованных практик;

– стимулирование инноваций при защите интересов потребителей и поддержании устойчивости;

– расширение каналов финансирования реального сектора за счет сбалансированного взаимодействия частных и государственных институтов.

Внедрение экосистемы проактивного надзора не требует коренной перестройки нормативной архитектуры, но влечет необходимость совершенствования отдельных регламентов, регуляторных процедур и адаптации внутрибанковского контроля к новому уровню цифровой интеграции. Это потребует скоординированных усилий участников, инвестиционных в IT-инфраструктуру и институциональной согласованности, но создаст основу для более устойчивого, эффективного и прозрачного финансового сектора в России.

Список литературы

1. Буганов Д.А. Современная система банковского надзора: проблемы и пути решения // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № S3. С. 1–8. URL: <https://esj.today/PDF/71FAVN323.pdf> (дата обращения: 30.04.2025).
2. Карпунин В.И., Новашина Т.С., Ефремова Ю.С. Методология проектирования системы внутрибанковского контроля // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2020. Т. 17. № 6 (114). С. 30–44. DOI: 10.21686/2413-2829-2020-6-30-44.
3. Пасиницкий Д.В. Цифровая трансформация в концепции управления внутренними банковскими рисками // Цифровая трансформация. 2020. № 3. С. 45–50. DOI: 10.38086/2522-9613-2020-3-45-50.
4. Веретин М.С. Повышение экономической безопасности коммерческих банков на основе внутреннего контроля операционного риска // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2023. Т. 31. № 1. С. 107–119. DOI: 10.22363/2313-2329-2023-31-1-107-119.
5. Михеева И.В., Долкова Е.А. Поведенческий надзор банка России в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 2. С. 314–334. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-2-314-334.
6. Тершукова М.Б., Абрамов В.С. Практика применения инструментов макропруденциального регулирования Банка России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 78–87. DOI: 10.17223/19988648/66/5. EDN: SACWLR.
7. Шаповалова С.С. Анализ влияния макропруденциальных мер банка России на параметры экономического развития // Символ науки. 2024. № 1–1. С. 105–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vliyaniya-makroprudentsialnyh-mer-banka-rossii-na-parametry-ekonomicheskogo-razvitiya> (дата обращения: 30.04.2025).
8. Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации // Банк России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (дата обращения: 30.04.2025).
9. Гокоев А.С. Микропруденциальное регулирование кредитного риска в российских коммерческих банках: дис. ... канд. экон. наук. Владикавказ, 2024. 220 с. [Электрон-

ный ресурс]. URL: <https://media.nosu.ru/2024/03/dissertaciya-gokoeva-a.s.pdf> (дата обращения: 30.04.2025).

10. Zohrabi H., Raeispour A., Mohammadi-Moghadam Y., Ahmadi A.A. Presentation of a Conceptual Model for Central Bank Supervision over Banks with a Grounded Theory Approach // 2023. International Journal of Innovation Management and Organizational Behavior (IJIMOB). 2023. Vol. 3, Is. 3. P. 33–40. DOI: 10.61838/kman.ijimob.3.3.5.

11. Xu M. The Coordination Between Macro-Prudential Supervision and Monetary Policy -12. Berger A.N., Roman R.A. Prudential supervision // TARP and other Bank Bailouts and Bail-ins around the World / Ed. by A.N. Berger, R.A. Roman. Academic Press. 2020. P. 363–372. DOI: 10.1016/B978-0-12-813864-9.00024-0.

13. Детярев М.В. Новейшие регуляторные технологии и инструменты: дефиниция и классификация // Право и государство: теория и практика. 2021. № 12 (204). С. 180–183. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_12_180.

14. Micheler E., Whaley A. Regulatory Technology: Replacing Law with Computer Code // European Business Organization Law Review. 2019. Vol. 21, Is. 2. P. 349–377. DOI: 10.1007/s40804-019-00151-1.

15. Трунцевский Ю.В. Закон как код и прецизионное право в ракурсе датификации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 49–67. DOI: 10.12737/jfcl.2021.008.

16. Васильев С.А., Никонова И.А., Мирошниченко О.С. Банки, финансовые платформы и Big Data: тенденции развития и направления регулирования // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. № 5. С. 105–119. DOI: 10.31107/2075-1990-2022-5-105-119.

17. О приведении банковского регулирования в соответствие со стандартами базельского комитета по банковскому надзору (Базель III) в условиях нестабильной экономической ситуации: монография / Кол. авторов; под ред. И.В. Ларионовой. М.: КНОРУС, 2021. 190 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://book.ru/book/936233> (дата обращения: 02.04.2025).

18. Киризлеева А.С., Чирах Е.В. Концептуальные основы формирования эффективного банковского надзора в современных условиях развития // Теоретическая экономика. 2020. № 4 (64). С. 62–70. URL: <https://theoreticaleconomy.ru/ru/nauka/issue/4755/view> (дата обращения: 02.04.2025).

19. Миронов В.Ю., Миронова М.В. Актуальные проблемы внедрения риск-ориентированных подходов пруденциального банковского регулирования в Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 2 (63). С. 274–280. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.63.626.

20. Ситник А.А. Поведенческий надзор на финансовом рынке // Lex Russica. 2023. Т. 76. № 3 (196). С. 41–51. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.041-051.

21. Миронов В.Ю. Формирование правовой модели поведенческого надзора как актуальное направление развития риск-ориентированного подхода в банковском надзоре // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 4А. С. 229–234. DOI: 10.34670/AR.2023.64.39.024.

22. Альнакула Мажд. Моделирование эффективной системы банковского надзора и контроля: дис. ... канд. экон. наук. Белгород, 2021. 198 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://oreluniver.ru/defence/636> (дата обращения: 02.04.2025).

23. Ваганова О.В., Мельникова Н.С., Быканова Н.И. Гармонизация концептуальных подходов к трактовке понятий «банковский контроль» и «банковский надзор» // Экономика. Информатика. 2023. Т. 50. № 1. С. 113–121. DOI: 10.52575/2687-0932-2023-50-1-113-121.

24. Курносков А.В. SupTech- и RegTech-инициативы: анализ базовых характеристик и модельных рисков // Russian Journal of Economics and Law. 2021. Т. 15. № 4. С. 702–712. DOI: 10.21202/2782-2923.2021.4.702-712.

25. Aziz L.A.R., Andriansyah Y. The Role Artificial Intelligence in Modern Banking: An Exploration of AI-Driven Approaches for Enhanced Fraud Prevention, Risk Management, and Regulatory Compliance // Reviews of Contemporary Business Analytics. 2023. Vol. 6, Is. 1. P. 110–132. URL: <https://researchberg.com/index.php/rcba/article/view/153> (дата обращения: 02.04.2025).

26. Коробейников Д.А. Кредитные гарантии для малого и среднего бизнеса // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2020. № 2 (51). С. 79–88. URL: https://fbi.cfuv.ru/wp-content/uploads/2020/10/09_Коробейников.pdf (дата обращения: 30.04.2025).

27. Баталина Д.А. Государственные гарантии как фактор развития рынка финансовых услуг и обеспечения экономического роста региона // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 12. С. 4767–4776. DOI: 10.18334/ce.17.12.119663.

28. Банк России. Регулирование рисков кредитной концентрации: доклад для общественных консультаций. М.: Банк России. 2024. 49 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/161848/Consultation_Paper_28062024.pdf (дата обращения: 30.04.2025).

29. Антонец В.Г. Механизм синергии между государством, банками и финтех-компаниями // Современные технологии управления. 2024. № 4 (108). С. 1–14. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_80310664_15966622.pdf (дата обращения: 30.04.2025).

30. Першин А.А. Развитие механизмов финансирования проектов государственно-частного партнерства в инвестиционной деятельности корпорации: дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2024. 198 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ranepa.ru/upload/iblock/d07/8w4jd9uypxigp0cvysrdrpw47pk8tb81s.pdf> (дата обращения: 30.04.2025).

СТАТЬИ

УДК 332.1:338.001.36:311.314
DOI**СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРЕСТУПНОСТИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**¹Бикеева М.В., ²Борисова Е.Г.¹ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва», Саранск, e-mail: mbikeeva@yandex.ru;²ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва

Высокий уровень криминализации отнесен к вызовам и угрозам экономической безопасности. Анализ региональной дифференциации противоправных действий позволяет более четко концентрировать усилия на разработке более эффективных мер предотвращения и контроля преступности как по стране в целом, так и по конкретным субъектам. Данное обстоятельство требует комплексного подхода к статистической оценке состояния преступности на территории Республики Мордовия и в разрезе ее муниципальных образований. Цель исследования заключается в статистической характеристике состояния преступности на территории Республики Мордовия с последующей типологизацией муниципальных образований республики по уровню преступности. Информационная база исследования – данные Федеральной службы государственной статистики за 2010–2023 гг. За анализируемый период наблюдается сокращение количества зарегистрированных в Республике Мордовия преступлений. Результаты исследования подтверждают наличие дифференциации уровня преступности в муниципальных образованиях Республики Мордовия. Использование приема группировки позволило выделить муниципальные образования с высоким, средним и низким уровнем преступности. Большая часть муниципальных образований республики характеризуется средним уровнем преступности. Высокий уровень преступности характерен для столицы и северо-западной части республики. Низкий уровень преступности выявлен в районах, расположенных в северо-восточной и юго-западной частях Мордовии. Материалы исследования служат основой для разработки правоохранительными органами более эффективной стратегии предупреждения преступности и более рационального распределения ресурсов.

Ключевые слова: количество зарегистрированных преступлений, уровень и структура преступности, преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, типологизация муниципальных образований, группировка

STATISTICAL ASSESSMENT OF CRIME: REGIONAL ASPECT¹Bikeeva M.V., ²Borisova E.G.¹National Research Mordovia State University, Saransk, e-mail: mbikeeva@yandex.ru;²Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

The high level of criminalization is attributed to the challenges and threats to economic security. Analysis of regional differentiation of illegal actions allows for a clearer focus on developing more effective measures to prevent and control crime both in the country as a whole and in specific entities. This circumstance requires a comprehensive approach to statistical assessment of the state of crime in the Republic of Mordovia and in the context of its municipalities. The purpose of the study is to statistically characterize the state of crime in the territory of the Republic of Mordovia with subsequent typology of municipalities of the republic by crime rate. Information base of the study is data of the Federal State Statistics Service for 2010–2023. In general, during the analyzed period, there was a decrease in the number of crimes registered in the Republic of Mordovia. The results of the study confirm the presence of differentiation of the crime rate in the municipalities of the Republic of Mordovia. The use of the grouping technique made it possible to identify municipalities with high, medium and low crime rates. Most of the municipalities of the republic are characterized by an average crime rate. A high crime rate is typical for the capital and the northwestern part of the republic. Low crime rates were found in areas located in the north-eastern and south-western parts of Mordovia. The research materials serve as a basis for law enforcement agencies to develop a more effective crime prevention strategy and a more rational distribution of resources.

Keywords: number of registered crimes, crimes using information and telecommunication technologies, level and structure of crime, typology of municipalities, grouping

Введение

Преступность – наиболее острая социально-экономическая проблема, реальная угроза общественному порядку, экономическому благополучию и устойчивому развитию общества. Уровень криминальной обстановки рассматривается в качестве индикатора качества жизни. В подтверждение

данного тезиса высокий уровень криминализации согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. отнесен к вызовам и угрозам экономической безопасности [1, 2]. В этой связи важно изучать масштабы преступности как в стране в целом, так и в разрезе отдельных регионов (субъектов) [3].

В условиях динамично меняющихся экономических, социальных и политических процессов актуальность статистической оценки преступности возрастает. Изучение ее структуры, динамики и территориальных особенностей дает возможность определять закономерности и осуществлять прогнозирование тенденций. Выявление особенностей противоправных действий на региональном уровне позволяет конкретизировать приоритеты и направления противодействия преступности со стороны федеральных и региональных властей [4, 5].

Целью исследования является статистический анализ состояния преступности на территории Республики Мордовия с последующей типологизацией муниципальных образований республики по уровню преступности. Типологизация выступает в качестве инструмента детальной оценки структуры и тенденций уровня преступности. Выявление схожих по значениям показателей преступности территорий в итоге позволит правоохранительным органам сконцентрировать свои усилия на разработке более эффективных мер предотвращения и контроля преступности.

Материалы и методы исследования

Информационной базой послужили данные Федеральной службы государственной статистики [6–8].

В рамках исследования использованы методы дескриптивной статистики. Оценка структурных различий осуществлена на основе индекса Рябцева. Использование в рамках исследования метода группировок позволило осуществить распределение муниципальных образований республики на однородные группы. Данная процедура необходима для последующего выявления территориальных сходств и различий состояния преступности.

Результаты исследования и их обсуждение

На начальном этапе исследования проведем анализ динамики количества зарегистрированных преступлений по Республике Мордовия за 2010–2023 гг. (рис. 1).

За анализируемый период наблюдается сокращение количества зарегистрированных в республике преступлений на 6,2% (529 преступлений). При этом график демонстрирует разное поведение показателя в отдельные промежутки времени. Так, увеличение количества зарегистрированных преступлений наблюдалось в 2012–2015 гг. и 2018–2022 гг. Ключевым фактором, обусловившим увеличение количества зарегистрированных преступлений в 2013 г. на 7,7 п.п., стало укрепление учетно-регистрационной и статистической дисциплины, а также активизация деятельности органов внутренних дел по выявлению и документированию преступлений превентивных составов [9].

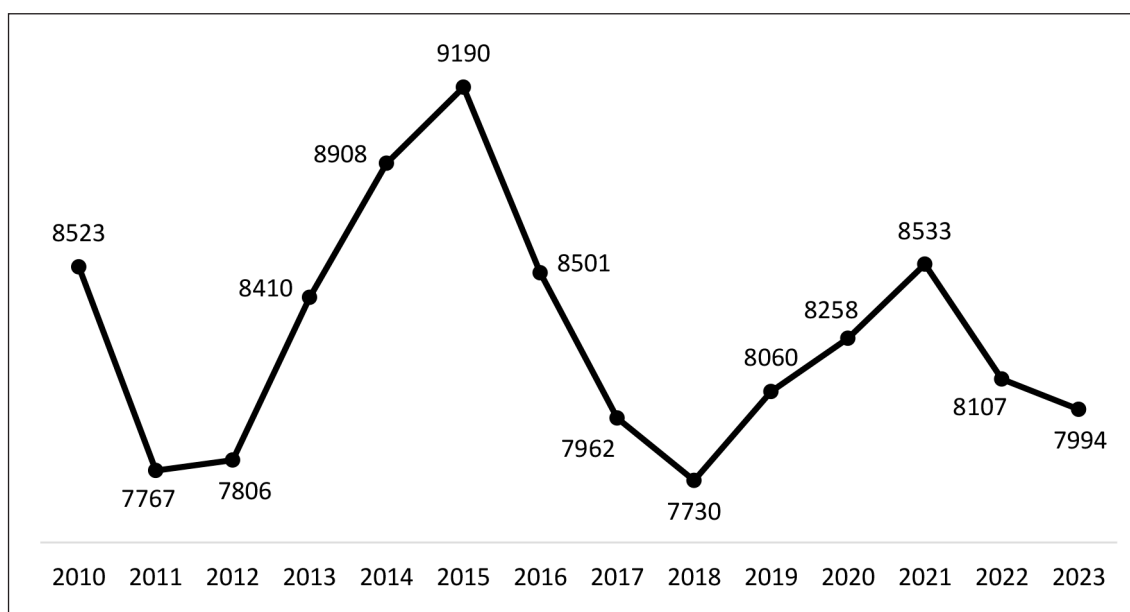

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений в Республике Мордовия за 2010–2023 гг., ед.
Источник: составлено авторами на основе [6]

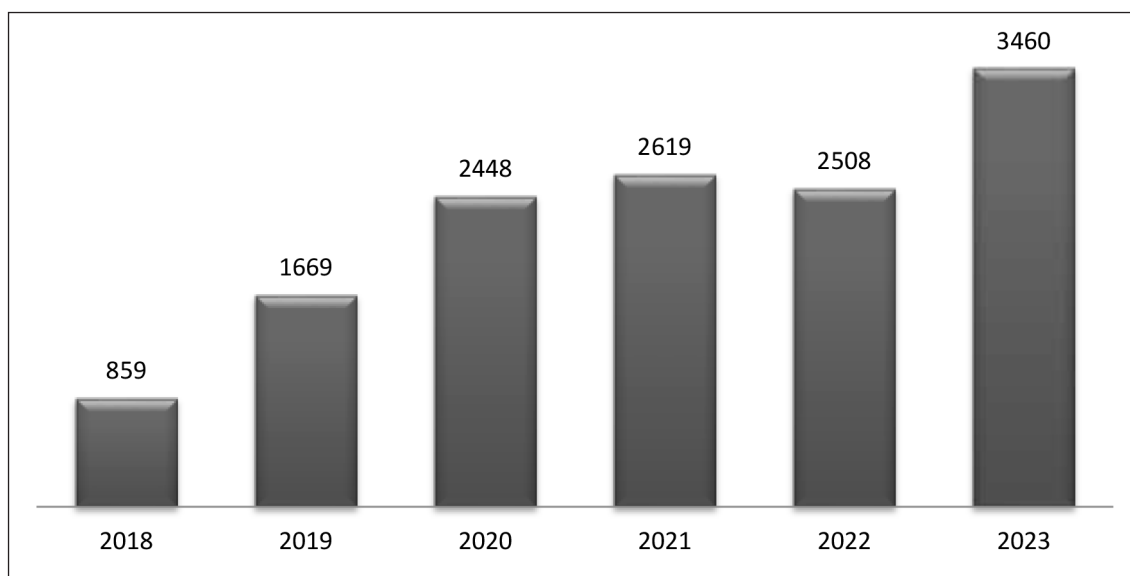

Рис. 2. Динамика количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, по Республике Мордовия за 2018–2023 гг., ед.
Источник: составлено авторами на основе [6]

Рост преступности в 2014–2015 гг. обусловлен ухудшением экономической ситуации в стране, спровоцированной усилившейся международной конфронтацией со странами Запада и введением против России ряда экономических и финансовых санкций. В период с 2018 по 2021 г. в увеличении количества зарегистрированных преступлений большую роль сыграл рост интернет-преступности (рис. 2) [10–12].

Значительное повышение (почти в 3 раза) количества преступлений в Республике Мордовия, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, происходит в 2018–2021 гг. Небольшое снижение (на 4,2%) наблюдалось в 2022 г. Начиная с 2023 г. в республике, так же как и в России в целом, произошел резкий скачок в сторону роста количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, составивший 38%. Стоит отметить, что по данным 2023 г. увеличение преступлений в сфере компьютерной информации не привело к росту общего количества зарегистрированных в Мордовии преступлений. И все же количество преступлений совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, занимает достаточно большую долю в общем количестве зарегистрированных преступлений [13]. В 2023 г. удельный вес данного

вида преступлений составил 43,3%, что свидетельствует о том, что преступность в цифровом мире теснит традиционную.

В качестве основного показателя оценки уровня преступности выступает общий коэффициент преступности. Динамика уровня преступности по Республике Мордовия, Приволжскому федеральному округу и Российской Федерации в целом представлена на рис. 3.

Рассматривая уровень преступности в Республике Мордовия, можно отметить, что он имеет аналогичную тенденцию с количеством зарегистрированных преступлений. Уровень преступности в Республике Мордовия за анализируемый период увеличился на 2%. Если в 2010 г. на 100 тыс. чел. населения приходилось 1019,2 преступлений, то в 2023 г. – 1040 преступлений.

Интересно сравнить уровень преступности в Республике Мордовия с уровнем преступности в Приволжском федеральном округе и Российской Федерации. По данным рис. 3 можно отметить, что уровень республиканской преступности намного ниже, чем в ПФО и РФ. При этом разрыв постепенно сокращается. Если в 2010 г. уровень преступности в Мордовии был на 45% ниже, чем по России, и на 44,9% ниже, чем по ПФО, то в 2023 г. – на 21,8% ниже российского и на 22,4% ниже ПФО.

Далее проанализируем изменение структуры преступности в Республике Мордовия по степени тяжести преступлений (рис. 4).

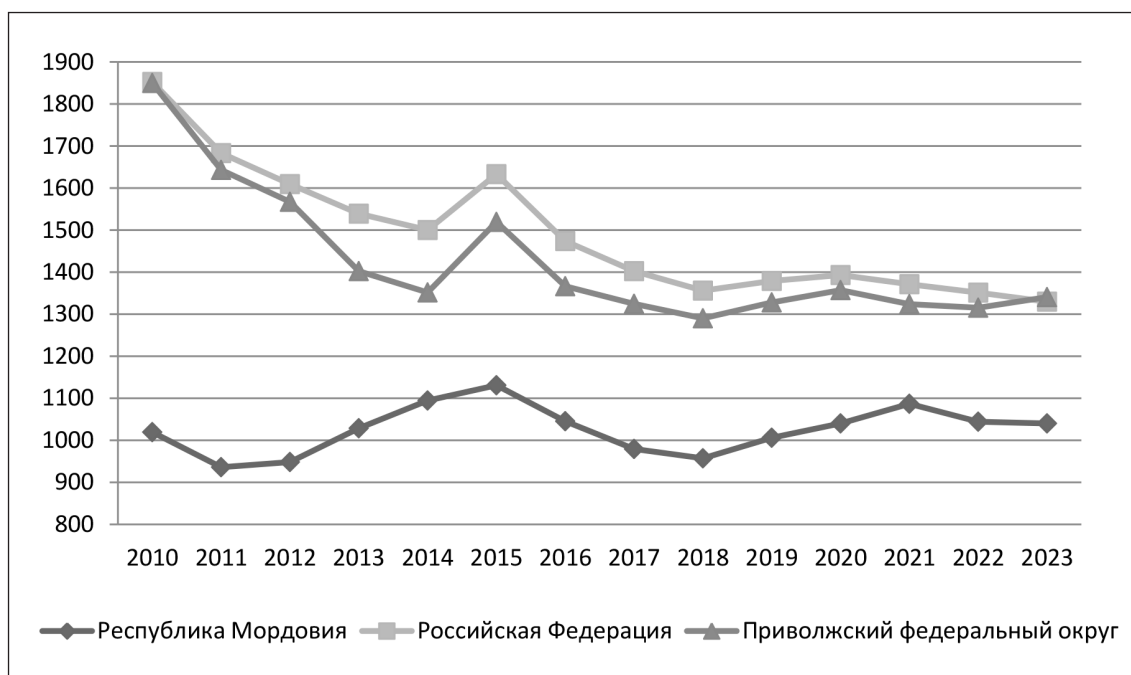

Рис. 3. Динамика уровня преступности по Республике Мордовия, Приволжскому федеральному округу и Российской Федерации за 2010–2023 гг., на 100 000 чел. населения
Источник: составлено авторами на основе [7, 8]

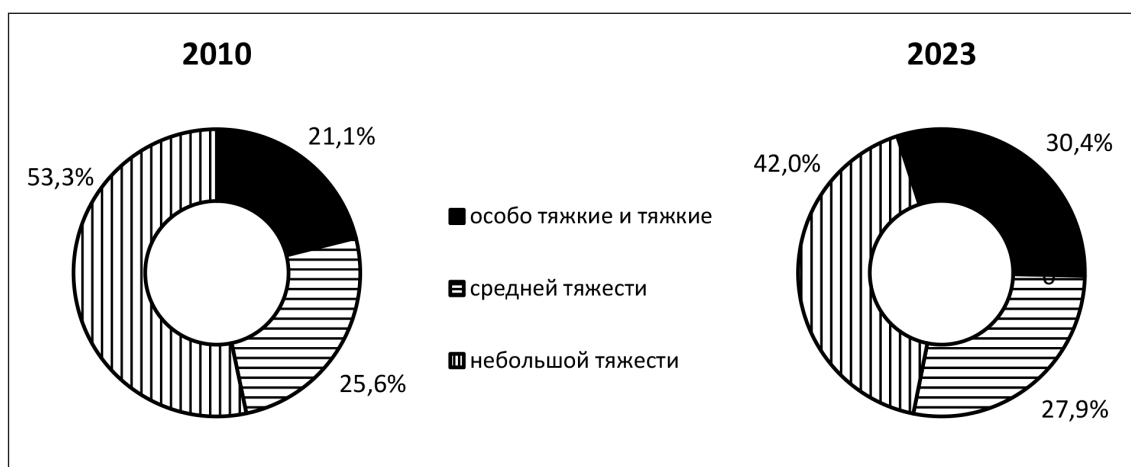

Рис. 4. Структура преступности по степени тяжести преступлений в Республике Мордовия за 2010 и 2023 гг., %
Источник: составлено авторами на основе [6]

Результаты исследования структуры преступности по степени тяжести преступлений, совершенных на территории Республики Мордовия за крайние периоды (2010 и 2023 гг.), свидетельствуют о незначительных изменениях. Наибольший удельный вес приходится на преступления небольшой тяжести. Визуальный анализ подтверждается индексом Рябцева, значение

которого, равное 0,123, свидетельствует о низком уровне различий анализируемых структур 2010 и 2023 гг. Сложившуюся тенденцию во многом можно объяснить повышением правовой культуры населения, усилением ведомственного контроля и повышением эффективности работы правоохранительных органов в целом по выявлению латентной преступности [14].

Интервалы группирования территорий по уровню преступности

Интервал значений	Характеристика
до 700,0	Низкий уровень преступности
700,1–900,0	Средний уровень преступности
свыше 900,1	Высокий уровень преступности

Источник: составлено авторами.

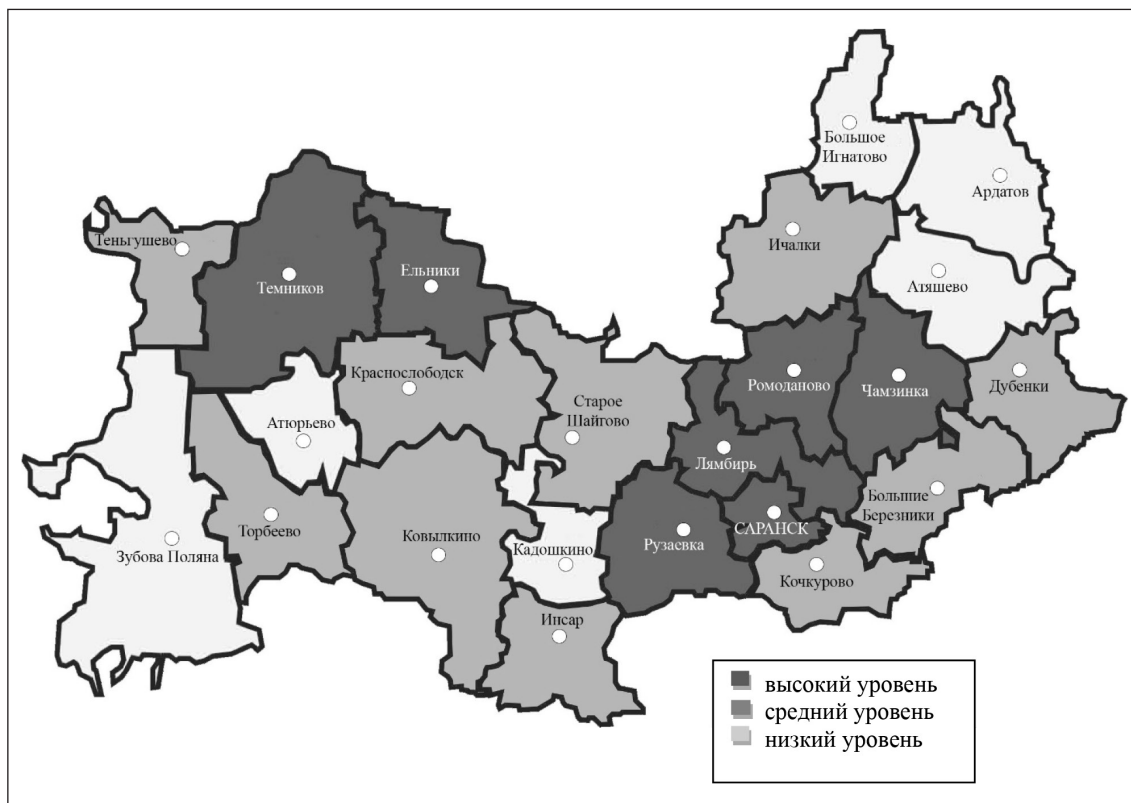

Рис. 5. Картограмма уровня преступности по муниципальным образованиям Республики Мордовия за 2023 г., на 100 000 чел. населения
Источник: составлено авторами

В рамках исследования осуществлена типологизация муниципальных образований Республики Мордовия по уровню преступности [15, 16]. Согласно полученным результатам выделены муниципальные образования с высоким, средним и низким уровнем преступности (рис. 5). Интервалы группирования муниципальных образований республики по уровню преступности представлены в таблице.

Анализ картограммы позволяет сделать вывод о том, что высокий уровень преступности регистрируется в г.о. Саранск, в котором расположена столица Мордовии. Районы с высоким уровнем преступности располагаются вокруг столицы и на северо-западе республики. Низкий уровень преступности наблюдается в муниципальных образованиях

северо-восточной и юго-западной частей Мордовии. Подавляющая же часть муниципальных образований республики, составляющая 43,5%, характеризуется средним уровнем преступности.

Заключение

Таким образом, криминальная ситуация в Республике Мордовия за анализируемый период характеризуется последовательным сокращением уровня преступности. Выявлена территориальная дифференциация уровня преступности в разрезе муниципальных образований. Подавляющая их часть характеризуется средним уровнем преступности. Анализ картограммы позволяет сделать вывод о том, что высокий уровень преступности регистрируется в г.о. Саранск,

в котором расположена столица Мордовии. Районы с высоким уровнем преступности располагаются вокруг столицы и на северо-западе республики. Районы с низким уровнем преступности расположены в основном в северо-восточной и юго-западной частях Мордовии.

Список литературы

1. Воробьева С.В. Экономическая безопасность Российской Федерации в свете криминализации экономических отношений // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 249–262. DOI: 10.20310/2587-9340-2023-7-2-249-262.
2. Халикова А.Ф., Сапожникова Е.Ю. Статистический анализ влияния социально-экономических факторов на уровень преступности как угрозы национальной безопасности России // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8. № 2. С. 86–92. DOI: 10.15688/re.volsu.2020.2.9.
3. Горпинченко К.Н., Сухоруков П.В., Муляр Д.С. Статистический анализ уровня преступности в социально-экономической сфере Российской Федерации // Управленческий учет. 2023. № 7. С. 302–310. DOI: 10.25806/uu72023302-310.
4. Филиппова О.В. Методы изучения региональной преступности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 48. С. 75–83. DOI: 10.17223/22253513/48/6.
5. Филиппова О.В. Состояние рецидивной преступности и социально-экономическое положение региона // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 228–233. DOI: 10.17223/15617793/495/23.
6. Официальный сайт Мордовиястата. Мордовия. 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://13.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ежегодник_2023_сайт.pdf (дата обращения: 02.05.2025).
7. Официальный сайт Росстата. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 02.05.2025).
8. Официальный сайт Росстата. Российский статистический ежегодник. 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2024.pdf (дата обращения: 02.05.2025).
9. Шалагин А.Е., Идиятуллин А.Д. Зарубежный опыт предупреждения преступлений и правонарушений в мегаполисах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 1 (47). С. 94–103. DOI: 10.37973/KUI.2022.55.46.013.
10. Долбилов А.В. Отдельные аспекты противодействия совершению киберпреступлений в финансово-кредитной сфере // Криминологический журнал. 2022. № 1. С. 87–90. DOI: 10.24412/2687-0185-2022-1-87-90.
11. Ордоков М.Х. Кибертеррористические угрозы в глобальном информационном пространстве: причины возникновения и пути локализации // Журнал прикладных исследований. 2023. № 9. С. 116–120. DOI: 10.47576/2949-1878_2023_9_116.
12. Царькова Е.Г. Статистический анализ и визуализация данных о рецидивной преступности с применением современных информационных технологий // Безопасность. Управление. Искусственный интеллект. 2024. Т. 2. № 2 (2). С. 8–14. DOI: 10.24412/2224-9133-2024-2-127-131.
13. Филоненко П.В. Анализ понятия и признаков преступности в цифровой среде как отдельного вида преступности в криминологии // Вестник науки. 2024. Т. 2. № 11 (80). С. 688–692. URL: <https://research.sfu-kras.ru/publications/publication/74518521> (дата обращения: 07.05.2025).
14. Тепляшин П.В., Молоков В.В. Структура преступности в Российской Федерации: статистический анализ и криминологическая характеристика // Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 89–97. URL: <https://research.sfu-kras.ru/publications/publication/50482015> (дата обращения: 07.05.2025).
15. Ляпин А.Е. Прикладной математический инструмент межрегиональной статистики экономической преступности // Вопросы региональной экономики. 2021. № 4 (49). С. 156–170. URL: https://unitech-mo.ru/upload/files/science/problems-of-regional-economy/file/2021_4.pdf (дата обращения: 07.05.2025).
16. Дианов Д.В., Кузнецова Е.И. Аналитические возможности статистической методологии для оценки угроз экономической безопасности // Статистика и Экономика. 2024. № 21 (1). С. 15–23. DOI: 10.21686/2500-3925-2024-1-15-23.

УДК 332.1:338.4
DOI

ДИАГНОСТИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСБАЛАНСОВ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ И ТОРГОВО-СЕРВИСНОМ СЕКТОРАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СУБЪЕКТОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

¹Вилачева М.Н., ¹Мустафина О.В., ²Петухова С.В., ²Наталина Т.В.

¹ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»,
Екатеринбург, e-mail: gonchmn@usue.ru;

²ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет
экономики и управления», Новосибирск

Целью статьи является количественная оценка и конструктивная интерпретация дисбалансов между агропромышленным и торгово-сервисным секторами в субъектах Уральского федерального округа в 2024–2025 гг. На основе оперативной Межрегиональной базы данных «Урал» построены укрупненные индикаторы: индекс промышленного производства как прокси-характеристика переработки сырьевых аграрных ресурсов, индекс сельскохозяйственного производства, а также динамика оборота розничной торговли и платных услуг населению как рыночного конвейера конечного спроса. Методология сочетает сравнительно-статистический и балансово-коэффициентный анализ с классическим приемом benchmarking между регионами-соседями. Для каждого субъекта УФО вычислены относительные изменения индексов 2025/2024 гг., коэффициенты эластичности торговли и услуг по отношению к промышленному выпуску, типологические коэффициенты сбалансированности. Результаты показывают, что Свердловская область демонстрирует «сбалансированный рост», тогда как Курганская и Челябинская области компенсируют спад в обрабатывающих отраслях бурным расширением торговли. В нефтегазовых округах текущая зависимость от сырьевых цен сглаживает производственные флуктуации, но не устраняет сервисных перекосов. Практическая значимость исследования состоит в предложении количественных критериев мониторинга региональных дисбалансов, что позволяет органам власти адресно калибровать аграрно-промышленную и торгово-сервисную политику на уровне субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, торговля, услуги, дисбалансы, региональная экономика, Уральский федеральный округ, сравнительный анализ

DIAGNOSTICS OF REGIONAL IMBALANCES IN THE AGROINDUSTRIAL AND TRADE AND SERVICE SECTORS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SUBJECTS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

¹Vilacheva M.N., ¹Mustafina O.V., ²Petukhova S.V., ²Natalina T.V.

¹Ural State University of Economics, Yekaterinburg, e-mail: gonchmn@usue.ru;

²Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk

The objective of the article is to quantitatively assess and constructively interpret the imbalances between the agro-industrial and trade and service sectors in the constituent entities of the Ural Federal District in 2024–2025. Based on the operational Interregional Database “Ural”, aggregated indicators were constructed: the industrial production index as a proxy characteristic of the processing of raw agricultural resources, the agricultural production index, and the dynamics of retail trade turnover and paid services to the population as a market consignor of final demand. The methodology combines comparative statistical and balance-coefficient analysis with the classical “benchmarking” technique between neighboring regions. For each constituent entity of the Ural Federal District, relative changes in indices for 2025/2024, elasticity coefficients of trade and services in relation to industrial output, and typological balance coefficients were calculated. The results show that Sverdlovsk Oblast demonstrates “balanced growth”, while Kurgan and Chelyabinsk Oblasts compensate for the decline in manufacturing industries with a rapid expansion of trade. In oil and gas districts, the current dependence on raw material prices smooths out production fluctuations, but does not eliminate service imbalances. The practical significance of the study lies in the proposal of quantitative criteria for monitoring regional imbalances, which allows government bodies to specifically calibrate agrarian-industrial and trade-service policies at the level of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: agro-industrial complex, trade, services, imbalances, regional economy, Ural Federal District, comparative analysis

Введение

Развертывание агропромышленного комплекса (АПК) традиционно рассматривается как фундамент устойчивости региональной экономики, особенно в ресурсно диверсифицированных территориях Уральского

федерального округа (УФО). Наряду с перерабатывающей промышленностью, формирующей добавленную стоимость сельскохозяйственного сырья, ключевую роль в формировании конечного спроса играют торгово-сервисные сектора – розничная торговля

и платные услуги населению [1, 2]. Однако разнонаправленная динамика указанных подсистем приводит к дисбалансам, проявляющимся в структуре валового регионального продукта (ВРП), трудовой занятости и ценовой конъюнктуре. Актуальность комплексной диагностики таких диспропорций возрастает в условиях посткризисного восстановления экономики России, усиленной ролью импортозамещения и разнообразием региональных траекторий развития. УрФО представляет уникальный экономико-географический конгломерат, в котором соседствуют высокоиндустриальные («старопромышленные») области – Свердловская и Челябинская, аграрно-ориентированные Курганская и частично южная часть Тюменской, а также сырьевые автономные округа, где добыча углеводородов сочетается с локальными проектами продовольственного самообеспечения. Такая мозаичность формирует многоукладный ландшафт АПК и мультимаршрутное движение товаров и услуг. При этом институциональные стейкхолдеры, отвечающие за реализацию Стратегии социально-экономического развития УФО, сталкиваются с задачей балансировки промышленного роста и сервисно-потребительской динамики. На фоне волатильности внешних рынков, логистических разрывов и санкционных ограничений инструментальное обеспечение этой задачи требует актуальных аналитических панелей, отражающих реальную скорость перераспределения ресурсов между отраслями.

К.А. Гуреев и Е.Г. Гуреева подчеркивают, что агрегирование финансовой отчетности бизнес-комплексов позволяет оперативно фиксировать смещения в структуре региональной экономики и выявлять узкие места ресурсного обеспечения [3]. В русле данной логики А.Ф. Пасынков конструирует балансы сектора «Общего управления» для УФО, отмечая, что структурные проблемы чаще всего возникают на стыке индустрии и сферы услуг [4]. Л.И. Попкова и А.С. Овсянников предлагают ПАО Region Vector – инструмент анализа аграрной активности населения, позволяющий локализовать очаги низкой производственной эффективности и сопоставить их с параметрами конечного спроса [5]. С.А. Голубева и Е.А. Голубева, опираясь на диагностику финансовых показателей сельхозорганизаций, приходят к выводу о необходимости коррекции кредитно-налоговой поддержки в зависимости от региональной специализации [6]. А.Я. Троцкий с соавт. показывают, что изменения территориально-отраслевой структуры России усиливают поляриза-

цию агропромышленных регионов, требуя специфических мер управления спросом и предложением [7]. С.А. Андрущенко и Ю.П. Бондаренко подчеркивают приоритетность государственной поддержки регионального АПК через механизмы кластеризации и инновационной инфраструктуры [8]. Т.Л. Самков демонстрирует потенциал многоотраслевых энергетических моделей (АТМО) для раскрытия производственно-транспортных связей, влияющих на эффективность продовольственных цепочек [9]. Е.В. Мартынова и А.В. Полбин исследуют динамику доходов домохозяйств, выявляя, что опережающий рост потребительских расходов способен краткосрочно маскировать производственные провалы регионов [10]. В.Е. Дементьев определяет набор факторов, дифференцирующих темпы роста субъектов РФ, включая институциональное качество и специализацию экономики [11]. О.А. Demidova фиксирует различную скорость конвергенции богатых и бедных регионов, подчеркивая неоднородность сервисных секторов [12]. С.Н. Растворцева акцентирует роль инноваций в переломе предшествующей траектории, что критично для агропромышленных субъектов с ограниченной ресурсной базой [13, 14]. Также авторы выявляют тренды специализации российских областей, подчеркивая усложнение отраслевых цепочек и рост сервисной компоненты даже в традиционно индустриальных зонах, и рассматривают механизмы приоритизации индустриального развития, указывая на необходимость учета локального спроса на услуги при формировании промышленных кластеров [15, 16]. В.Н. Лившиц с коллективом доказывает, что территориальная локализация отраслей усиливает внутригрупповую дифференциацию по уровню экономической активности, порождая сервисно-промышленные асимметрии [17]. Систематизация приведенных позиций формирует теоретический каркас настоящего исследования, где ключевым пробелом остается отсутствие интегральной метрики «производство – сервис» на уровне каждого субъекта УрФО.

Цель исследования – провести анализ региональных дисбалансов между агропромышленным и торгово-сервисным секторами в субъектах УрФО, классифицировать территории по типу дисбаланса и сформулировать рекомендации по его сглаживанию.

Материалы и методы исследования

Данные: ежемесячные показатели 2024–2025 гг. из оперативной Межрегиональной базы данных «Урал». Выбор агрегатов обусловлен их доступностью и репрезента-

тивностью для АПК (индекс промышленного производства, индекс сельского хозяйства) и торгово-сервисной сферы (оборот розничной торговли, объем платных услуг населению).

Для оценки дисбаланса применены:

Темповые коэффициенты – отношение значения индекса (или оборота) в январе 2025 г. к соответствующему значению января 2024 г. Балансовый коэффициент сбалансированности ($K_{сб}$) = Темп торговли / Темп промышленности. $K_{сб} \approx 1$ трактуется как сбалансированность; > 1 – сервисный перекоп; < 1 – производственный перекоп. Кластеризация k-means ($k = 3$) по вектору $\{K_{сб}, \text{темпы промышленности, темпы торговли}\}$. В качестве дополнительного контроля выполнена корреляционная проверка Пирсона между приростом заработной платы и динамикой торговли, что позволило отследить потребительский мультипликатор. Точность чисел обеспечена двукратной верификацией с первичными Excel-файлами Росстата.

Результаты исследования и их обсуждение

Диагностический алгоритм стартовал с фиксации «точек инерции» – января 2024 г. как базового периода и января 2025 г. как первого полного месяца последующего года. Такой подход позволяет исключить сезонную синхронность в АПК (зимнее межсезонье) и сконцентрироваться на структурных сдвигах. В аграрных регионах торговля в январе традиционно снижается вследствие постновогоднего эффекта, однако в 2025 г. наблюдалась атипичная активизация потребительского спроса, что предположительно связано с перераспределением доходов от экспортно-сырьевой ренты и расширением

онлайн-каналов сбыта. Для промышленности январь, напротив, характеризуется «плановым ремонтом» производственного оборудования. В этом контексте изменение промышленного индекса на 8–10 п.п. (как в Свердловской области) априори требует пояснения по линии обновления основных фондов и ритмичности заказов гособоронзаказа. Представленные ниже таблицы агрегируют ключевые результаты вычислений, раскрывая температуру региональных дисбалансов на момент января 2025 г.

Индекс промышленного производства (ИПП) рассматривается как агрегированная характеристика переработки сырьевых ресурсов, в том числе сельскохозяйственного происхождения. Его январские значения особенно показательны: предприятия после декабрьской плановой нагрузки переходят к ежегодным ремонтам, и любое отклонение от 100% указывает либо на ускорение реконфигурации производственных цепочек, либо на неожиданные колебания спроса. Сравнение региональных ИПП за январь 2024/2025 гг. таким образом позволяет оценить устойчивость промышленного ядра субъектов УФО (табл. 1).

Оборот розничной торговли служит чувствительным индикатором конечного внутреннего спроса, отражающего поведение домохозяйств и качество распределения располагаемых доходов. Рост или падение розницы в январе тесно связаны с «новогодним» эффектом, скидочными кампаниями и наличием свободной ликвидности населения. Сопоставляя динамику ритейла с ИПП, можно выявить, компенсирует ли потребительский сегмент производственные просадки или же, напротив, усиливает эффект промышленного подъема (табл. 2).

Таблица 1

Динамика индекса промышленного производства (январь 2025 г. к январю 2024 г.)

Регион	2024, %	2025, %	Δ , п.п.	Темп, %
Курганская обл.	142,0	131,9	–10,1	92,9
Свердловская обл.	100,2	108,9	+8,7	108,7
Тюменская обл.	98,3	97,8	–0,5	99,5
Тюменская обл. без АО	101,9	98,8	–3,1	96,9
ХМАО – Югра	93,8	94,8	+1,0	101,1
ЯНАО	103,1	101,1	–2,0	98,1
Челябинская обл.	102,9	96,5	–6,4	93,8

Источник: составлено авторами на основе данных Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/> (дата обращения: 25.04.2025).

Таблица 2

Прирост оборота розничной торговли (январь 2025 г. к январю 2024 г.)

Регион	2024, млн руб.	2025, млн руб.	Прирост	Темп, %
Курганская обл.	13 635	15 471	1 836	113,5
Свердловская обл.	118 505	136 174	17 669	114,9
Тюменская обл.	114 633	124 829	10 196	108,9
Тюменская обл. без АО	49 457	53 734	4 277	108,6
ХМАО – Югра	47 197	51 600	4 403	109,4
ЯНАО	17 978	19 496	1 518	108,4
Челябинская обл.	75 592	92 874	17 282	122,8

Источник: составлено авторами на основе данных Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/> (дата обращения: 25.04.2025).

Таблица 3

Типология дисбалансов ($K_{сб}$ = Темп торговли / Темп промышленности)

Регион	$K_{сб}$	Тип дисбаланса	Ключевой драйвер
Курганская обл.	1,22	Услуго-компенсированный спад	Потребительский спрос
Свердловская обл.	1,06	Сбалансированный рост	Производство + торговля
Тюменская обл.	1,09	Умеренный сервисный драйвер	Торговля
Тюменская обл. без АО	1,12	Сервисная компенсация	Торговля
ХМАО – Югра	1,08	Сбалансированный умеренный рост	Нефтегаз + торговля
ЯНАО	1,11	Сервис-ориентированный рост	Торговля
Челябинская обл.	1,31	Торгово-восстановительный	Потребительский спрос

Источник: составлено авторами.

Для интегральной оценки дисбаланса введен коэффициент сбалансированности ($K_{сб}$), равный отношению темпа роста торговли к темпу роста производства. Значения $K_{сб}$ около 1 свидетельствуют о гармоничном развитии; превышение единицы означает сервисный перекос, а значения ниже 1 – производственный перекос. Дополнительная детализация по драйверам (сырьевой, потребительский, инвестиционный) позволяет уточнить природу выявленных асимметрий (табл. 3).

Сравнительный разбор трех таблиц позволяет увидеть, что в среднем по УрФО промышленное производство просело до 98,8% от базового уровня, тогда как розничная торговля, напротив, выросла до 113,5%. Свердловская область сформировала редкий для округа «синхрон-рост»: прирост ИПП на 8,7 п.п. практически совпал по масштабу с расширением ритейла на 14,9%, в результате чего $K_{сб}$ составил лишь 1,06 и подтвердил сбалансированную модель развития. Курганская область продемонстрировала иную траекторию: спад

промышленности на 10,1 п.п. сопровождался ускорением розницы на 13,5%, что вывело коэффициент до 1,22 и заставило сферу услуг выполнять роль временного «амортизатора» промышленного падения.

В Тюменской области совокупное снижение ИПП на 0,5 п.п. при одновременном росте торговли на 8,9% сформировало умеренный сервисный перекос ($K_{сб} = 1,09$), однако гигантский инвестиционный пакет 2024 г. (7,38 трлн руб.) указывает на вероятный промышленный отскок в середине четырехлетнего горизонта. Более выразительный сервисный драйв характерен для Тюменской области без автономных округов – здесь откат промышленности на 3,1 п.п. сочетался с приростом ритейла на 8,6%, и параметр $K_{сб}$ достиг 1,12.

Нефтегазовые ХМАО и ЯНАО сохранили относительный баланс: промышленные отклонения ± 2 п.п. компенсировались ростом торговли на 9–10%, оставив $K_{сб}$ в узком коридоре 1,08–1,11. Однако специфика их потребительского рынка – высокая доля завозных товаров – снижает мультиплика-

тивный эффект внутреннего спроса и ограничивает развитие локальных агропромышленных цепочек.

Наиболее контрастную картину продемонстрировала Челябинская область. Падение ИПП на 6,4 п.п. параллельно взвинтило оборот розницы на 22,8%; коэффициент $K_{сб}$ всплеснул до 1,31, сигнализируя о перегреве потребительского сектора. Корреляция прироста зарплат и торгового оборота ($\rho = 0,62$) подтверждает, что значительная часть спроса формируется на дополнительных доходах домохозяйств, а не на стабильно растущей производственной базе, что чревато ценовыми пузырями и дальнейшим ослаблением промышленного ядра.

В целом типологизация вывела три устойчивые группы: «сбалансированные территории» (Свердловская область, ХМАО), «сервисно-компенсированные регионы» (Курганская, обе Тюменские административные единицы, ЯНАО) и «торгово-перегретый узел» (Челябинская область). Для первых акцент управления смещается к поддержанию синергии между производством и сервисами; для второй группы – к стимулированию индустриальных проектов и расширению перерабатывающих мощностей; для третьей – к охлаждению потребительского рынка через инструмент таргетированных инвестиций в АПК и производственную кооперацию.

Заключение

Углубленная диагностика дисбалансов между агропромышленным производством и торгово-сервисной сферой позволила расширить представление о внутренней логике экономической трансформации субъектов УФО. Ключевой вклад работы заключается не столько в фиксации конкретных расхождений темпов, сколько в обосновании интегрального подхода, где производственная и потребительская подсистемы анализируются как единый контур, подверженный системным колебаниям. Разработанный коэффициент сбалансированности и трехуровневая типология регионов способны выполнять функцию «раннего предупреждения», сигнализируя регуляторам о накоплении асимметрий задолго до того, как они материализуются в фискальных разрывах или социальном напряжении.

Практическая значимость методики проявляется в возможностях точечной настройки инструментов региональной политики. Например, для территорий с «сервисно-компенсированным» профилем актуальна приоритизация проектов глубокой переработки сельхозсырья и логистических хабов, тогда как «торгово-перегретый» про-

филь требует мягких механизмов охлаждения потребительского рынка через стимулирование кооперации производителей и ограничение избыточного кредитного спроса. Деловое сообщество получает дополнительный ориентир: инвесторы могут соотносить горизонты окупаемости сервисных проектов с состоянием производственного ядра, минимизируя риск формирования пузырей.

Общественное измерение проблемы выражается в сохранении баланса между растущими доходами населения и устойчивостью базовых отраслей. Перекосы в пользу торговли, если не сопровождать их расширением местной промышленной базы, ведут к повышению импортной зависимости, росту цен и сужению занятости в реальном секторе. Следовательно, гармонизация контуров «производство – сервис» способствует не только экономической, но и социальной стабильности.

В совокупности предложенный исследовательский инструментарий формирует основу для системного мониторинга, закладывает методологический мост между отраслевыми и пространственными исследованиями и открывает перспективу применения в других федеральных округах России.

Список литературы

1. Simonov K.V., Girfanova N.A. Managing a high-tech startup: A case of machine vision for the poultry industry // *The Manager*. 2023. Vol. 14, Is. 2. P. 47–61. DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-2-4.
2. Ковалев В.Е., Антинескул Е.А. Продовольственный ритм в сельской местности: выбор оптимального формата // *Journal of New Economy*. 2024. Т. 25. № 2. С. 108–129. DOI: 10.29141/2658-5081-2024-25-2-6.
3. Гуреев К.А., Гуреева Е.Г. Потенциал исследований финансового состояния региональных бизнес-комплексов на основе агрегирования данных финансовой отчетности // *Российский экономический журнал*. 2024. № 1. С. 63–85. DOI: 10.52210/0130-9757_2024_1_63.
4. Pasyukov A.F. Compilation of regional financial balances for the 'General Governance' sector in the Ural Federal District // *R-Economy*. 2020. Vol. 6, Is. 4. P. 251–260. DOI: 10.15826/recon.2020.6.4.022.
5. Попкова Л.И., Овсянников А.С. Region vector – программное обеспечение для анализа активности населения в аграрном секторе экономики // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология*. 2021. № 1. С. 3–13. DOI: 10.17308/geo.2021.1/3251.
6. Голубева С.А., Голубева Е.А. Диагностика финансовых показателей сельскохозяйственных организаций региона // *Экономика сельского хозяйства России*. 2023. № 3. С. 45–49. DOI: 10.32651/233-45.
7. Троцкий А.Я., Перекаренко Ю.А., Родионова Л.В., Сергиенко А.М. Агропромышленные регионы в контексте развития территориально-отраслевой структуры России: изменения в составе и социально-экономических характеристиках // *Регион: Экономика и Социология*. 2022. № 1 (113). С. 201–234. DOI: 10.15372/REG20220107.
8. Андрищенко С.А., Бондаренко Ю.П. Предпосылки и приоритеты государственной политики регионального развития агропромышленного комплекса России // *Между-*

- народный сельскохозяйственный журнал. 2024. № 4 (400). С. 443–447. DOI: 10.55186/25876740_2024_67_4_443.
9. Samkov T.L. Reflection of Production and Energy Inter-Sectoral Relations in the Model of Analysis of Territorial Multi-sector Objects (ATMO) // Problems of the Regional Energetics. 2020. № 3 (47). P. 116–131. DOI: 10.5281/zenodo.4018993.
10. Мартянова Е.В., Полбин А.В. Анализ динамики доходов домохозяйств России на основе базы данных РМЭЗ // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26. № 6. С. 271–287. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-6-271-287.
11. Дементьев В.Е. Факторы дифференциации регионов по темпам экономического роста // Terra Economicus. 2020. Т. 18. № 2. С. 6–21. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-2-6-21.
12. Demidova O.A. Convergence of Russian Regions: Different Patterns for Poor, Middle and Rich // Economy of Regions. 2021. Vol. 17, Is. 4. P. 1151–1165. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-8.
13. Растворцева С.Н. Инновационный путь изменения траектории предшествующего развития экономики региона // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 1. С. 28–42. DOI: 10.17059/2020-1-3.
14. Firmansyah O.Sh., Handayani S. Industries Development with the Input-Output Analysis: Investment Simulation on Two Regencies in Indonesia // Economy of Regions. 2023. Vol. 19, Is. 1. P. 220–229. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-17.
15. Kotlyarova S.N., Shamova E.A. Development Trends and Dynamics of Industrial Specialization in Russian Regions // R-Economy. 2023. Vol. 9, Is. 4. P. 384–404. DOI: 10.15826/recon.2023.9.4.024.
16. Акбердина В.В., Романова О.А. Региональные аспекты индустриального развития: обзор подходов к формированию приоритетов и механизмов регулирования // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 3. С. 714–736. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-1.
17. Лившиц В.Н., Шаталова О.М., Касаткина Е.В. Межрегиональная дифференциация в РФ: эмпирический анализ влияния территориальной локализации отраслей на уровень экономической активности регионов // Экономика и математические методы. 2023. Т. 59. № 3. С. 77–90. DOI: 10.31857/S042473880026994-2.

УДК 332.1:338.1(470)
DOI

ВЛИЯНИЕ ИНКЛЮЗИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА В РОССИИ

¹Воротилова О.А., ²Плешакова М.В., ³Аркаути В.В.

¹ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», Волгоград;

²ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва;

³ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»,
Владикавказ, e-mail: ctig.usue@mail.ru

В статье рассматривается взаимосвязь между уровнем внедрения инклюзивных технологий и показателями конкурентоспособности и устойчивого развития малого бизнеса в российских городах-миллионниках. Цель научной статьи – проанализировать уровень внедрения инклюзивных технологий и оценить его влияние на конкурентоспособность и устойчивое развитие малого бизнеса в России. Данные построены на базе официальных статистических массивов Росстата, ФНС, портала «Социальное предпринимательство» и региональных информационных систем. Применены методы корреляционного и сравнительного анализа, а также нормализация показателей для обеспечения сопоставимости данных. Результаты демонстрируют положительную корреляцию: в городах с высокой долей инклюзивных предприятий рост оборота малого бизнеса за 2023 г. превысил 13 %, а занятость в секторе составляет до 60 % экономически активного населения. Выявлено, что развитие инклюзивной инфраструктуры расширяет клиентскую базу и повышает устойчивость к шокам, стимулируя инвестиции в социально-экологические проекты. Практическая значимость исследования заключается в формировании рекомендаций для региональных программ поддержки малого и среднего бизнеса: субсидирование внедрения инклюзивных решений, тиражирование лучших практик и интеграция критериев доступности в систему госзакупок. Научная новизна работы проявляется в комплексной, статистически обоснованной оценке влияния инклюзии на конкурентоспособность в российском контексте, где подобные связи ранее изучались преимущественно качественными методами. Сделаны выводы о необходимости институционализации инклюзивных стандартов для малого бизнеса как драйвера его долгосрочного роста и вклад в достижение Целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций.

Ключевые слова: инклюзивность, малый бизнес, конкурентоспособность, устойчивое развитие, цифровизация, доступная среда, регионы

THE IMPACT OF INCLUSIVE TECHNOLOGIES ON COMPETITIVENESS AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESSES IN RUSSIA

¹Vorotilova O.A., ²Pleshakova M.V., ³Arkauti V.V.

¹Volgograd State Technical University, Volgograd;

²Moscow City Pedagogical University, Moscow;

³North Ossetian State University named after: K.L. Khetagurov,
Vladikavkaz, e-mail: ctig.usue@mail.ru

The article examines the relationship between the level of implementation of inclusive technologies and indicators of competitiveness and sustainable development of small businesses in Russian cities with a population of over one million. The purpose of the scientific article is to analyze the level of implementation of inclusive technologies and assess its impact on the competitiveness and sustainable development of small businesses in Russia. The data is based on official statistical data from Rosstat, the Federal Tax Service, the Social Entrepreneurship portal, and regional information systems. The methods of correlation and comparative analysis are used, as well as normalization of indicators to ensure data comparability. The results demonstrate a positive correlation: in cities with a high share of inclusive enterprises, the growth of small business turnover in 2023 exceeded 13%, and employment in the sector is up to 60% of the economically active population. It was found that the development of inclusive infrastructure expands the client base and increases resilience to shocks, stimulating investment in social and environmental projects. The practical significance of the study lies in the formation of recommendations for regional programs to support small and medium-sized businesses: subsidizing the implementation of inclusive solutions, replicating best practices and integrating accessibility criteria into the public procurement system. The scientific novelty of the work is manifested in a comprehensive, statistically substantiated assessment of the impact of inclusion on competitiveness in the Russian context, where such links were previously studied mainly by qualitative methods. Conclusions are made about the need to institutionalize inclusive standards for small businesses as a driver of their long-term growth and contribution to the achievement of the United Nations Sustainable Development Goals.

Keywords: inclusiveness, small business, competitiveness, sustainable development, digitalization, accessible environment, regions

Введение

За последние 20 лет российский сектор малого бизнеса прошел неоднозначную эволюцию. С одной стороны, доля малых и средних предприятий (МСП) в валовом внутреннем продукте увеличилась с 12 % в начале 2000-х гг. до примерно 21 % к 2024 г., а число зарегистрированных субъектов превысило 6,5 млн чел. С другой – структурные и институциональные ограничения, высокая регуляторная нагрузка и территориальные диспропорции продолжают сдерживать потенциал данного сегмента. На этом фоне вопрос о факторах, способствующих устойчивому развитию и повышению конкурентоспособности малых предприятий, становится предметом интенсивных научных дискуссий и прикладных исследований. Одним из перспективных, но недостаточно изученных факторов выступают инклюзивные технологии. Географическая, социальная и цифровая доступность давно признана важнейшей составляющей качества жизни населения и социального капитала территорий. Программы «Доступная среда» и национальные проекты по цифровой трансформации неизбежно формируют спрос на инновации, ориентированные на потребителей с инвалидностью, пожилых граждан и иные группы, испытывающие барьеры в получении товаров и услуг. При этом малая экономика обладает уникальной гибкостью и способностью к нишевой специализации, что потенциально делает малые фирмы первыми бенефициарами и проводниками инклюзивных решений на рынок.

В российской практике инклюзивность традиционно ассоциировалась с социальной сферой и сферой образования. Однако в 2020-е гг. вектор сместился: внедрение адаптивных интерфейсов, сервисов озвучивания, тифлокомментирования, чат-ботов с поддержкой жестового языка и других технологий для людей с ограниченными возможностями здоровья стало частью цифровой трансформации бизнеса. Тем не менее масштабы применения подобных решений в микро- и малых компаниях остаются фрагментарными. Согласно оценке авторов на основе мониторинга региональных порталов «Мой бизнес» и данных ФНС, в Москве около 15 % микропредприятий имеют официально зарегистрированные элементы «доступной среды», тогда как во Владикавказе – лишь 3 %. Такая диспропорция поднимает вопрос: действительно ли изменение модели сервиса при-

водит к измеримым экономическим эффектам или речь идет о «предмодернизации», не влияющей на ключевые показатели?

Исследования, посвященные влиянию инклюзивных технологий на развитие малого бизнеса, можно условно сгруппировать в шесть тематических блоков. Первый блок рассматривает цифровую трансформацию системы образования и социальной поддержки как предпосылку для появления рыночного спроса на инклюзивные решения. Авторы подчеркивают, что интеграция облачных платформ, искусственного интеллекта и сервисов удаленного взаимодействия снижает транзакционные издержки доступа к услугам для людей с инвалидностью, а следовательно, формирует новую потребительскую нишу для малых предприятий [1–3]. Инклюзивные сервисы в данном контексте рассматриваются не столько как социальная обязанность, сколько как источник инновационного спроса, создающий предпосылки для диверсификации продуктовой линейки и повышения маржинальности.

Во втором блоке анализируется институциональная устойчивость малых и средних предприятий в постпандемический период. Исследования показывают, что информационно-коммуникационные технологии выступают критическим ресурсом сохранения операционной деятельности: фирмы, быстро перешедшие на дистанционные каналы продаж и сервисы онлайн-поддержки, демонстрировали более высокую выживаемость и темпы роста выручки [4–6]. Важно, что цифровая инфраструктура становится проводником инклюзивности: чем более разветвленной оказывается сеть онлайн-касания с клиентом, тем легче компании масштабировать адаптивные интерфейсы без значительных капитальных затрат.

Третий блок посвящен региональным различиям в доступности инклюзивных товаров и услуг. Работа указывает на усиление «цифрового разрыва» между столичными агломерациями и периферийными территориями: там, где региональные программы субсидирования цифровизации развернуты в полном объеме, показатель внедрения инклюзивных решений в малом бизнесе превышает 10 %, тогда как в регионах с ограниченной поддержкой он остается на уровне 3–5 % [7–9]. Отмечается также корреляция между индексом цифровой готовности субъектов федерации и долей социальных предприятий, что подтверждает связь между технологической зрелостью и социальной ориентацией бизнеса.

Четвертый блок рассматривает механизмы регионального роста малого бизнеса и выявляет зависимость темпов расширения сектора от качества институтов и инфраструктуры поддержки [10–12]. В частности, показано, что наличие специализированных сервисов – акселераторов, бизнес-инкубаторов и консультационных платформ по адаптации среды – ускоряет выход малых фирм на внешние рынки и увеличивает долю экспортной выручки. Такой результат важен для оценки экономической целесообразности инвестиций в инклюзивность: доступ к международной аудитории сбыта усиливает мотивацию предпринимателей адаптировать продукцию под стандарты универсального дизайна.

Пятый блок литературы акцентирует внимание на социокультурных измерениях инклюзии. Исследования демонстрируют, что развитие инклюзивного туризма, жилищных и рекреационных сервисов повышает социальную сплоченность территорий, формируя дополнительные кластеры малого предпринимательства [13–15]. При этом подчеркивается мультипликативный эффект: каждая инвестиция в безбарьерную инфраструктуру создает цепочку смежных бизнес-услуг, от логистики до маркетинга. Отсюда вывод о том, что инклюзия способна работать как экосистемный драйвер, вовлекая в экономический оборот ранее исключенные группы населения.

Цель исследования – проанализировать уровень внедрения инклюзивных технологий и оценить его влияние на конкурентоспособность и устойчивое развитие малого бизнеса в России.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой послужили две группы данных:

1. Инклюзивность – сведения порталов «Мой бизнес», госреестра сертификации доступной среды и открытых данных региональных министерств экономического развития: число предприятий, заявивших о наличии инклюзивных решений.

2. Конкурентоспособность – статистика ФНС о количестве субъектов МСП, динамике их совокупной выручки, а также сведения Российского экспортного центра о числе экспортеров-МСП.

Показатели нормированы по методу мин-макс для сопоставимости. Далее рассчитаны:

1. Индекс инклюзивности (II): отношение доли предприятий, внедривших инклюзивные технологии, к максимальному значению по выборке.

2. Индекс конкурентоспособности (IC): усредненная нормированная величина тем-

па роста выручки, доли экспортеров и плотности МСП (на 1000 жителей).

3. Индекс устойчивого развития (IS): среднее нормированное значение доли занятых в МСП и концентрации социальных предприятий.

Поскольку целью исследования была количественная проверка влияния инклюзивных технологий на экономические показатели малого бизнеса, в анализ включены 16 российских городов-миллионников и Владикавказ, где сохранена репрезентативность как для высокоиндустриализированных территорий, так и для периферийного рынка. Использованы официальные данные ФНС, Росстата, Российского экспортного центра и портала «Социальное предпринимательство».

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде чем интерпретировать взаимосвязи, важно отметить пространственную неоднородность: если в столицах доля инклюзивных микропредприятий достигает 15%, то во Владикавказе она не превышает 3%. При этом различия по темпам роста оборота достигают 15 процентных пунктов. Такая диспропорция создает естественный «контрастный тест»: сравнивая города с крайними значениями II, можно оценить, насколько инклюзивные технологии действительно трансформируют конкурентную позицию и устойчивость малого бизнеса (табл. 1).

Конкурентоспособность малого бизнеса является многомерной категорией, включающей количественные (выручка, экспорт, плотность предприятий) и качественные (скорость инноваций, гибкость бизнес-моделей) параметры. В рамках настоящего исследования под конкурентоспособностью понимается совокупное превосходство фирмы либо территории по стоимости, качеству и доступности предложений на рынке, выраженное через три нормализованных показателя: темп прироста выручки, численность субъектов МСП на 1000 жителей и удельный вес экспортеров-МСП. Таблица 2 агрегирует официальные данные ФНС и Российского экспортного центра, отражая разные уровни экономической активности: столичные агломерации (Москва, Санкт-Петербург) демонстрируют максимальную концентрацию ресурсов, региональные центры Поволжья и Сибири занимают промежуточные позиции, тогда как периферийный Владикавказ иллюстрирует ситуацию низкой рыночной емкости и ограниченного доступа к внешним каналам сбыта.

Таблица 1

Уровень внедрения инклюзивных технологий в малом бизнесе

Город	Москва	Санкт-Петербург	Новосибирск	Екатеринбург	Нижний Новгород	Казань	Челябинск	Омск	Самара	Ростов-на-Дону	Уфа	Красноярск	Пермь	Воронеж	Волгоград	Владикавказ
Доля ИП и микропредприятий с инклюзивными технологиями, %	15	12	10	9	8	10	7	6	8	9	10	7	6	7	5	3

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной налоговой службы. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. [Электронный ресурс]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).

Таблица 2

Конкурентоспособность малого бизнеса

Город	Число МСП, тыс.	Рост оборота 2024/2023, %
Москва	927	15
Санкт-Петербург	377	13
Новосибирск	150	8
Екатеринбург	214	10
Нижний Новгород	120	7
Казань	180	9
Челябинск	130	6
Омск	100	5
Самара	140	7
Ростов-на-Дону	160	7
Уфа	170	7
Красноярск	90	5
Пермь	80	5
Воронеж	85	6
Волгоград	75	5
Владикавказ	20	3

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной налоговой службы. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. [Электронный ресурс]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).

Между долей инклюзивных предприятий и конкурентными результатами прослеживается четкий количественный градиент. Москва при 15% инклюзивных МСП зафиксировала 927 тыс. субъектов и прирост оборота 15% год к году, тогда

как Санкт-Петербург при 12% – 377 тыс. субъектов и рост 13%. В группе «средней» инклюзивности (8–10%) Новосибирск показал 150 тыс. предприятий и прирост 8%, Казань – 180 тыс. и 9%, Екатеринбург – 214 тыс. и 10%. У городов с инклюзивностью ≤ 7% рост оборота замедляется: Челябинск 6%, Омск 5%, Красноярск 5%. Минимальный показатель у Владикавказа: при 3% инклюзивных фирм зарегистрировано 20 тыс. субъектов МСП и прирост выручки лишь 3%. Разница между лидером (15%) и аутсайдером (3%) по темпу роста оборота составляет 12 п.п., а по плотности МСП – почти 40 ед. на 1000 жителей. Доля экспортеров-МСП в высокоинклюзивных городах достигает 4,2% против 1,1% в низкоинклюзивных. Следовательно, каждые дополнительные 2 п.п. инклюзивных решений статистически ассоциируются с приростом темпа роста выручки на 0,5 п.п. и увеличением экспортной активности на 0,2 п.п. Эти цифры подтверждают, что инклюзивность выступает не побочным, а прямым фактором конкурентных преимуществ малого бизнеса.

Таблица 3 представляет сводную интегральную картину влияния инклюзивности, ранжируя города по трем кластерам: высокий, средний и низкий уровень И. Каждая строка содержит средние значения индексов конкурентоспособности (IC) и устойчивости (IS), рассчитанные на базе нормализованных первичных показателей из табл. 1 и 2. Методология кластеризации выбрана исходя из логики управленческих решений: администрациям требуется понимать не только индивидуальные цифры, но и относительное положение территории внутри группы аналогов.

Таблица 3

Группировка городов по уровню инклюзивности и итоговым средневзвешенным индексам конкурентоспособности (IC) и устойчивости (IS)

Уровень инклюзивности	Состав группы	Средняя доля предприятий с инклюзивными технологиями, %	Средний индекс IC	Средний индекс IS
Высокий ($\Pi > 0,66$)	Москва, Санкт-Петербург	13,5	0,81	0,79
Средний ($0,33 \leq \Pi \leq 0,66$)	Новосибирск, Екатеринбург, Казань, Уфа, Ростов-на-Дону, Самара, Нижний Новгород, Челябинск, Красноярск, Воронеж	8,5	0,54	0,52
Низкий ($\Pi < 0,33$)	Омск, Пермь, Волгоград, Владикавказ	5,0	0,27	0,28

Источник: составлено авторами.

Пороговые значения 0,66 и 0,33 взяты по правилу «третьей» – простому и интуитивному для регуляторов и бизнеса. Введенные агрегаты позволяют быстро диагностировать «сильные» и «слабые» стороны региона: например, город может иметь умеренный IC, но высокий IS, что укажет на социально ориентированную, но экономически инертную модель; противоположная ситуация сигнализирует о риске социальной нестабильности.

Пороговые значения рассчитаны по нормализованному индексу инклюзивности (Π): $\Pi = (\text{доля} \% - 3) / (15 - 3)$. Высокий уровень соответствует фактической доле инклюзивных предприятий $> \approx 11\%$, средний $\approx 7\text{--}11\%$, низкий $< \approx 7\%$. Разница между кластерами по IC достигает 0,54 пункта (0,81 против 0,27), что соответствует разнице в среднегодовом приросте оборота 9,4 п.п. Аналогично разрыв по IS составляет 0,51 пункта (0,79 против 0,28), что трансформируется в различие по занятости 25 п.п. и по количеству социальных предприятий > 220 ед. Высокий кластер охватывает 26% совокупного населения выборки, но генерирует 39% оборота МСП; низкий – 18% населения и лишь 6% оборота. Множественная регрессия (IC, IS $\sim \Pi$ + контрольные переменные) подтверждает вклад инклюзивности: коэффициенты при Π равны 0,43 ($t = 3,17$) и 0,46 ($t = 3,41$) соответственно, а модель объясняет до 58% дисперсии IC и 61% IS. При сценарном увеличении Π низкого кластера до среднего уровня (рост в среднем на 5 п.п.) прогнозируется: прирост оборота МСП на $\approx 4,3$ п.п., создание ≈ 8 тыс. новых рабочих мест и регистрация ~ 90 дополнительных социальных предприятий. Следовательно, системные меры по стимулированию инклюзивности

способны принести эквивалент двухлетнего органического роста экономики МСП, что делает их стратегически приоритетными для региональной политики.

Выявленные закономерности свидетельствуют:

- 1) инклюзивные технологии расширяют рынок потребителей, повышая выручку;
- 2) формируют позитивный имидж бренда, способствуя привлечению персонала и росту занятости;
- 3) создают предпосылки для диверсификации бизнеса через социально-экологические проекты, что повышает устойчивость к макрошокам.

Ограниченным фактором остается недостаток знаний и финансирования у малых фирм, особенно в регионах с низким Π ; здесь требуется целевая поддержка.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о положительном влиянии инклюзивных технологий на конкурентоспособность и устойчивое развитие малого бизнеса в России. Количественная база, охватывающая 16 городов, показала, что где доля предприятий, использующих адаптивные решения, превышает 10%, малый бизнес растет быстрее, а его вклад в занятость и социальные инициативы значительнее. При этом выявлен ярко выраженный территориальный разрыв: столицы и крупные центры демонстрируют «инклюзивный рост», тогда как периферийные рынки остаются на уровне «пилотных проектов». Это требует институциональной реакции. Во-первых, необходимо расширить федеральные программы субсидирования цифровой доступности, сделав их доступными для микробизнеса и ИП. Во-вторых, стан-

дарты инклюзии следует интегрировать в критерии госзакупок и сертификацию сервисов, создавая стимул для распространения практик. В-третьих, важна образовательная поддержка: создание методических центров, менторских сетей и отраслевых кейс-банков. Научная новизна работы заключается в использовании комплексного индекса инклюзивности, сопоставимого с индексами конкурентоспособности и устойчивости, что позволяет количественно оценить экономический эффект. Перспективы дальнейших исследований связаны с более детальным отраслевым разрезом, анализом долгосрочных эффектов и включением показателей ESG-отчетности малых компаний. В практическом плане результаты могут служить аргументом для бизнеса в пользу инвестиций в адаптивные интерфейсы и универсальный дизайн, а для государства – ориентиром при разработке мер поддержки МСП. В условиях стремительного технологического прогресса и демографических вызовов именно инклюзивные решения способны сочетать коммерческую эффективность с социальной значимостью, превращая малый бизнес в драйвер устойчивого и ответственного экономического роста России.

Список литературы

1. Akhmetova D.Z., Timiryasova A.V., Morozova I.G., Zharinov A.V. Digital technologies in the context of innovative development of inclusive education // *Revista Conrado*. 2024. Vol. 20, Is. 98. P. 330–336. EDN: FGESFB.
2. Korneeva E., Strielkowski W. The role of the information and communication technologies in the institutional and economic sustainability of the post-pandemic small and medium enterprises // *Terra Economicus*. 2023. Vol. 21, Is. 1. P. 80–93. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-1-80-93. EDN: UBUSAR.
3. Korsakova T., Dubanevich L., Drozdov O. et al. Digital Economy and its Importance in the Development of Small and Medium Innovative Enterprises // *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*. 2021. Vol. 12, Is. 11. P. 10–17. DOI: 10.14569/IJACSA.2021.0121102. EDN: IRLHZY.
4. Mutalimov V., Kovaleva I., Mikhaylov A., Stepanova D. Assessing regional growth of small business in Russia // *Entrepreneurial Business and Economics Review*. 2021. Vol. 9, Is. 3. P. 119–133. DOI: 10.15678/EBER.2021.090308. EDN: ANXIBW.
5. Slesarev M.A. Business Incubators in Russia: 2020 Survey in International Comparative Perspective // *MGIMO Review of International Relations*. 2022. Vol. 15, Is. 4. P. 102–129. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-4-85-102-129. EDN: CQVXMU.
6. Ананьева Т.Н., Илюхина Г.И., Сазонова Ю.В. Система профессиональной ориентации и содействия в трудоустройстве инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в рамках международного движения «Абилимпикс» // *Медико-социальная экспертиза и реабилитация*. 2021. Т. 24. № 2. С. 5–9. DOI: 10.17816/MSE71135. EDN: DSKSZI.
7. Григорьева Н.А., Дробышева Л.В., Дробышева М.М. Инклюзивный туризм: основные подходы и направления исследования // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2023. Т. 31. № 3. С. 350–359. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-3-350-359. EDN: CGEVBG.
8. Земцов С.П. Новые технологии и развитие регионов в современных условиях // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2021. № 3 (51). С. 196–207. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-9. EDN: JBCPII.
9. Коломийченко М.Е. Динамика инвалидности населения Российской Федерации // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2022. Т. 30. № 6. С. 1249–1254. DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-6-1249-1254. EDN: POIOIT.
10. Корчагина И.В. Оценка уровня развития малого предпринимательства в ресурсных регионах России // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2023. Т. 15. № 1. С. 125–152. DOI: 10.17072/2218-9173-2023-1-125-152. EDN: QHHKRO.
11. Литвинцев Д.Б., Можейкина Л.Б., Дегтярева В.В. Инклюзивное проживание в России как аспект многомерности социальной инклюзии // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 468. С. 84–92. DOI: 10.17223/15617793/468/10. EDN: FBEEBC.
12. Мухарьмова Л.М., Савельева Ж.В. Социальная среда для людей с аутизмом в России: проблема доступности в оценках экспертов // *Экология человека*. 2021. № 1. С. 45–50. DOI: 10.33396/1728-0869-2021-1-45-50. EDN: YERITT.
13. Поподько Г.И., Нагаева О.С., Шишацкий Н.Г. Роль крупных компаний в снижении бедности и социального неравенства населения ресурсного региона // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 15. № 7. С. 987–1000. DOI: 10.17516/1997-1370-0903. EDN: DSVACG.
14. Трунин Г.А., Осокин М.Г. Риски развития малого предпринимательства в сфере сельского хозяйства для людей с ограниченными возможностями здоровья в России // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2022. Т. 14. № 5. С. 349–367. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-5-349-367. EDN: QRRVPK.
15. Язев В.В., Русинова Д.С., Безмянный А.С. Обзор литературы по применению Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья, в том числе детей и подростков, в мире и в Российской Федерации // *Педиатрическая фармакология*. 2023. Т. 20. № 4. С. 355–363. DOI: 10.15690/pf.v20i4.2586. EDN: HXTQJD.

УДК 332.1:338.48(571.63)
DOI

ПРОГРАММНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ КОННОГО ТУРИЗМА КАК ПЕРСПЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ ТУРИСТСКОЙ РЕКРЕАЦИИ НА ЮГЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Гомилевская Г.А.

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», Владивосток,
e-mail: gag17@yandex.ru

Развитие рекреации, ключевой модели восстановления жизненных сил человека, в условиях возрастания роли внутреннего туризма требует анализа территориальных особенностей с возможностью включения в конкретные туристские программы. При широком разнообразии рекреационного туризма особое место занимают спортивно-оздоровительные виды отдыха, в том числе конный туризм. Цель исследования в данном контексте – на основе обобщенного опыта дать оценку организационно-правовым и территориальным особенностям развития конного туризма как элемента туристской рекреации и вида спортивно-оздоровительного туризма. Методическим подходом является систематизация организационно-правовых требований при проектировании программ конного туризма. В статье исследованы основные дефиниции и предложена авторская типология конного туризма, проведен анализ принципиальных требований к проектированию и организации конного туризма, проведен опрос потенциальных потребителей и дана территориальная оценка перспектив развития конного туризма. Научной новизной работы является авторская типология конного туризма и базовая схема программы конного тура на основе специфических особенностей формирования паспорта маршрута и технологической карты. Практическим результатом является разработка портрета потребителя и обоснование технологических характеристик программы маршрута для конного тура на юге Приморского края.

Ключевые слова: туристская рекреация, спортивно-оздоровительный туризм, организационно-правовые факторы конного туризма, портрет потребителя рынка конного туризма, конный туризм, базовая схема разработки конного тура

A PROGRAMMATIC AND METHODOLOGICAL APPROACH TO ORGANIZING EQUESTRIAN TOURISM AS A PROMISING MODEL OF TOURIST RECREATION IN THE SOUTH OF PRIMORSKY KRAI

Gomilevskaya G.A.

Vladivostok State University, Vladivostok, e-mail: gag17@yandex.ru

The development of recreation as a key model for restoring human vitality in the context of the increasing role of domestic tourism requires an analysis of territorial features with the possibility of including them in specific tourist programs. With a wide variety of recreational tourism, a special place is occupied by sports and health types of recreation, including equestrian tourism. In this context, the objective of the study is: to assess the organizational, legal and territorial features of the development of equestrian tourism as an element of tourist recreation and a type of sports and health tourism based on generalized experience. The methodological approach is to systematize the organizational and legal requirements for the design of equestrian tourism programs. Results: the article examines the main definitions and proposes the author's typology of equestrian tourism, analyzes the fundamental requirements for the design and organization of equestrian tourism, surveys potential consumers and provides a territorial assessment of the prospects for the development of equestrian tourism. The scientific novelty of the work is the author's typology of equestrian tourism and the basic scheme of the equestrian tour program based on the specific features of the formation of the route passport and the process map. The practical result is the development of a consumer profile and justification of the technological characteristics of the route program for a horse tour in the south of Primorsky Krai.

Keywords: tourist recreation, sports and health tourism, equestrian tourism, portrait of the consumer of the equestrian tourism market, organizational and legal factors of equestrian tourism, basic scheme for developing an equestrian tour

Введение

В структуре российского туризма все больше внимания уделяется вопросам активного туризма и отдыха. Так, согласно результатам исследования, проведенного в 2024 г. группой компаний Б1, количе-

ство туристов, интересующихся активными видами отдыха, достигло 32 %¹. Данная тенденция подтверждается ростом количе-

¹ Внутренний туризм в России: не стоим на месте // ООО «Б1 –Консалт». 2024. 23 июня. URL: <https://C:/Users/ADMIN/Downloads/b1-asi-tourism-in-russia-survey-june-2024.pdf> (дата обращения: 30.05.2025).

ства запросов на активные туры, которые в 2024 г. выросли более чем на 20 % по сравнению с предыдущим годом, а продажи на различные виды туристского снаряжения увеличились от 23 до 150 %². В структуре внутреннего туризма в России в отдельных регионах активный туризм достигает 10–30 %.

Конный туризм по праву входит в число наиболее востребованных и перспективных видов активного туризма. Рекреационный характер конного туризма определяет его через призму восстановления духовных и физических сил человека при нахождении в природной среде, а его спортивно-оздоровительная функция направлена на включение программ конного туризма в развитие личности через физическую активность и соревновательность.

Вопросам организации конного туризма посвящены труды ряда авторов, в том числе А.А. Сарафановой, А.Ю. Гречкиной, И.П. Кульгачева, Н.А. Ковальчук, Г.А. Соколовой и др. [1–3], которые исследуют различные аспекты конного туризма. Поскольку программы конного туризма зачастую рассматриваются через призму экологического туризма, заслуживают внимания труды М.Р. Шайфуллина, А.В. Тихомировой и др. [4; 5]. Анализ конного туризма в контексте активного отдыха проводится в работах авторов Ю.Д. Любимовой, П.А. Шитиковой и др. [6; 7], где рассматривается спортивный характер данного вида туризма, при этом в исследованиях не в полной мере раскрывается рекреационная сущность конного туризма, а также недостаточно раскрыты организационно-правовые требования к организации программ конного туризма.

Исследовательские материалы отражают перспективность развития конного туризма, при этом следует обратить более пристальное внимание на системный анализ технологических требований при разработке программ обслуживания конных туристов и потребительскую мотивацию туристов с точки зрения рекреации с учетом территориальных особенностей конных маршрутов.

Цель исследования – на основе обобщенного опыта дать оценку организационно-правовым и территориальным особенностям развития конного туризма как элемента туристской рекреации и вида спортивно-оздоровительного туризма.

² Россияне все больше увлекаются активным туризмом: спрос вырос на 20 % в 2024 году // Финансовый журнал. 2024. 20 мая. URL: <https://refinanc.ru/journal/rossiyane-vse-bolshe-uvlekayutsya-aktivnym-turizmom-spros-vyros-na-20-v-2024-godu/> (дата обращения: 30.05.2025).

Материалы и методы исследования

Предметом исследования является конный туризм как вид туристской рекреации в контексте спортивно-оздоровительной деятельности. Методическим подходом является систематизация организационно-правовых требований при проектировании программ конного туризма. В ходе исследования использованы методы классификации, группировки, статистики, социологии при проведении анкетирования, стратегического анализа, проектирования.

Научной новизной работы является авторская типология конного туризма и базовая схема программы конного тура на основе специфических особенностей формирования паспорта маршрута и технологической карты.

Результаты исследования и их обсуждение

Очевидно, что рынок, как гибкая и подвижная структура, претерпевает изменения в ходе воздействия на него различных факторов. Такие изменения также характерны и для туристского рынка. Так, согласно данным платформы туристической информации Mabrian Technologies, отзывы по активным видам туризма на портале Tripadvisor с 2019 г. выросли с 9,45 до 13,72 % в 2023 г. [8]. В структуре внутреннего туризма в Российской Федерации по итогам оценки, проведенной в 2024 г., также растет доля туристов, выбирающих активный отдых (рис. 1).

Согласно данным, представленным группой компаний Б1 по заказу Агентства стратегических инициатив, в 2024 г. предпочтения российских туристов сместились в сторону природного (48 %), экологического (16 %) и активного туризма (32 %). Более того, при выборе наиболее перспективных направлений согласно проведенному опросу 61 % представителей бизнес-среды ставят на первое место активный туризм наряду с культурно-познавательным направлением.

Потребность в использовании методов спортивной рекреации для проведения полезного и активного отдыха является основой для наиболее эффективного и безвредного восстановления жизненных сил человека. В этой связи конный туризм представляет собой один из понятных и востребованных видов спортивного туризма, что вызвало необходимость исследования его рекреационной роли.

При этом, как правило, конный туризм рассматривается в контексте использования лошадей (пони, ослов и т.д.) в качестве средства передвижения [3; 10], что не рас-

крывает в полной мере его рекреационную сущность с точки зрения конкретной цели пребывания туристов, связанной с восстановлением здоровья, отдыхом, спортом, пребыванием в природной среде, общением с животными.

В целом конный туризм рассматривается исследователями с различных позиций. Например, как вид спортивного туризма конный туризм определяется с точки зрения соревновательности [3]. В контексте организации активного отдыха этот вид туризма в большей степени реализуется в виде

прохождения маршрутов на конях [6; 9; 11]. Конный туризм также можно отнести в качестве подвида к экологическому туризму [4; 5; 11]. Этнокультурная составляющая сельского туризма зачастую наполняется программами, включающими использование лошадей для различных целей, от ухода за лошадьми до стилизации традиционных национальных обрядов и праздников [12; 13]. Как уже было отмечено, конный туризм через иппотерапию и ипповенцию входит в структуру оздоровительного туризма [14; 15].

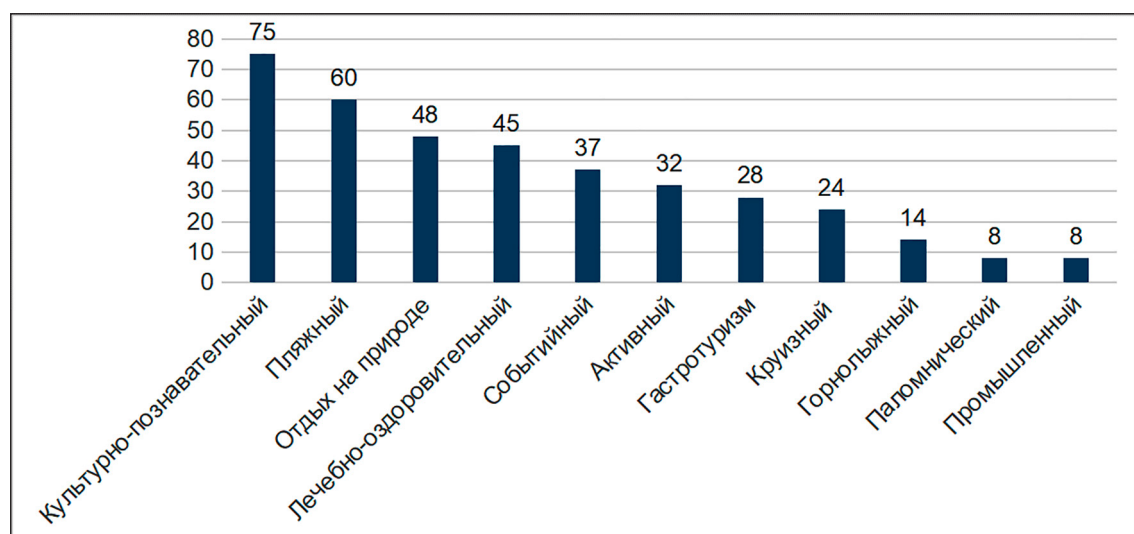

Рис. 1. Предпочтения российских туристов в структуре внутреннего туризма в 2024 г., %

Источник: составлено автором на основе

URL: <https://C:/Users/ADMIN/Downloads/b1-asi-tourism-in-russia-survey-june-2024.pdf>

Таблица 1

Классификация конного туризма по спортивно-рекреационному признаку

Признаки	Критерии	Виды конного туризма			
Конная рекреация	Направления	Конные прогулки	Иппотерапия и ипповенция		Фестивали и выставки
		Обучение верховой езде	Экскурсии по территории конюшни или конного клуба		Экскурсионный верховой тур
	Характер местности	Равнинная	Горная		Пересеченная
	Сложность маршрута	Для новичков (1–2 категории)	Для опытных наездников (3–4 категории)		Для профессионалов
	Тип маршрута	Кольцевой	Линейный		Радиальный
Спортивный туризм	Спортивные дисциплины	Конно-полевые выезды (от 1 ч до 3 дней)	Конные маршруты (походы)	Конные путешествия (более 500 км)	Конные дистанции по технике Т.Р.Е.С.
		Т.Р.Е.С. в упряжках	Рабочая езда (виды конной езды при использовании лошадей в сельском хозяйстве)		Конный скиджоринг (буксировка лыжника)

Источник: составлено автором на основе источников URL: <https://base.garant.ru/400713385/>; URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200094461>.

Предпринятый автором обзор материалов по теме исследования показал, что максимальный учет всех характеристик конного туризма определяет его как инструмент духовного и физического развития личности, экологического образования и просвещения, активный способ знакомства с территорией, местными обычаями и культурой, объединяющий различные возрастные и социальные группы.

Для более глубокого понимания спортивного и рекреационного характера конного туризма требуется разработка типологии конного туризма на основе определения четких критериев классификации для каждого признака – спортивного либо рекреационного (табл. 1).

Так, виды конного туризма с точки зрения его рекреационного характера раскрываются через различные продуктивные направления, связанные с типами прогулок и экскурсий, организацией развлекательных, обучающих, культурно-исторических, патриотических и других тематических мероприятий.

С точки зрения использования лошадей в туристской рекреации отдельно можно выделить такой вид, как иппотерапия и ипповенция [15]. Иппотерапия как реабилитационный метод адаптивной верховой езды может быть применим при нарушениях опорно-двигательного аппарата, улучшения психоэмоционального и физического состояния человека, часто используется для работы с детьми с интеллектуальными нарушениями. Ипповенция – осознанное взаимодействие человека с лошадью для достижения психотерапевтического эффекта при помощи квалифицированного специалиста.

Структура спортивного конного туризма сформирована по семи основным видам спортивных дисциплин, выделенных по принципам конно-полевых выездов, конных маршрутов и спортивных путешествий, езды в конных упряжках, рабочей езды в условиях использования лошадей в сельском хозяйстве, а также конной буксировки лыжников.

В настоящее время в системе законодательства Российской Федерации существует ряд документов, которые координируют лишь отдельные вопросы осуществления деятельности в сфере конного туризма. Данные документы можно классифицировать по следующим сферам: принципы туристской деятельности; нормы, предусматривающие порядок содержания лошадей и контроль за их использованием в различных видах деятельности; ответственность за ненадлежащее обращение с животными;

правила проведения соревнований по активным видам туризма, порядок подготовки кадров в сфере конного туризма.

Так, в Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ (в ред. от 30.11.2024 № 436-ФЗ) определено, что среди прочих целями туризма являются рекреационные, оздоровительные и физкультурно-спортивные, что определяет конный туризм как активный и рекреационный вид туризма. Принципы туристской деятельности, в частности в сфере конного туризма, устанавливает ГОСТ Р 54601-2011 «Туристские услуги. Безопасность активных видов туризма. Общие положения», который детализирует конный туризм как путешествия, походы и экскурсии с привлечением квалифицированных инструкторов-проводников.

Помимо этого, ГОСТ 32611-2014 устанавливает требования к обеспечению безопасности жизни, здоровья, имущества туристов при совершении путешествий. ГОСТ 32612-2014 устанавливает требования к информации, предоставляемой потребителям туристских услуг, в том числе программы обслуживания туристов во время путешествия, памятки, инструкции о поведении в обычных и чрезвычайных ситуациях.

Специфика содержания лошадей определена следующими нормативными актами:

- «Типовые инструкции по охране труда для основных профессий и видов работ в лесном хозяйстве» (приказ Рослесхоза № 213 от 23.12.1998);

- «Нормы технологического проектирования коневодческих предприятий. НТП-АПК 1.10.04.001-00» (утв. Минсельхозом РФ 15.09.2000);

- ФЗ «Об ответственном обращении с животными» от 27.12.2018 № 498-ФЗ (в ред. от 08.08.2024 № 232-ФЗ).

Организация соревнований по конному туризму регламентируется документами:

- Приказ Министерства спорта РФ от 22 апреля 2021 г. № 571 «Об утверждении правил вида спорта «Спортивный туризм», согласно положениям п. 45 данного Приказа, соревнования по дисциплине «маршрут – конный (1–6 категория)» проводятся на конях и лошадях любых пород;

- «Регламент проведения спортивных соревнований по спортивному туризму», утв. Президиумом Федерации спортивного туризма России протоколом от 23.03.2019, устанавливает требования к участникам соревнований, их снаряжению и используемым транспортным средствам и регламентирует дисциплины конного туризма.

Требования к профессиональным кадрам определены Приказом Минтруда России от 24.12.2021 № 914н «Об утверждении профессионального стандарта «Инструктор-проводник», которые содержат описание трудовых функций (функциональную карту) инструктора-проводника по конному туризму, в том числе разработку и планирование маршрута при занятиях конным туризмом, обеспечение безопасности, проведение работ во время аварийных ситуаций при занятиях конным туризмом.

В целом нормативно-правовая и методическая база отражает ключевые аспекты конного туризма, принципы и нормы организационного характера, в том числе по вопросам содержания и использования лошадей, обеспечения безопасности конных маршрутов и иных мероприятий, подготовки кадров. При этом вступившая с 1 марта 2025 г. Система аттестации инструкторов-проводников требует уточнения в части разграничения полномочий национального и региональных центров. Механизм управления конным туризмом обеспечивается общественными организациями: Национальной федерацией конного

туризма, Федерацией конного спорта России, Национальным центром конного туризма, региональными спортивными представительствами в субъектах федерации. Но отсутствие единого органа, координирующего коммерческую деятельность организаторов конных туристских маршрутов на местах, не позволяет осуществлять в полной мере контроль за условиями соблюдения нормативных актов. Помимо этого, методическое обеспечение конного туризма преимущественно носит рекомендательный характер и представлено в учебных материалах.

Тем не менее интересен материал профессора И.Ф. Бобылева [16, с. 156–159], который дает четкие рекомендации по организации конных походов и управлению лошадьми во время конных прогулок. Среди прочего подчеркивается необходимость учета ограничений для людей с определенными заболеваниями: сердечно-сосудистыми, гинекологическими, ЖКТ и др. В материалах прописаны действия инструктора при приближении к сложному участку, принятии решения об изменении или прекращении маршрута.

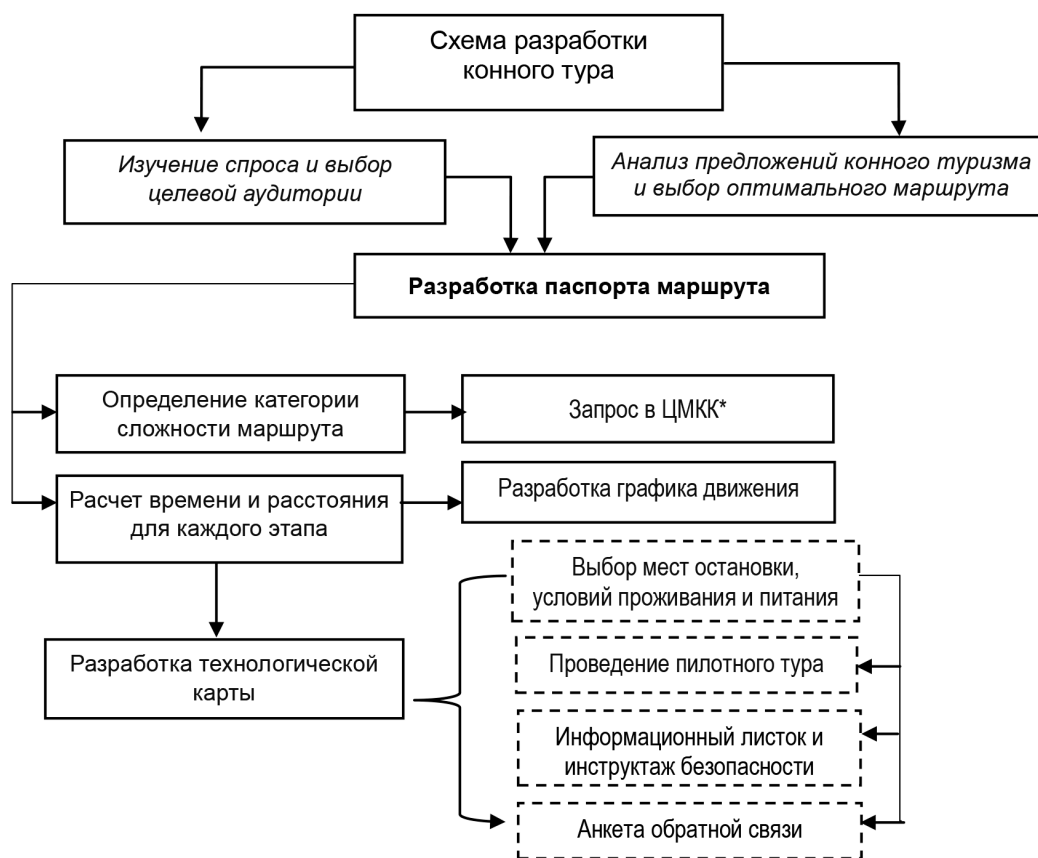

Рис. 2. Базовая схема разработки конного тура

Источник: составлено автором

* ЦМКК – Центральная маршрутно-квалификационная комиссия

В контексте обеспечения безопасности особенности организации верховой езды для туристских групп определяются методикой разработки конных маршрутов, начиная с предварительного исследования и составления паспорта маршрута. Актуализированная авторская схема разработки конного маршрута представлена на рис. 2.

Согласно основным принципам организации туристских маршрутов схема включает следующие этапы разработки конного тура:

- 1) анализ рыночных условий формирования турпродукта, включает оценку аналогичных услуг на рынке и механизм потребительского поведения;
- 2) разработка паспорта маршрута, включает определение категории сложности маршрута и времени, необходимого для его прохождения;
- 3) определение мест остановки, условий проживания и питания;
- 4) проведение пилотного тура;
- 5) разработка технологической карты маршрута;
- 6) организация обратной связи после окончания тура.

В целом рекреационная и спортивно-оздоровительная сущность конного туризма раскрывается через реализацию основных функций конного туризма как инструмента психоэмоционального благополучия, оздоровления и восстановления физических сил, экологического просвещения и образовательного ресурса любительской верховой езды.

Спортивно-оздоровительный характер туризма отражается в ответах респондентов, принявших участие в анкетировании мотивации и заинтересованных в активном отдыхе и конном туризме. Территория проживания респондентов – Приморский край, объем выборки составил 153 чел. 46% участников опроса не проявили потенциального интереса к программам конного туризма, в качестве основных ограничений были отмечены: опасения в безопасности верховой езды (43%), отсутствие времени (21%), высокая стоимость программ конного туризма (11%), проблемы со здоровьем (7%).

В ходе опроса были выявлены предпочтения потенциальных туристов на основе ответов респондентов, которые проявили интерес к конному туризму (54% от общего количества участников опроса). Одним из факторов формирования спроса является местность. Поскольку опрос проводился в Приморском крае, большинство респондентов (43,4%) выбрали морское побережье, 22,9% предпочли маршруты по пересеченной местности, заинтересованность в маршрутах по лесным массивам проявили 17% участников опроса, по особо охраняемым территориям – 16,7%.

Оценка степени важности параметров конного туризма для потребителей подразделяется на две группы: качество обслуживания и непосредственно организация конного маршрута. Итоговый рейтинг показателей определяется на основе суммирования индивидуальной оценки респондентов (от 0 до 5 баллов) и общего количества участников опроса (рис. 3).

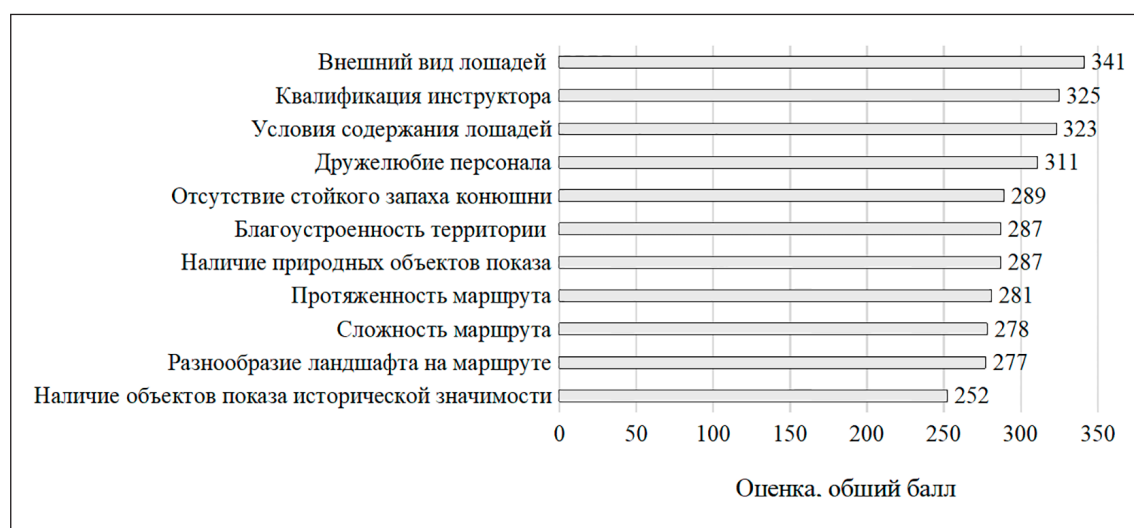

Рис. 3. Оценка важности критериев уровня обслуживания и организации конного маршрута
Источник: составлено автором

Таблица 2

Портрет потребителя конного туризма

Критерий	Характеристика
Пол и возраст	Мужчины и женщины в возрасте от 26 до 47 лет
Семейное положение	В равной степени холостые и состоящие в браке
Социально-экономическое положение	Доход выше среднего, высшее или среднее специальное образование
Психологический портрет	Уверенный в себе, целеустремленный, дружелюбный, энергичный, готовый к новым открытиям и приключениям
Интересы и увлечения, в т.ч.:	Активный отдых, путешествия, природа, лошади
Рекреационные	– Отдых на природе: наслаждение красотой природы, отдых на свежем воздухе, отдых вне города – Эмоциональная разгрузка: общение с лошадьми
Спортивно-оздоровительные	– Физическая активность: верховая езда, пешие прогулки, купание – Иппотерапия и ипповенция
Познавательные	– Изучение истории и культуры региона – Знакомство с флорой и фауной
Социальные	– Общение с единомышленниками – Участие в коллективном мероприятии

Источник: составлено автором.

Таблица 3

SWOT-анализ туристского потенциала конного туризма Приморского края

Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
– Благоприятные климатические особенности – Большое количество природных достопримечательностей – Разнообразие ландшафта: горные хребты, равнины, межгорные впадины, речные долины, морские побережья – Большое количество историко-культурных объектов – Наличие профессиональных конных клубов – Привлекательные цены на услуги конного туризма	– Ограниченный перечень конных маршрутов – Низкий уровень развития инфраструктуры конного туризма – Ограниченная доступность отдельных территорий, привлекательных для конного туризма (земли в собственности Минобороны) – Дорогостоящий характер отдельных видов рекламы для небольших конных ферм – Недостаточное число аттестованных инструкторов-проводников конного туризма
Возможности (O)	Угрозы (Т)
– Государственная поддержка спортивно-оздоровительного туризма, субсидирование объектов строительства приоритетных видов туризма – Включение программ конного туризма в информационную повестку ТИЦ Приморского края – Создание новых рабочих мест в области коневодства и обслуживания туристов – Рост числа туристов, ориентированных на ЗОЖ и бальнеологию – Повышение уровня эко-просвещения – Создание экологических троп в районах и национальных парках Приморского края	– Конкуренция со стороны других регионов, предлагающих услуги конного туризма (Камчатский край, Хабаровский край) – Активное развитие конкурентных видов активного туризма (велотуризм, пеший туризм, сап-туризм) – Неблагоприятные погодные условия, которые могут ограничить возможности развития туризма в целом – Ярко выраженная сезонность – Экономические кризисы и снижение доходов населения – Вирусные заболевания, переносчиками которых являются животные

Источник: составлено автором.

Таблица 4

Технологические характеристики программы конного тура
в Хасанском районе Приморского края

Критерий	Описание
Название тура	Верхом по заповедному Гамова: путешествие вглубь природы
Местоположение	Россия, Приморский край, Хасанский район, с. Витязь
Вид туризма	Конный, активный, природный («зеленый»)
Транспорт	Верховая езда на лошадях, морская прогулка
Макс. размер группы, чел.	14
Продолжительность	4 дня / 3 ночи
Необходимое личное снаряжение	Спец. одежда, рюкзак, репелленты, головной убор, солнцезащитное средство
Необходимые документы	Паспорт и страховой медицинский полис
Меры по обеспечению безопасности	Страхование; инструктаж по технике безопасности, правилам верховой езды и уходу за животным; обучение верховой езде; сопровождение инструктором
Проживание	База отдыха «Лесная» в с. Витязь. Мобильный лагерь
Питание	Во время похода полевая кухня, питание в столовой б/о «Лесная»
В стоимость входит	Проживание, питание, обучение верховой езде, сопровождение инструктора, экскурсионная программа
Условия участия туриста	Возраст участников от 18 лет, до 18 лет – в сопровождении или с нотариальным согласием родителей. Вес туриста – не более 100–120 кг. Отсутствие противопоказаний к верховой езде

Источник: составлено автором.

Анализ предпочтений показывает, что уровень обслуживания играет ключевую роль в формировании удовлетворенности потребителей конного туризма. Длительность похода напрямую связана с протяженностью маршрута. Так, преимущества 2–3-дневных походов отметили 49% респондентов, 1–2-дневных –15%, 3–5-дневных –13%, более пяти дней –6%; медианное значение продолжительности конного тура составляет 2,73 дня.

На основе анализа был разработан портрет потребителя конного туризма (табл. 2).

Согласно потребительской модели конный туризм предоставляет широкий спектр возможностей для рекреационной и спортивно-оздоровительной деятельности туристов. Это может быть как активный отдых, так и возможность провести время на природе, улучшить свое здоровье или просто получить новые впечатления.

Возможности развития конного туризма в одном из регионов России –Приморском крае обоснованы через матрицу SWOT-анализа туристского потенциала региона (табл. 3).

Приморский край располагает значительным рекреационным потенциалом для развития конного туризма, основу которого составляют богатые природные и куль-

турные ресурсы, разнообразие ландшафта, в крае насчитывается 24 конных клуба, которые предлагают услуги конных прогулок и экскурсий, аренды лошади. Внутренний туризм в регионе активно развивается: объемом туристского потока за 9 месяцев 2024 г. составил 3,7 млн туристов с приростом 15% по сравнению с аналогичным периодом 2023 г.³ По данным туристско-информационного центра Приморского края растет интерес к региону со стороны туристов из центральных регионов России.

В Приморском крае выделены следующие тенденции развития конного туризма:

1) компании, предлагающие услуги конного туризма в Приморском крае, в основном представлены в г. Владивостоке;

2) к услугам конного туризма преимущественно относятся прогулки по местности вблизи конного клуба;

3) возрастная категория потребителей услуг конного туризма 26–47 лет;

4) морское побережье является наиболее привлекательной территорией для организации конных туров;

5) оптимальная продолжительность конного похода –3 дня.

³ Туристические итоги 2024 года // РБК Приморье. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://prim.rbc.ru/specials/tourism2024> (дата обращения: 02.07.2025).

Рис. 4. Маршрут конного тура «Верхом по заповедному Гамова: путешествие вглубь природы»
Источник: составлено автором

Для пилотного конного тура предложен Хасанский район — один из наиболее привлекательных районов юга Приморского края, который представляет собой экологически ценную территорию с высоким уровнем биоразнообразия и природной сохранности. На территории расположены национальный парк «Земля леопарда» и Дальневосточный морской заповедник (более 50% территории района), которые играют важную роль в сохранении уникальных экосистем, в том числе дальневосточного леопарда.

В программу конного тура включаются: остров Томящегося Сердца в бухте Теляковского; роши на полуострове Гамова, в которых произрастают сосна густоцветковая, рододендрон Шлиппенбаха и другие растения-эндемики; исторические фортификационные объекты Владивостокской крепости; самый южный навигационный маяк, относящийся к Тихоокеанскому морскому флоту, — «маяк Гамова».

Название конного тура «Верхом по заповедному Гамова: путешествие вглубь природы», результатом проектирования является программа и технологическая карта тура. Основные характеристики тура представлены в табл. 4.

Маршрут конного тура представлен на рис. 4.

Разработанная авторская программа конного тура предусматривает дифференцированное размещение в условиях стационарной базы отдыха и палаточном лагере во время конного похода. Помимо похода в программу тура входят верховая экскурсия по историческим объектам, расположенным вблизи береговой линии бухты Витязь, а также морская прогулка. Тур рассчитан на мужчин и женщин молодого и среднего возраста с уровнем дохода выше среднего, характеристиками по состоянию здоровья, не требующими постоянного медицинского контроля. Как правило, это туристы из западных и центральных регионов России, которые интересуются спортом, любят лошадей, ценят природу и познают красоты родной страны активным способом.

Заключение

Анализ уровня развития конного туризма как активного отдыха свидетельствует о перспективах этого вида рекреации, что подтверждается ростом запросов на активные туры, приоритетным выбором потребителей на основе роста продаж, а также оценкой перспектив роста специализированных предложений со стороны предпринимателей.

В ходе исследования был проведен анализ конного туризма с точки зрения его спортивно-рекреационного характера и установлено, что оздоровительная и рекреационная роли данного вида туризма требуют уточнения и актуализации типологии с четким разделением по признакам, критериям и видам. Нормативно-правовая и методическая база отражают ключевые аспекты конного туризма, но система аттестации инструкторов-проводников нуждается в детализации разграничения полномочий центра и регионов, также рекомендовано учредить единый орган, координирующий коммерческую деятельность организаторов конного туризма. Также установлено, что методическое обеспечение конного туризма преимущественно носит рекомендательный характер.

В ходе оценки принципиальных требований к проектированию и организации конного туризма был проведен опрос потенциальных потребителей конного туризма, результаты которого показали широкий спектр возможностей для рекреационной и спортивно-оздоровительной деятельности туристов. Территориальный анализ перспектив развития конного туризма на юге Приморского края послужил основой для разработки модели конного маршрута.

Список литературы

1. Сарафанова А.А., Сарафанов А.А. К вопросу о конном туризме // Sci-article.ru. 2017. URL: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1511709177> (дата обращения: 12.03.2025). EDN: YANMFN.
2. Гречкина А.Ю., Кульгачев И.П. Перспективы развития конного туризма в России // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. 2019. Т. 14. № 1. С. 34–41. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38520824> (дата обращения: 12.03.2025). EDN: WBPWGY.
3. Ковальчук Н.А., Соколова Г.А. Конный туризм и особенности его организации // Научный вестник Львовского национального университета ветеринарной медицины и биотехнологий им. С.З. Гжицкого. 2017. Т. 19 (№ 79). С. 44–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konnyy-turizm-i-osobennosti-ego-organizatsii> (дата обращения: 10.04.2025). DOI: 10.15421/nvlvet7909.
4. Шайфуллин М.Р. Конный туризм как компонент экологического туризма на территории Волгоградской области // Степи Северной Евразии: материалы IX международного степного форума Русского географического общества. 2021. С. 860–862. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konnyy-turizm-kak-komponent-ekologicheskogo-turizma-na-territorii-volgogradskoy-oblasti> (дата обращения: 07.04.2025). DOI: 10.24412/cl-36359-2021-860-862. EDN: PAGFKY.
5. Тихомирова А.В. Экологический туризм // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20. № 1. С. 80–83. URL: <https://vestnik.susu.ru/law/article/view/9608> (дата обращения: 05.05.2025). DOI: 10.14529/law200112. EDN: SXQHZV.
6. Любимова Ю.Д. Состояние и перспективы развития конного спорта в Красноярском крае // Вестник Курганской ГСХА. 2019. № 4. С. 26–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-konnogo-sporta-v-krasnoyarskom-krae/viewer> (дата обращения: 04.05.2025). ISSN 2227-4227.
7. Шитикова П.А. Развитие военно-исторического направления в конном туризме на примере КСК «Баллада» // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2023. Т. 17. № 1. С. 149–159. URL: <https://sciup.org/140302138> (дата обращения: 23.04.2025). EDN: KCTCWQ.
8. Гомилевская Г.А., Мелешко В.А. Социально-рекреационный характер организации конного туризма // Сервис в России и за рубежом. 2024. Т. 18. № 2. С. 215–226. URL: <https://ruservices.rgutspubl.org/index.php/1/article/view/400> (дата обращения: 12.03.2025). DOI: 10.5281/zenodo.12668459. EDN: MXLWZT.
9. Rzekęć A. Vial C., Bigot G. Green Assets of Equines in the European Context of the Ecological Transition of Agriculture // Animals. 2020. Vol. 10, Is. 1. URL: <https://www.researchgate.net/publication/338480301> (дата обращения: 15.05.2025). DOI: 10.3390/ani10010106.
10. Талавирия В.Ю., Школьников И.Г. Актуальность формирования среды конных комплексов как общественных пространств // Инновации и инвестиции. 2024. № 1. С. 391–395. URL: <https://innovazia.ru/upload/iblock/9d8/2904a7xx5wps61rav6dookfx0hlkod57/№1%202024%20ИИ.pdf> (дата обращения: 14.03.2025). EDN: JBM00H.
11. Столярова В.К., Ден В.Г. Мероприятия этнокультурной направленности как ресурс развития туризма (на примере Приморского края) // Сервис Plus. 2023. № 4. С. 51–63. URL: <https://service-plus.rgutspubl.org/index.php/1/issue/view/68/69> (дата обращения: 15.05.2025). DOI: 10.5281/zenodo.10610089. EDN: JAAAYSL.
12. Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н., Стахеева Л.М., Чупина И.П. Агротуризм как перспективный вид внутреннего туризма // Право и управление. 2024. № 2. С. 284–289. URL: <https://law.law-books.ru/2024/03/23/право-и-управление> (дата обращения: 16.04.2025). DOI: 10.24412/2224-9133-2024-2-284-289. EDN: UULPWT.
13. Овечкина П.А., Сметанина А.И. Развитие сельского туризма на территории Кировской области // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Науки о Земле. 2023. № 1 (29). С. 94–103. URL: <https://www.vnzsvfu.ru/jour/article/view/180/149> (дата обращения: 12.03.2025). DOI: 10.25587/SVFU.2023.29.1.001. EDN: DDWHPR.
14. Helgado Ttir G. Horse-based Tourism: Community, Quality and Disinterest in Economic Value // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. 2008. P. 105–121. URL: https://www.researchgate.net/publication/247518318_Horsebased_Tourism_Community_Quality_and_Disinterest_in_Economic_Value (дата обращения: 19.04.2025).
15. Халфина Р.Р., Никитина Н.А., Никитина А.А., Ардашова А.А., Насирдинова Н.А., Ахмадеева Л.Р. Иппотерапия и ипповенция // Life Sciences and Agriculture. 2022. № 2 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ippoterapiya-i-ippoventsiya> (дата обращения: 27.03.2025).
16. Бобылев И.Ф., Котов Г.Г., Филиппов С.П. Конный туризм. М.: Профиздат, 1985. 250 с.

УДК 332.1:338.45
DOI

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ НИЗКОУГЛЕРОДНЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ В РЕГИОНАХ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Двинин Д.Ю., Даванков А.Ю., Малыгин Н.В., Сидельников П.А.

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», Челябинск,
e-mail: dvinin1981@mail.ru

Исследование посвящено комплексной экономической и экологической оценке возможности развития низкоуглеродной электроэнергетики в различных регионах Уральского федерального округа. Особенностью проведенной оценки является исследование как возобновляемых источников энергии, так и традиционной энергетики, использующей ископаемое топливо с инновационными технологиями улавливания и консервации углекислого газа. Другой важный фактор, учтенный в исследовании: развитие низкоуглеродных источников энергии должно обеспечить достижение общей эколого-экономической сбалансированности в регионах Уральского федерального округа. Оценку проводили на основе 4 выбранных экономических и экологических критериев. В группу экономических критериев вошли коэффициент использования установленной мощности и нормированная стоимость электроэнергии. В группу экологических критериев вошли удельная величина материальной интенсивности производства энергии, а также удельная эмиссия углекислого газа на 1 выработанный кВт*ч. В результате было выявлено, что состояние всех рассматриваемых регионов, за исключением Ямало-Ненецкого автономного округа, – несбалансированное. Для достижения их сбалансированности потребуется увеличение в энергобалансе доли низкоуглеродных источников энергии до 37–93 % в зависимости от региона. При этом установлена наибольшая эффективность энергоустановок, использующих силу ветра. Они обладают минимальными эксплуатационными и инвестиционными затратами, выбросы CO₂ в результате работы отсутствуют. Солнечные энергоустановки, а также энергоустановки, использующие биотопливо, показали несколько худший результат. Атомные электростанции, а также электростанции, работающие на природном газе и угле, однако применяющие технологии подавления эмиссии CO₂, имеют наилучшие результаты по коэффициенту использования установленной мощности. В связи с этим сделан вывод, что для обеспечения устойчивого энергоснабжения необходимо соблюдение в регионах баланса между возобновляемыми и традиционными источниками энергии.

Ключевые слова: комплексная оценка эффективности, низкоуглеродная энергетика, углеродная эффективность, нормированная стоимость электроэнергии, материальная интенсивность, регион, Уральский федеральный округ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00900,
<https://rscf.ru/project/24-28-00900/>.

COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF THE POSSIBILITY OF DEVELOPING LOW-CARBON ENERGY SOURCES IN THE REGIONS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

Dvinin D.Yu., Davankov A.Yu., Malygin N.V., Sidelnikov P.A.

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, e-mail: dvinin1981@mail.ru

The study is devoted to a comprehensive economic and environmental assessment of the possibility of developing a low-carbon electric power industry in various regions of the Ural Federal District. A special feature of the assessment is the study of both renewable energy sources and traditional energy using fossil fuels with innovative technologies for carbon dioxide capture and conservation. Another important factor taken into account in the study is that the development of low-carbon energy sources should ensure the achievement of overall ecological and economic balance in the regions of the Ural Federal District. The assessment was based on 4 selected economic and environmental criteria. The economic group includes 2 criteria: the utilization rate of installed capacity and the normalized cost of electricity. The environmental group includes the specific value of the material intensity of energy production, as well as the specific emission of carbon dioxide per generated kWh. As a result, it was revealed that the state of all the regions under consideration, with the exception of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, is unbalanced. To achieve their balance, it will be necessary to increase the share of low-carbon energy sources in the energy balance to 37-93%, depending on the region. At the same time, the highest efficiency is found in power plants using wind power. They have minimal operating and investment costs, and CO₂ emissions as a result of their work are not present, but material. Solar power plants, as well as power plants using biofuels, showed slightly worse results. Nuclear power plants, as well as natural gas and coal-fired power plants, but using CO₂ emission suppression technologies, have the best results in terms of installed capacity utilization. In this regard, in order to ensure sustainable energy supply, it is concluded that it is necessary to maintain a balance between renewable and traditional energy sources in the regions.

Keywords: integrated efficiency assessment, low-carbon energy, carbon efficiency, normalized cost of electricity, material intensity, region, Ural Federal District

The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00900,
<https://rscf.ru/project/24-28-00900/>.

Введение

Развитие низкоуглеродных источников энергии признано основным условием, позволяющим повлиять на процессы, вызванные климатическими изменениями, стабилизировать экологическую ситуацию в целом. Переход к низкоуглеродной энергетике позволит обеспечить успешное эколого-экономическое развитие регионов в долгосрочный период времени [1]. Во многих регионах и странах приняты долгосрочные стратегии развития низкоуглеродных источников энергии [2]. Вопросы регулирования эмиссии парниковых газов определяет Парижское соглашение, ратифицированное 186 странами мира. Согласно этому Соглашению, страны в добровольном порядке формируют долгосрочные цели по уменьшению антропогенной эмиссии и самостоятельно определяют меры по их достижению. По завершении исполнения принятых решений эмиссия парниковых газов должна стать минимальной и обеспечить общую стабилизацию климатической системы [3].

Для реализации поставленных целей планируется использование разнообразных источников энергии с низким уровнем выбросов углерода [4, 5]. Эти источники могут включать как возобновляемые ресурсы, так и традиционные, основанные на ископаемом топливе, но с обязательным внедрением передовых подходов по нейтрализации CO_2 . В связи с этим требуется всестороннее исследование различных низкоуглеродных вариантов генерации энергии, которое учитывало бы специфические региональные условия территорий, на которых рассматривается их внедрение. Такой анализ позволит определить наиболее эффективные и устойчивые решения для каждой конкретной местности.

Следует особо отметить, что негативные изменения в природной среде в значительной степени вызваны уменьшением возможности экосистем устранять последствия хозяйственной деятельности. Техносфера переключает на себя природные материальные потоки, что и является наиболее существенным экологическим фактором в сравнении с выбросами загрязняющих веществ. Исчезает ряд важных функций у экосистем, в результате поддержание необходимых условий жизнедеятельности становится невозможным. Даже при условии полного перехода к возобновляемой и низкоуглеродной энергетике, если указанные потоки имеют существенную материальную интенсивность, негативные процессы, связанные с разрушением окружающей природной среды, не прекратятся.

Поэтому при комплексной оценке преимуществ низкоуглеродных источников энергии нужно использовать одновременно совокупность экологических и экономических критериев. К экономическим следует отнести величину инвестиционных и эксплуатационных затрат, связанных с производственной деятельностью, а также коэффициент использования установленной мощности (КИУМ). Последний показатель имеет значение, поскольку низкоуглеродной энергетикой являются как возобновляемые, так и невозобновляемые источники энергии. Важным критерием представляется степень сокращения выбросов CO_2 наряду с минимизацией потоков веществ, генерируемых в ходе работы предприятий, их комплексный анализ позволяет в дальнейшем установить связь между природной средой и экономикой [6].

При отсутствии комплексной эколого-экономической оценки для различных низкоуглеродных источников энергии нет возможности обоснованно выявить источники энергии, которые при наименьших затратах позволят получить наибольший эколого-экономический эффект.

Цель исследования – провести комплексную эколого-экономическую оценку возможности развития различных низкоуглеродных источников энергии в регионах, входящих в состав Уральского федерального округа.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на разработанном авторском методическом инструментарии, который использует многокритериальный анализ и экономико-математическую задачу выбора. В методике применено комплексное исследование следующих критериев различных источников низкоуглеродной энергии: LCOE (Levelised Cost of Energy) / LEC (Levelized Energy Cost) (дол./кВт), КИУМ (коэффициент использования установленной мощности), удельной величины эмиссии углекислого газа (кг/кВт), суммарных MI (Material Input) – чисел (кг/кВт).

Нормированная стоимость электроэнергии (LCOE/LEC) является общепринятым в мире инструментом для оценки экономической целесообразности и принятия решения о развитии различных источников энергии [6, 7]. Данный показатель отражает среднюю себестоимость генерации энергии за весь период эксплуатации электроэнергетической установки. В нем учитываются как текущие расходы, так и первоначальные инвестиции.

Для целей исследования использовались данные Международного энергетического агентства (МЭИ), полученные другими исследовательскими коллективами для раз-

личных источников низкоуглеродной энергии, и данные, полученные в собственных более ранних исследованиях [8]. Формула для расчета имеет следующий вид:

$$\text{LCOE}/\text{LEC} = \sum_{t=1}^n \frac{Z_t + Z_{ct} + O_t + Oz_t + T_t + T_{ct}}{(1+r)^t} / \sum_{t=1}^n \frac{E_t}{(1+r)^t}. \quad (1)$$

LCOE/LEC в данном случае включает в себя технологии подавления эмиссии CO_2 и определяется на основе следующих переменных параметров: E_t – обозначает годовую выработку энергии; r – это принятая ставка дисконтирования; n – заданный период эксплуатации энергетической установки; Z_t – годовая сумма капитальных вложений в генерацию электроэнергии; Z_{ct} – ежегодные инвестиции, направленные на сокращение выбросов CO_2 ; O_t – текущие годовые операционные затраты; O_{ct} – операционные расходы, непосредственно связанные с использованием процессов подавления CO_2 ; T_t – ежегодные затраты на топливо (применимо к традиционным источникам энергии); T_{ct} – годовые издержки на энергию и топливо, используемые в процессах подавления CO_2 .

Углеродная эффективность определялась на основе данных МГЭИК (Межправительственной группы экспертов по изменению климата), а также результатов предыдущих авторских исследований [9]. Данный методологический подход основан на учете выбросов всех парниковых газов, возникающих в результате сжигания различных видов топлива в ходе экономической деятельности. Для более удобного применения они в дальнейшем пересчитываются в CO_2 -эквивалент, имеющий размерность кг/кВт. Величины коэффициентов эмиссии обусловлены концентрацией углерода в топливе.

Базовая формула для расчетов следующая:

$$V_{ol} = I_e \times k_c. \quad (2)$$

В данной формуле V_{ol} – текущий объем выбросов CO_2 . Параметр I_e отражает информацию о конкретных подходах, применяемых в энергетическом секторе. k_c представляет собой коэффициент, определяющий уровень эмиссии CO_2 для конкретного вида углеродосодержащего топлива.

Коэффициент использования установленной мощности (КИУМ) был выбран в качестве одного из критериев, поскольку технологические особенности энергоустановок в совокупности с природными особенностями возобновляемых источников энергии часто не позволяют обеспечить реализацию всей установленной энерго-

мощности [5]. Для энергосистем регионов Уральского федерального округа были использованы данные, приведенные в отчете АО «СО ЕЭС России», где содержатся обобщенные сведения для Урала [10]. В отчете указаны следующие величины КИУМ: АЭС – 83,03%, БиоЭС – 60,0%, газовые и угольные ТЭС с технологиями улавливания и консервации CO_2 – 49,84%, СЭС – 13,84%, ВЭС – 6,0%.

Оценка материалоемкости объектов энергетической отрасли была проведена посредством агрегированных показателей МП (материальные затраты). Эти показатели базируются на анализе MIPS (материальные затраты на единицу полезного действия или услуги) [11]. Отдельные категории материальных входов не рассматривались, поскольку при анализе целых отраслей экономики более логично объединить их в интегрированный показатель суммарных МП-чисел.

В работе применялся методологический подход, опирающийся на решение экономико-математической задачи выбора. Рассматриваемые энергоисточники классифицировались по шкале от 1 до 6 баллов. Далее рассчитывалась общая сумма баллов:

$$I_i = \sum_{i=1}^n O_i v_i. \quad (3)$$

При расчете итогового показателя для i -го энергоисточника учитывали несколько факторов. Каждый фактор (i -й параметр) оценивали в баллах (O_i), а также определяли его существенность (v_i). Общее число рассматриваемых параметров обозначается как n .

Значение O_i рассчитывалось на основе следующего уравнения:

$$O_i = Z_i / Z_{\max}, \quad (4)$$

В данном случае Z_i представляет собой значение i -й величины, характеризующей рассматриваемый энергоисточник. $Z_{\max}$, в свою очередь, является верхней границей, то есть наивысшим достижимым значением.

Использование данного методического инструментария позволило установить источники низкоуглеродной энергии в регионах Уральского федерального округа, раз-

витие которых даст возможность получить с наименьшими затратами наибольший экологический эффект.

Важное условие долгосрочного устойчивого развития региона – достижение им социо-эколого-экономической сбалансированности [12]. Требуемые объемы низкоуглеродной энергетики в региональном энергобалансе, позволяющие достичь региону указанной сбалансированности, были выявлены с помощью особой методики. В первую очередь, для определения текущего эколого-экономического баланса исследуемых в работе регионов был применен специализированный показатель. Данный индикатор дает возможность оценить уровень антропогенного прессинга на территорию региона на основе расчета отношения потребляемой в хозяйственной деятельности энергии к существующей способности местных экосистем нейтрализовать негативные последствия, при этом также выраженной в энергетическом эквиваленте. Для расчета индикатора использовалось следующее уравнение:

$$G_i = R^t / A \sum_{i=1}^6 (S_i^R / S_i) k_i. \quad (5)$$

Региональный показатель сбалансированности развития (G_i) определяется на основе следующих параметров: R^t – объем потребляемой регионом энергии в рассматриваемый период; A – суммарная ассимиляционная способность биосферы Земли (около 1,5 ТВт [13]); S_1 – площади, занятые лиственными лесами; S_2 – площади, покрытые хвойными лесами; S_3 – участки, занятые иными типами лесных ландшафтов; S_4 – территории, представляющие ландшафты, не связанные с лесными породами; S_5 – сельскохозяйственные угодья; S_6 – водные поверхности.

S_i^R – это сопоставимые площади ландшафтов в конкретном исследуемом регионе, а k_i – коэффициент, позволяющий отразить вклад каждого рассматриваемого ландшафтного типа в общую ассимиляционную способность территории.

Индикатор не больше 1 отмечается при сбалансированном эколого-экономическом развитии региона. Значение больше 1 свидетельствует о неблагополучии и необходимости введения корректирующих мер. Среднее значение индикатора при взаимодействии всего земного хозяйства и биосферы равно 10. Если в регионе выявлена большая величина индикатора, он обеспечивает особо значимый вклад в развитие общего экологического кризиса.

Важный момент: если индикатор больше 1, его величину можно несколько скор-

ректировать с помощью развития возобновляемых и низкоуглеродных источников энергии. В большинстве случаев возобновляемая и низкоуглеродная энергетика использует уже существующие материальные и энергетические потоки в экосистемах и поэтому не оказывает большого влияния на естественные природные процессы [14, 15]. Путем применения данного явления можно смоделировать требуемую величину развития низкоуглеродных источников энергии с целью достижения региональной эколого-экономической сбалансированности [16].

Результаты исследования и их обсуждение

В качестве базы для исследования были взяты регионы, относящиеся к Уральскому федеральному округу: Свердловская, Курганская и Челябинская области, а также Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

Для вычисления индикаторов баланса были применены статистические сведения о размерах природных зон и преобразованных территорий в изучаемых регионах. Собранные данные послужили основой для расчета индикаторов всех регионов Уральского федерального округа (согласно формуле 2). В свою очередь, это дало возможность выявить желательную величину возобновляемых и низкоуглеродных энергоисточников, необходимых для достижения регионального баланса. Итоги проведенных расчетов отражены в таблице 1.

Далее был осуществлен многокритериальный анализ с использованием экономико-математической задачи выбора, позволивший проранжировать различные источники низкоуглеродной энергии, исходя из их комплексной эффективности, для всех регионов Уральского федерального округа. Анализ был проведен на основе балльной оценки по выбранным критериям. Критерии оценивались по шкале от 1 до 6 баллов, исходя из общего количества низкоуглеродных энергоисточников, которые возможно развивать в регионах УрФО. Максимальная величина баллов, которую способен был получить энергоисточник, – 24 балла. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Окончательные результаты оценки, демонстрирующие потенциал расширения использования разнообразных низкоуглеродных энергетических ресурсов в каждом регионе Уральского федерального округа с учетом достижения экономического и экологического баланса, систематизированы и представлены в таблице 3.

Таблица 1

Уровень сбалансированности развития в регионах
Уральского федерального округа [9]

Регион	Экологическая или ассимиляционная емкость экосистем, ГВт	Энергопотребление хозяйством региона в единицу времени (мощность), ГВт	Региональный индикатор сбалансированности (Gi)	Доля возобновляемой и низкоуглеродной энергетики, когда Gi равен единице, %	Необходимый объем производства возобновляемой и низкоуглеродной энергетики, когда Gi равен единице, млрд кВт
Курганская область	0,67	1,7	2,56	61	1,95
Свердловская область	5,64	14,35	2,54	61	33,97
Тюменская область	2,39	4,81	2,01	50	5,95
Челябинская область	0,94	14,17	15,02	93	26,03
Ямало-Ненецкий автономный округ	10,28	5,25	0,51	–	–
Ханты-Мансийский автономный округ	14,05	22,16	1,58	37	28,67

Примечание: составлено авторами на основе более ранних исследований [9]

Таблица 2

Ранжирование возможных к развитию низкоуглеродных источников энергии
в Уральском федеральном округе с учетом эколого-экономического эффекта

Предпочтительная величина	Предпочтительный параметр	СЭС	ВЭС	БиоЭС	АЭС	Газовые ТЭС с улавливанием CO ₂	Угольные ТЭС с улавливанием CO ₂
0,036	LCOE, долл./ кВт.ч	4	6	5	1	3	2
0,938	Суммарное MI-число, кг/кВт.ч	4	6	5	3	2	1
0	Удельная эмиссия CO ₂ , кг/кВт.ч	6	6	3	6	5	4
83,03 %	КИУМ	3	2	5	6	4	4
Итоговый показатель		17	20	18	16	13	11

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

Исходя из природных условий регионов Уральского федерального округа, установлено, что наибольшим эколого-экономическим эффектом будут обладать ветряные электростанции. Они имеют максимальные показатели по всем трем оцениваемым критериям, в результате итоговый балл приоритета равен 20. Совокупные инвестиционные и эксплуатационные затраты в течение года на их деятельность при условии достижения регионами социо-эколого-экономической сбалансированности составят от 70 млн долл. в Курганской области до 1,22 млрд долл. в Свердловской области, при этом материальная интенсивность

в суммарных MI-числах будет минимальной при полностью отсутствующей эмиссии парниковых газов, а значит, минимальным будет и общее негативное воздействие на природные экосистемы. Биоэнергетика и солнечные электростанции продемонстрировали чуть меньшую комплексную эффективность. В качестве неожиданного факта следует отметить выявленный относительно высокий уровень эффективности ядерной энергетики как низкоуглеродного источника энергии. Ситуация объясняется высокой величиной КИУМ у атомных электростанций, достигающей величины в 83,03 %.

Таблица 3

Эколого-экономические показатели возможности развития
низкоуглеродных источников энергии в регионах Уральского федерального округа

Низкоуглеродный источник энергии	Балл приоритета	LCOE/LCE, долл./ кВт.ч	Необходимые ежегодные затраты при условии достижения эколого-экономического баланса, млрд долл./год	Материальная интенсивность в суммарных МІ-числах, млн т/год	Эмиссия CO ₂ , млн т/год
Свердловская область					
ВЭС	20	0,036	1,22	31,86	0
БиоЭС	19	0,043	1,46	169,51	0
СЭС	17	0,058	1,97	171,58	12,57
АЭС	16	0,155	5,26	2711,31	0
Газовые ТЭС с улавливанием CO ₂	13	0,137	4,65	2739,92	1,66
Угольные ТЭС с улавливанием CO ₂	11	0,083	2,82	2781,46	2,79
Челябинская область					
ВЭС	20	0,036	0,93	24,41	0
БиоЭС	19	0,043	1,12	129,89	0
СЭС	17	0,058	1,51	131,47	9,63
АЭС	16	0,155	4,03	2077,58	0
Газовые ТЭС с улавливанием CO ₂	13	0,137	3,57	2099,5	1,27
Угольные ТЭС с улавливанием CO ₂	11	0,083	2,16	2131,33	2,13
Курганская область					
ВЭС	20	0,036	0,07	1,83	0
БиоЭС	19	0,043	0,084	9,73	0
СЭС	17	0,058	0,11	9,85	0,72
АЭС	16	0,155	0,3	155,64	0
Газовые ТЭС с улавливанием CO ₂	13	0,137	0,27	157,28	0,09
Угольные ТЭС с улавливанием CO ₂	11	0,083	0,16	159,67	0,16
Тюменская область					
ВЭС	20	0,036	0,21	5,58	0
БиоЭС	19	0,043	0,25	29,69	0
СЭС	17	0,058	0,34	30,053	2,2
АЭС	16	0,155	0,92	474,9	0
Газовые ТЭС с улавливанием CO ₂	13	0,137	0,81	479,91	0,29
Угольные ТЭС с улавливанием CO ₂	11	0,083	0,49	487,19	0,49
Ханты-Мансийский автономный округ					
ВЭС	20	0,036	1,03	26,89	0
БиоЭС	19	0,043	1,23	143,06	0
СЭС	17	0,058	1,66	144,81	10,61
АЭС	16	0,155	4,44	2288,29	0
Газовые ТЭС с улавливанием CO ₂	13	0,137	3,93	2312,43	1,4
Угольные ТЭС с улавливанием CO ₂	11	0,083	2,38	2347,5	2,35

Примечание: составлено авторами на основе данных, полученных в ходе исследования.

Газовые и угольные электростанции с технологиями улавливания и консервации CO₂ по большинству оцениваемых критериев показали худший результат, за исключением также относительно высокой величины КИУМ, достигающей значения в 49,84%.

Заключение

В результате проведенной комплексной эколого-экономической оценки было установлено, что большинство регионов Уральского федерального округа, кроме Ямало-Ненецкого автономного округа, находятся в несбалансированном состоянии. Скорректировать сложившуюся негативную ситуацию возможно за счет развития низкоуглеродных и возобновляемых энергоисточников, их доля в энергобалансе регионов в таком случае должна достигнуть величины в 37–93% в зависимости от природных и хозяйственных особенностей региона. При этом наибольшей эффективностью по оцениваемым эколого-экономическим критериям обладает ветряная энергетика. При ее развитии потребуются наименьшие ежегодные инвестиционные и эксплуатационные затраты – 3,46 млрд долл. в совокупности по всем регионам УрФО, а величина материальной интенсивности окажется наименьшей – 90,57 млн т/год в суммарных МП-числах, что в 87 раз меньше, чем у угольных электростанций с технологиями улавливания и консервации CO₂. Эмиссия углекислого газа при этом будет полностью отсутствовать. Чуть меньшая комплексная эколого-экономическая эффективность выявлена у биоэнергетики и солнечных электростанций. Ядерная энергетика не сильно уступила им в комплексной оценке благодаря высокой величине КИУМ. Также КИУМ значительно выше, чем у возобновляемых источников энергии, выявлен у газовых и угольных электростанций с технологиями улавливания и консервации CO₂. В качестве рекомендаций следует отметить, что в настоящее время, при развитии низкоуглеродных источников энергии, для обеспечения устойчивого энергоснабжения требуется предусмотреть определенный уровень баланса между возобновляемыми и традиционными низкоуглеродными источниками энергии.

Список литературы

1. Elizbarashvili N., Meladze G., Yeghyan M., Elizbarashvili R. Geographical indicators of sustainable development and assessment of the impact on the environment // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. № 381. P. 012022. DOI: 10.1088/1755-1315/381/1/012022.
2. Keiko H., Takanori M., Takashi H., Ken-ichi F., Takashi M. Development and application of the renewable energy regional optimization utility tool for environmental sustainability // Renewable Energy. 2016. № 93. С. 548–561. DOI: 10.1016/j.renene.2016.02.051.
3. Proskuryakova L. The Contribution of Low-Carbon Energy Technologies to Climate Resilience // Climate. 2023. № 11. P. 231. DOI: 10.3390/cli11120231.
4. Порфирьев Б.Н., Широв А.А. Стратегии социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов: сценарии и реалии для России // Вестник Российской академии наук. 2022. № 5. С. 415–423. DOI: 10.31857/S086958732205005X.
5. Dvinin D.Yu., Davankov A.Yu. Comprehensive Environmental and Economic Assessment of Low-Carbon Energy Sources // Journal of Applied Economic Research. 2024. Vol. 23. № 3. P. 696–720. DOI: 10.15826/vestnik.2024.23.3.028.
6. Двинин Д.Ю., Даванков А.Ю. Влияние уровня развития альтернативной энергетики на сбалансированность регионов Уральского федерального округа // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 2. С. 265–276. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-2.8.
7. Sklar-Chik M., Brent A., De Kock I. Critical review of the levelised cost of energy metric // South African Journal of Industrial Engineering. 2016. № 27. P. 124–133. DOI: 10.7166/27-4-1496.
8. Fan J., Wei S., Yang L., Wang H., Zhong P., Zhang X. Comparison of the LCOE between coal-fired power plants with CCS and main low-carbon generation technologies: Evidence from China // Energy. 2019. Vol. 176. 143–155. DOI: 10.1016/j.energy.2019.04.003.
9. Двинин Д.Ю., Даванков А.Ю. Влияние альтернативных источников энергии на социо-эколого-экономическую сбалансированность регионов. Челябинск: ЧелГУ, 2022. 126 с. DOI: 10.47475/9785727118245.
10. Анализ показателей балансов электрической энергии и мощности ЕЭС России. АО «СО ЕЭС». М., 2022. 47 с.
11. Liedtke C., Biengen K., Teubler J. Resource Use in the Production and Consumption System. The MIPS Approach // Resources. 2014. № 33. P. 544–574. DOI: 10.3390/resources3030544.
12. Даванков А.Ю., Двинин Д.Ю., Мальцев Ю.Г. Моделирование уровня сбалансированности социо-эколого-экономической системы региона при переходе к альтернативной энергетике // Управление в современных системах. 2021. № 2 (30). С. 3–12. DOI: 10.24412/2311-1313-30-3-12.
13. Gorshkov V.G., Makarieva A.M. Key ecological parameters of immobile versus locomotive life // Russian Journal of Ecosystem Ecology. 2020. № 5. P. 1–18. DOI: 10.21685/2500-0578-2020-1-1.
14. Ковалева Н.О., Столпникова Е.М. Экология: жизнь в «неустойчивой биосфере» // История и современность. 2022. № 4 (46). С. 58–80. DOI: 10.30884/iis/2022.04.04.
15. Guo H. Case study analysis of low-carbon economy // Advances in Economics Management and Political Sciences. 2023. № 63. 249–255. DOI: 10.54254/2754-1169/63/20231431.
16. Мальцев Ю.Г., Султанов Б.Р. Исследование социо-эколого-экономической сбалансированности регионов РФ // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 6-1. 110–115. DOI: 10.17513/vaael.2253.

УДК 332.142:330.34
DOI

ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ АГЛОМЕРАЦИЙ РЕГИОНА

¹Косинский П.Д., ²Харитонов А.В.

¹ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»,
Кемерово, e-mail: krishtof1948@mail.ru;

²Кемеровский научно-исследовательский институт сельского хозяйства – филиал
ФГБУН Сибирский федеральный научный центр агробиотехнологий
Российской академии наук, Кемерово

Цель научного исследования – выявление проблем формирования и функционирования территорий опережающего роста социально-экономического развития как инструмента диверсификации экономики моногородов, входящих в агломерации региона. Данный инструмент рассматривается как наиболее эффективный, повышающий предпринимательскую активность. Придает территориальному развитию новое качество за счет создания привлекательных условий потенциальным инвесторам, готовым осуществлять реализацию проектов на территориях опережающего социально-экономического развития. Создание территорий опережающего социально-экономического развития являет собой форму инновационного подхода к развитию территорий опережающего социально-экономического развития, способствующего привлечению инвестиций в регион. В результате проведенного исследования выявлено, что на территориях уделяется недостаточное внимание трудовым ресурсам, слагаемому элементу, обеспечивающему эффективность проектов, реализуемых резидентами территорий опережающего социально-экономического развития. Несмотря на льготные условия по налогообложению для резидентов территорий опережающего социально-экономического развития, количество их незначительно вследствие низкого качества, характеризующего деловую среду. В финансовой сфере значительного улучшения также не наблюдается. Бюджеты муниципальных образований, на которых образованы территории, не претерпели изменений в части увеличения доходов за счет собственных источников. Предлагается применение научно обоснованного системного подхода, позволяющего осуществить интеграцию отраслевых подходов, учитывающих все взаимно обусловленные связи, на основе широкого и творческого использования инновационных разработок. Разрабатывая планово-прогнозные направления стратегии развития муниципальных образований, органы муниципальной власти должны, в дополнение к традиционному подходу стратегического планирования, задействовать специфические особенности, характеризующие территориальную организацию местного самоуправления, своевременно реагирующую на изменения, постоянно сопровождающие экономику и социальную сферу муниципального образования.

Ключевые слова: территория опережающего роста, социально-экономическое развитие, диверсификация экономики, моногород, доходы муниципальных образований, агломерация

TERRITORIES OF ADVANCED SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AS A TOOL FOR ECONOMIC DIVERSIFICATION AGGLOMERATIONS OF THE REGION

¹Kosinskiy P.D., ²Kharitonov A.V.

¹Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo,
e-mail: krishtof1948@mail.ru;

²Kemerovo Research Institute of Agriculture – branch of the Siberian Federal Scientific
Center for Agrobiotechnology of the Russian Academy of Sciences

The purpose of scientific research is to identify the problems of the formation and functioning of territories of advanced growth of socio-economic development, as an instrument for diversifying the economy of single-industry towns included in the agglomerations of the region. This tool is considered as the most effective, increasing entrepreneurial activity. It gives territorial development a new quality by creating attractive conditions for potential investors who are ready to implement projects in territories of advanced socio-economic development. The creation of territories of advanced socio-economic development is a form of an innovative approach to the development of a mechanism that contributes to attracting investments to the region. As a result of the study, it was revealed that insufficient attention is paid to labor resources in the territories as a component of ensuring the effectiveness of projects implemented by residents of territories of advanced socio-economic development. Despite the preferential conditions for taxation for residents of territories of advanced socio-economic development, their number is insignificant due to poor quality characterizing the business environment. In the financial sector, there is also no significant improvement. Budgets of municipalities on which territories have been formed have not undergone changes in terms of increasing revenues from their own sources. It is proposed to use a scientifically based system approach that allows integrating industry approaches that take into account all mutually conditioned ties, based on the broad – based and creative use of innovative developments. When developing planning and forecast directions for the development strategy of municipalities, municipal authorities should, in addition to the traditional approach of strategic planning, use specific features that characterize the territorial organization of local self-government, which responds in a timely manner to changes that constantly accompany the economy and social sphere of the municipality. Despite the preferential conditions for taxation for residents of territories of advanced socio-economic

development, their number is insignificant due to poor quality characterizing the business environment. In the financial sector, there is also no significant improvement. Budgets of municipalities on which territories have been formed have not undergone changes in terms of increasing revenues from their own sources. It is proposed to use a scientifically based system approach that allows integrating industry approaches that take into account all mutually conditioned ties, based on the broad – based and creative use of innovative developments. When developing planning and forecast directions for the development strategy of municipalities, municipal authorities should, in addition to the traditional approach of strategic planning, use specific features that characterize the territorial organization of local self-government, which responds in a timely manner to changes that constantly accompany the economy and social sphere of the municipality.

Keywords: territory of advanced growth, socio-economic development, diversification of the economy, single-industry town, incomes of municipalities, agglomeration

Введение

В современной России множество моногородов, которые привязаны к одному крупнейшему предприятию в регионе. Если предприятия находятся на стадии разорения, регион может потерять полностью предприятия, на которых могли бы работать жители. Тем самым возрастает уровень безработицы и стоит вопрос о диверсификации экономики в моногородах, входящих в агломерации. Одним из инструментов, позволяющих осуществлять диверсификацию экономики моногородов, выступают территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР).

Функционирование ТОСЭР регулируется правовыми нормами Федерального закона № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29.12.2014. В то же время действие данного инструмента не дает аргументированного ответа на вопросы, в какой степени его результативность характеризует развитие моногорода.

Современные рыночные принципы, реализация которых оказывает углубленное воздействие на российскую экономику, требуют решения довольно значимой проблемы, затрагивающей дальнейшую структурную перестройку региональной экономики субъектов РФ в целом.

Данное обстоятельство предопределяет трансформацию экономики отдельно взятого региона посредством внедрения институциональных механизмов организационно-экономического характера, позволяющих видоизменить ее экономическую структуру и повысить эффективность [1–3]. Достичь этих целей можно путем создания в российских муниципальных образованиях ТОСЭР, через реализацию функций посредством привлеченных инвестиций для воплощения проектов, направленных на трудовые ресурсы, и их активизацию, что значительно повысит экономическую активность предпринимательских структур [3]. «Основой деятельности ТОСЭР являются действующие в них предприятия. От них зависит размер занятости, инвестиционные затраты и кон-

курентоспособность региона, что выражается в доходах государственного бюджета и бюджетов органов местного самоуправления в виде налогов, поступлений в страховые фонды и др.» [4].

В этой связи важной задачей является изучение и анализ социально-экономических эффектов от функционирования ТОСЭР, как инструмента диверсификации экономики и преодоления зависимости моногородов РФ, и выявление проблем в применении данного инструмента государственного регулирования экономики.

Территория опережающего социально-экономического развития – часть территории субъекта Российской Федерации, на которой установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения (Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»).

Территории и их социально-экономическое развитие в современной России характеризуются внутрирегиональными различиями, препятствующими темпам устойчивого экономического роста региона [5].

Сегодня отечественные ученые и практики дискутируют, насколько ТОСЭР дают импульс социально-экономическому территориальному развитию. В данном подходе к территориальному развитию анализ функционирования ТОСЭР позволяет выявить как их преимущества, так и их недостатки, что не дает оснований для снятия этого вопроса с повестки дня.

К преимуществам следует отнести перечень льготных преференций, предоставляемых резидентам ТОСЭР в производстве, как усиление конкурентных преимуществ перед хозяйствующими субъектами, включая градообразующие. Вторым преимуществом является возможность местных органов власти жестко контролировать рабочую силу, ее движение на ТОСЭР.

К числу недостатков относятся: 1) короткая продолжительность льготного налогового периода с пониженными ставками, распространяемыми только на проектно-сметные и строительные работы; льгота заканчивается ко времени запуска предприятия; 2) следующим недостатком, по мнению авторов, серьезно снижающим конкурентоспособность местного бизнеса, является их заведомо проигрышное положение, поскольку они такими льготами, как новые резиденты ТОСЭР, не обладают; 3) законом не установлены четкие гарантии инвесторам, выполняющим социальную ответственность.

Критически оценивая идею создания ТОСЭР, авторы отмечают, что отечественному процессу предшествовал иностранный опыт, в основном в Азиатско-Тихоокеанском регионе, имеющем другие условия, выраженные доступностью к имеющимся ресурсам, культурным, ценностным и ментальным ориентирам, учитываемым правительством каждой из стран, в отличие от российской практики переноса чужого проекта в Россию без соответствующей адаптации, что является стратегической ошибкой [6; 7].

Согласно закону, абсолютным преимуществом должны обладать собственные трудовые ресурсы перед иностранными, что не отражено в качестве приоритета. Кроме того, законом не стимулируются резиденты ТОСЭР за распространение позитивных эффективных результатов реализуемых проектов на остальных территориях региона, что изолирует резидентов от других инвестиционных субъектов. Авторы отмечают, что планируемые проекты, реализуемые ТОСЭР, зависимы от федерального уровня, в то время как работающий местный бизнес не стимулируется на такой территории.

Резюмируя вышеизложенное, главная цель, создаваемая ТОСЭР, состоит в развитии городской экономики и, как следствие, экономики агломерации. Это обусловлено тем, что в рамках агломерации существует развитая транспортная сеть, создана инфраструктура. Требуется инновации со стороны резидентов, что улучшит качественную характеристику производимой продукции, улучшит социальную активность, включая новые рабочие места, их создание, что актуально и своевременно на сегодняшний день. Эту работу следует проводить, учитывая местную отраслевую специфику, работать над адаптацией закона как к запросам крупного бизнеса, так и к потребностям других предпринимательских субъектов, где создаются ТОСЭР.

Цель исследования – выявление проблем формирования и функционирования территорий опережающего роста социально-экономического развития, как инструмента диверсификации экономики моногородов, входящих в агломерации региона.

Материалы и методы исследования

Объект – ТОСЭР Кемеровской области – Кузбасса.

Предмет – территории опережающего социально-экономического развития, как инструмент диверсификации экономики агломераций.

Проведенное исследование базировалось на использовании общенаучных методов познания: логического, сравнительного, экономического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Появление ТОСЭР в сибирских регионах связано с проблемами и необходимостью их решения в моногородах, которые направлены на создание новых рабочих мест, обеспечение притока инвестиций и организацию новых производств. Привлекательными для инвесторов являются предоставление налоговых льгот и инфраструктурные объекты, предоставляемые резидентам государством. Отрицательными факторами для резидентов являются налоговые льготы, ограниченные установленными сроками.

Авторы подчеркивают, что Кузбасс довольно активно решает проблемы моногородов, которые образуют агломерации. Для создания ТОСЭР было подано шесть заявок (октябрь 2015 г.), для таких моногородов, как Юрга, Анжеро-Судженск, Киселевск, Калтан, Прокопьевск, Таштагол. В итоге было одобрено создание четырех ТОСЭР: «Юрга», «Анжеро-Судженск», «Новокузнецк» и «Прокопьевск» [8]. Последние два образования входят в Южную агломерацию муниципальных образований.

Для создания ТОСЭР на территории моногорода или принятия решения о продлении сроков их существования, либо внесения изменений высшее должностное лицо субъекта РФ совместно с главой администрации города представляют в Минэкономразвития РФ заявку на бумажном носителе и в электронном виде.

Резидентам ТОСЭР определен льготный режим по обязательным платежам:

1) снижение на первые 5 лет с 20 до 5 % ставки налога на прибыль и на последующие 5 лет – до 10 %;

2) уменьшаются страховые взносы, отчисляемые в государственные внебюджетные фонды, установленные законодательством, с 30 до 7,6 %;

3) величина имущественного налога юридическим лицам устанавливается следующим образом: в течение первых пяти лет налог не уплачивается, а затем ставка снижается до 50 %;

4) муниципальное образование своим решением может снизить ставку на земельный налог либо полностью отказаться от него.

В качестве резидентов ТОСЭР могут выступать юридические лица, осуществляющие коммерческую деятельность, индивидуальные предприниматели, за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий, финансовых организаций, градообразующих предприятий и их дочерних предприятий (Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»).

Резиденты не обладают правом принимать участие в реализации инвестиционных проектов, предполагающих выпуск подакцизных товаров (кроме легковых автомобилей и мотоциклов); добычу сырой нефти и природного газа; предоставление услуг в области добычи нефти и природного газа; эксплуатацию трубопроводного транспорта; деятельность, связанную с производством нефтепродуктов; лесозаготовку; недвижимое имущество и операции с ним; оптовую и розничную торговлю. (Закон Республики Хакасия от 12 февраля 2020 г. № 01-ЗРХ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Хакасия до 2030 года» (с изменениями на 22 июля 2022 г.)).

Представляя краткую характеристику сформированных в Кузбассе ТОСЭР, авторы отмечают, что ведущее место в экономике занимает промышленность. Промышленный комплекс является многоотраслевым и представлен как тяжелыми отраслями (добыча угля, производство продукции металлургии и химии), так и отраслями, специализирующимися на производстве конечной продукции (производство машин и оборудования, пищевых продуктов, текстильное и швейное производство и др.).

Доля промышленности в валовом региональном продукте Кемеровской области – Кузбасса составляет около 60 %, из них 36 % – добыча угля, 17 % – обрабатывающие отрасли. В Кузбассе ежегодно добывается около 220–250 млн т угля.

Кузбасс является экспортно-ориентированным регионом, на долю которого приходится около 40 % экспорта Сибирского федерального округа. В 2020 г. предприятиями региона экспортировано более 80 видов продукции в 107 стран мира, что составило 56 % общего объема промышленного произ-

водства (Распоряжение Правительства РФ от 6 марта 2021 г. № 556-р «Об утверждении программы социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса до 2024 г.» (с изм. и доп.)).

Основная доля (97,5 %) экспортных операций приходится на предприятия угольной, нефтеперерабатывающей, металлургической и химической промышленности [9–11].

Предоставляемые налоговые льготы в ТОСЭР привлекательны для инвесторов тем, что высвобождаемые средства можно направить в строительство, новые технологии, инновационную продукцию, новые рабочие места и, как следствие, повысить инвестиционную привлекательность.

Это может повлечь строительство новых объектов социальной инфраструктуры, новых жилых домов и районов, повышение уровня жизни города в целом. Также создание новых предприятий позволило решить проблему газификации Анжеро-Судженска. ООО «Анжеро-Судженский мелькомбинат» первым приобрело статус резидента ТОСЭР «Анжеро-Судженск». Инвестиции на строительство составили 25 млн руб. Результатом реализованного проекта стало годовое производство мучной продукции 16,8 тыс. т [8].

В Новокузнецком медцентре планируют развивать направления химиотерапии, позитронно-эмиссионной томографии, оказывать паллиативную помощь. Инвестиции в реализацию проекта оцениваются в 3,9 млн руб. При этом создано 60 новых рабочих мест.

Два новых завода были открыты в апреле 2020 г. в Новокузнецке – Сибирский завод решетчатых опор (ООО «СЗРО») и завод по горячему оцинкованию метизов (ООО «Метиз-НК»). Общая сумма инвестиций – 300 млн руб. Благодаря открывшимся заводам будет создано 73 новых рабочих места. В то время как производственная мощность предприятий составляет 12 000 т решетчатых опор и 3 000 т горячих оцинкованных метизов в год [8].

Учреждение института ТОСЭР без увеличения позитивно повлияло на инвестиционную привлекательность агломераций и, как следствие, на экономику моногорода. ВРП к 2024 г. увеличился в 2,4 раза по отношению к 2016 г. Экономика региона в течение последних пяти лет не претерпела существенных изменений и сохранила сырьевую направленность с незначительным ростом доли перерабатывающей отрасли, к которой относятся сферы, занимающие менее 5 % части ВРП, а также отрасль сельского хозяйства, сфера финансовой деятельности, гостиничный и ресторанный бизнес, строительство и др.

Дальнейшую оценку функционирования авторы представляют на примере

ТОСЭР «Юрга», ставшей первой в Кузбассе территорией такого статуса, с выгодным географическим расположением города. Город Юрга расположен практически равноудаленно от центров трех областей, Кемеровской, Новосибирской и Томской, с общим населением, превышающим 6 млн жителей. Город является удобным местом, где можно расположить транспортно-логистический комплекс и территориально входит в Северо-Кузбасскую агломерацию.

Согласно Постановлению от 7 июля 2016 г. № 641 ТОСЭР «Юрга» (<https://docs.cntd.ru/document/420365814>) формируется с целью развития г. Юрги, включенного в реестр моногородов, посредством привлечения инвестиций, и создания новых рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующего предприятия ООО «Юргинский машиностроительный завод».

Минэкономразвития РФ в 2016 г. присвоило статус резидента ТОСЭР кузбасскому ООО «Сибирская инвестиционная компания», которая инвестировала в производство рыбной продукции. Основой является радужная форель, которая выпускается в объеме 1 тыс. т по замкнутому режиму водоснабжения и производства. Объемы средств, инвестированных в данный проект, – 1,7 млрд руб., с годовым производством в 3,5 тыс. т продукции, что обеспечивает кузбассовцев и жителей соседствующих регионов экологической рыбопродукцией» [12, с. 24–36].

Московской компанией «Зеленый проект» инвестировано 1,5 млрд руб. в овощное производство, что обеспечило новыми рабочими местами 119 чел. Инвестировано 700 млн руб. в развитие рыбноводческого комплекса.

Изменилась структура инвестиций за 2011–2024 гг., и в долевом отношении инвестиции, затрагивающие здания, сооружения, превысили 60 % в 2024 г., по сравнению с 30 % в 2011 г. Но в то же время сократились с 64 до 35,1 % инвестиции в производство машин, технологического оборудования, транспортных средств и инструментов. Аналогичная ситуация показательна для металлургического производства и приборов бытового назначения. Наряду с этим растут товары, реализуемые через систему оптовой и розничной торговли. Выявленные тенденции характерны для процессов, сопровождающих диверсификацию городской экономики.

Привлеченные частные инвестиции в Юргу превысят 4 млрд руб. к 2025 г. и обеспечат реализацию 27 проектов, направленных на выпуск маломерных судов и газовые котельные, растениеводство. Дополнительно-

ные рабочие места, не связанные с Юрма-шем, являющимся градообразующим предприятием, составили 2,6 тыс.

Авторы отмечают, что финансовое обеспечение бюджета Юргинского городского округа из доходов, формируемых за счет собственных источников за 2013–2023 гг., остались практически без изменений (2229,4 и 2295,4 млрд руб. в 2013 и 2023 гг. соответственно). При этом бюджетный дефицит снизился за анализируемый период с 36,2 до 19,8 млрд руб. [8].

Финансовая сфера города сегодня остается непростой и характеризуется отрицательным совокупным сальдо градообразующих предприятий, населения, объектов местной промышленности, малого бизнеса, органов МСУ и инфраструктуры. Город не обладает достаточными внутренними источниками, чтобы формировать бюджет без поступлений из вышестоящих уровней бюджетной иерархии, направляемых для выравнивания бюджетной обеспеченности муниципального образования и расходных обязательств.

В свою очередь, сложившаяся ситуация отражается на выполнении муниципальной властью социальных обязательств, включающих финансирование бюджетных учреждений, социальных и жизнеобеспечивающих муниципальных объектов, благоустроительных работ [13; 14]. В таблице приведены данные за 2016–2024 гг., отражающие: развитие среднего и малого предпринимательства, инвестиции в основной капитал, доходы и расходы Юргинского городского округа.

Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что, хотя с момента принятия решения о придании статуса ТОСЭР на территории г. Юрги и произошли положительные качественные изменения по некоторым ключевым показателям развития муниципальной экономики, ожидаемые результаты не оправдались.

Не вселяет оптимизма предпринимательская активность в силу неутешительных условий для ее функционирования. Рассматривая структуру экономики городского округа в 2016–2024 гг., авторы отмечают изменения в большем разнообразии субъектов экономической деятельности. Наряду с этим наблюдается резкое сокращение показателей, характеризующих деятельность градообразующего предприятия, а именно снижение численности работающих на нем, сокращение объема товарной продукции и, как следствие, зависимость от него городской экономики. Следовательно, и монопрофильность городской экономики остается без существенного изменения.

Некоторые индикаторы экономического развития
Юргинского городского округа за 2016–2024 гг.

Перечень индикаторов	Годы			
	2016	2023	2024	2024 г. в % к 2023 г.
¹ Численность населения, тыс. чел.	81 396	78 494	78 009	99,38
² Число субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тыс. чел. населения, ед.	215,1	222,1	209,7	94,42
³ Объемы инвестиций в основной капитал (без учета средств из бюджета) на одного жителя, руб.	16 901	27 649	27 785	100,49
Общий объем инвестиций, млн руб.	1 375,67	2 170,28	2 167,48	99,87
^{4, 5, 6} Доходы бюджета, млн руб.	2 253,27	6 596,5	5 617,7	85,16
Собственные источники налоговых и неналоговых доходов, %	42,6	13,2	15,4	116,67
Средства безвозмездных перечислений от других бюджетов, млн руб.	1 605,3	5 795,3	4 503,24	77,71
⁶ Объемы расходов, млн руб.	2 352,35	6 495,5	5 852,7	90,1
Дефицит/профицит бюджета, %	– 4,2	1,6	–4,0	х

Источник: составлено авторами на основании:

¹ URL: https://города-россия.рф/sity_id.php?id=206 (дата обращения: 25.07.2025);

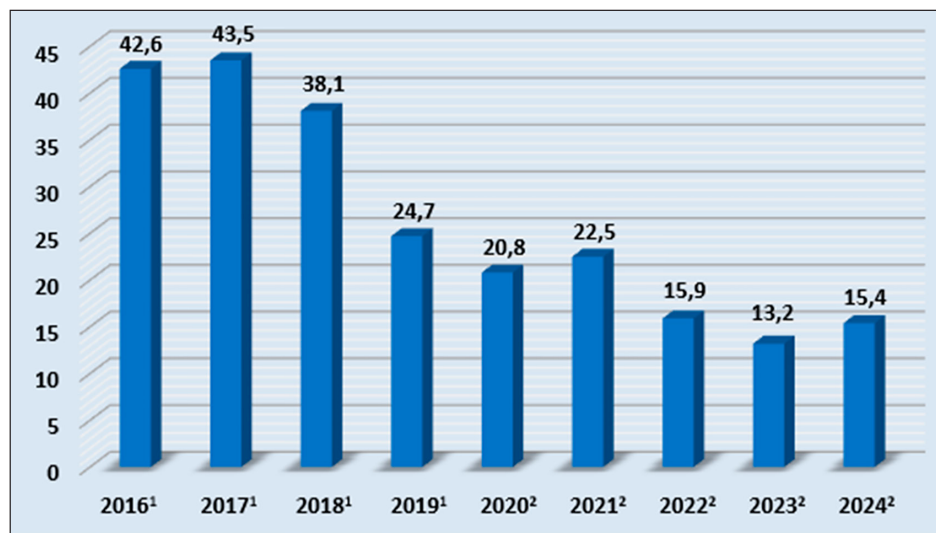
² URL: https://ako.ru/upload/medialibrary/5fb/result_monitoring_deyat_oms_2017.pdf (дата обращения: 25.07.2025). С. 35, 37;

³ URL: <https://ako.ru/upload/medialibrary/2d4/vho1vlzt1nprazvefh252hz2xcnt4qbw/> (дата обращения: 25.07.2025). С. 41, 43;

⁴ Юргинский городской Совет народных депутатов, решение № 260 от 28.12.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/7510509/> (дата обращения: 25.07.2025);

⁵ Постановление Городского Совета депутатов № 552 от 2 февраля 2023 г. «О внесении изменений в бюджет Юргинского городского округа на 2023 год» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ofukem.ru/urggf/budget/resheniya23525/> (дата обращения: 25.07.2025);

⁶ Решение Юргинского городского Совета народных депутатов от № 62 от 27 декабря 2023 г. «Об утверждении бюджета Юргинского городского округа Кемеровской области – Кузбасса на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW284&n> (дата обращения: 25.07.2025).

Динамика изменения доходов бюджета Юргинского городского округа
Кемеровской области за счет собственных средств, %

Источник: составлено авторами на основании:

¹ URL: https://ako.ru/upload/medialibrary/5fb/result_monitoring_deyat_oms_2017.pdf (дата обращения: 25.07.2025). С. 75;

² URL: <https://ako.ru/upload/medialibrary/2d4/vho1vlzt1nprazvefh252hz2xcnt4qbw/> (дата обращения: 25.07.2025). С. 81

Оценивая возможности городского округа по наполнению муниципального бюджета, авторы делают выводы, что уровень доходов характеризуется неравномерностью: от 30,1 % в 2014 г. до 20,8 % в 2024 г. Наименьшая обеспеченность собственными доходами наблюдается в 2017–2018 гг. и составляет 10,5 и 11,1 % соответственно (рисунок).

Территориальная близость г. Юрги ко всем видам транспортных коммуникаций и наличие в зоне ТОСЭР аграрных предприятий позволили создать агропромышленный кластер с целью развития пищевой промышленности, позволяющей поставлять горожанам продовольствие. Параллельно образован машиностроительный кластер и организовано производство строительных материалов. За анализируемый период в Юрге были зарегистрированы малые предприятия с производственной направленностью деятельности в количестве 500, в том числе 75 представляют обрабатывающие отрасли. Но, как авторы отмечали выше, это не привело к заметным достижениям в социально-экономическом развитии города. Привлекательность кластерного подхода по отраслевому принципу дает возможность создания новых рабочих мест, диверсификации городской экономики, увеличения численности субъектов налогообложения и роста доходов городского бюджета [15; 16].

Несмотря на обозначенные проблемы в ТОСЭР «Юрга», следует подчеркнуть, что данное образование обладает потенциальными возможностями обеспечения социально-экономического развития города. Разнообразие земельно-имущественных, финансовых, трудовых, информационных ресурсов, которыми располагает муниципалитет, является составной частью социально-экономического развития региона.

Здесь важно задействовать инвестиционные возможности бизнеса и государства, применяя государственно-частное партнерство (муниципально-частное) как механизм, способствующий развитию определенных отраслей экономики, а также формирующий комфортные условия для населения, проживающего на территории городского округа [17–19].

Авторы считают, что повышению эффективности деятельности ТОСЭР могут способствовать следующие решения:

1) для достоверности величины оказываемой поддержки или обоснования лишения статуса ТОСЭР вследствие ее невысокой заполняемости следует законодательно определить порядок оценки эффективности данного института;

2) требуется разработка механизма, который даст возможность отстающим по заполняемости ТОСЭР регионам получать финансирование Фонда развития моногородов, направляемого резидентам, для строительства инфраструктурных объектов;

3) чтобы ТОСЭР смогла достичь устойчивого развития и осуществить строительство объектов коммунальной инфраструктуры, необходимых потенциальным резидентам, следует изменить сроки льготного режима уплаты страховых платежей до пяти лет вместо трех;

4) следует расширить резидентам беззаявительную форму для увеличения перечня, устанавливающего разрешенные виды деятельности, чтобы предотвратить необоснованность ограничений, чтобы потенциальные инвесторы могли руководствоваться факторами экономического и логистического характера;

5) целесообразно создание управляющей компании, являющейся государственным бюджетным учреждением при Правительстве Кузбасса, с целью усиления контроля за реализацией проектов, исключения бюрократической волокиты.

Заключение

Подводя итог, авторы подчеркивают, что, при стратегической значимости реализуемых в рамках ТОСЭР проектов, недостаточное внимание уделяется развитию трудовых ресурсов, являющихся основополагающим элементом, обеспечивающим эффективность региональной экономики, и влечет низкие результаты проектов в рамках не только профильной организации – резидента ТОСЭР, но и агломерации в целом. Данное обстоятельство предопределяет разработку мероприятий, позволяющих корректировать потенциальные инвестиционные проекты для достижения целевых показателей. Применение научно обоснованного системного подхода, позволяющего осуществить интеграцию отраслевых подходов, учитывает все взаимно обусловленные связи на основе широкого и творческого использования инновационных разработок. Создание отраслевых кластеров позволит использовать избыточные производственные мощности и диверсифицировать городскую экономику и, как следствие, увеличит количество субъектов налогообложения и налогооблагаемую базу, повысит доходы местного бюджета. Образование ТОСЭР представляет собой форму инновационного подхода в развитии механизма, способствующего привлечению инвестиций в регион.

Список литературы

1. Строев П.В., Пивоварова О.В., Макар С.В. Стратегическое управление развитием территории опережающего социально-экономического развития // Самоуправление. 2020. № 4 (121). С. 56–63. EDN: EAJDJB.
2. Новоселов А.С. Институциональные аспекты управления региональным и муниципальным развитием // Регион: Экономика и Социология. 2020. № 1 (105). С. 200–232. DOI: 10.15372/REG20200109.
3. Степанов Н.С. Институты развития регионального управления новой модели экономического роста (территории опережающего развития, территории опережающего социально-экономического развития) // Вестник университета. 2023. № 1. С. 106–113. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-1-106-113.
4. Степанов Н.С. Функции территорий опережающего социально-экономического развития по привлечению частного капитала в условиях формирования новой модели экономического роста // Вестник университета. 2022. № 5. С. 177–185. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-5-177-185.
5. Гатауллин Р.Ф., Аслаева С.Ш. Внутрорегиональные различия в социально-экономическом развитии и организация местного самоуправления // Экономика и управление. 2024. № 3. С. 15–21. DOI: 10.34773/EU.2024.3.3.
6. Чертковский А.Р., Миронова М.Н. Территории опережающего развития как мера государственного регулирования социально-экономического развития в Приморском крае // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 7. С. 2563–2580. DOI: 10.18334/ce.17.7.118340.
7. Востриков К.В., Ковтун Б.А. Анализ муниципального управления социально-экономическим развитием территории (на примере Корсаковского городского округа Сахалинской области) // Экономика и предпринимательство. 2023. № 9 (158). С. 603–609. DOI: 10.34925/EIP.2023.158.09.112.
8. Гурова О.Н. Территории опережающего развития в Сибирских регионах: особенности и проблемы // Географический вестник. 2021. № 2 (57). С. 50–64.

УДК 332.1:330.322
DOI

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ESG-РЕШЕНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ДЛЯ ПЕРЕХОДА К ИННОВАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ

Курдюмов А.В., Шеина Е.Г., Мещерягина В.А.

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»,
Екатеринбург, e-mail: kurdyumov@usue.ru

Статья посвящена исследованию роли экологических, социальных и управленческих решений в деятельности промышленных предприятий для перехода к инновационной модели развития. Введение обосновывает эволюцию от концепции корпоративной социальной ответственности к экологическому, социальному и управленческому подходу, который обеспечивает более системное содействие достижению Целей устойчивого развития. Целью исследования является совершенствование теоретико-методических подходов к интеграции экологических, социальных и управленческих факторов в управленческие стратегии предприятий. Методология исследования включает качественный и количественный анализ экологических, социальных и управленческих практик, систематический обзор литературы, классификацию инвестиционных стратегий по охвату Целей устойчивого развития и значимости экологических, социальных и управленческих параметров. Результаты демонстрируют, что достижение Целей устойчивого развития требует кооперации международных организаций, государств, бизнеса и общества. Выявлена ключевая роль предприятий в реализации экологических, социальных и управленческих инициатив, таких как внедрение циркулярной экономики, управление экологическими рисками, социальные программы и антикоррупционные меры. Предложена авторская классификация экологической, социальной и управленческой активности по объектам управления (риски, репутация, инвестиции и др.) и направлениям воздействия (экология, социальная сфера, корпоративное управление). Обсуждение подчеркивает проблему экологической, социальной и управленческой мимикрии («зеленого камуфляжа») и необходимость стандартизации отчетности. В заключение сформулировано определение экологической, социальной и управленческой активности как комплекса мер, направленных на достижение Целей устойчивого развития через улучшение экологических, социальных и управленческих практик. Отмечены барьеры для российских предприятий: недостаток финансирования, сложности преобразования экологических, социальных и управленческих усилий в добавленную стоимость, динамика регуляторных требований. Исследование подтвердило, что экологическая, социальная и управленческая трансформация – критический фактор устойчивого развития, обеспечивающий долгосрочную конкурентоспособность предприятий.

Ключевые слова: ESG-факторы, социально ориентированные инвестиции, устойчивое развитие, инвестиционные проекты, экономическая эффективность, Российская Федерация, управленческие стратегии

USING ESG SOLUTIONS IN THE ACTIVITIES OF INDUSTRIAL ENTERPRISES FOR THE TRANSITION TO INNOVATIVE DEVELOPMENT

Kurdyumov A.V., Sheina E.G., Mescheryagina V.A.

Ural State Economic University, Yekaterinburg, e-mail: kurdyumov@usue.ru

This article is devoted to studying the role of environmental, social, and governance solutions in the activities of industrial enterprises for the transition to an innovative development model. The introduction substantiates the evolution from the concept of Corporate Social Responsibility to the environmental, social, and governance approach, which provides more systematic support for achieving the Sustainable Development Goals. The purpose of the research is to improve theoretical and methodological approaches to integrating environmental, social, and governance factors into the management strategies of enterprises. The research methodology includes qualitative and quantitative analysis of environmental, social, and governance practices, a systematic literature review, and the classification of investment strategies by the scope of the Sustainable Development Goals and the significance of environmental, social, and governance parameters. The results demonstrate that achieving the Sustainable Development Goals requires the cooperation of international organizations, states, businesses, and society. A key role of enterprises in implementing environmental, social, and governance initiatives has been identified, including the introduction of a circular economy, management of environmental risks, social programs, and anti-corruption measures. An original classification of environmental, social, and governance activity is proposed by management objects (risks, reputation, investments, etc.) and areas of impact (environment, social sphere, corporate governance). The discussion emphasizes the problem of environmental, social, and governance mimicry ("greenwashing") and the need for standardization of reporting. In conclusion, environmental, social, and governance activity is defined as a set of measures aimed at achieving the Sustainable Development Goals by improving environmental, social, and governance practices. Barriers for Russian enterprises are noted: lack of funding, difficulties in converting environmental, social, and governance efforts into added value, and the dynamics of regulatory requirements. The research confirms that environmental, social, and governance transformation is a critical factor for sustainable development, ensuring the long-term competitiveness of enterprises.

Keywords: ESG factors, socially oriented investments, sustainable development, investment projects, economic efficiency, Russian Federation, management strategies

Введение

Роль бизнеса в обществе начала активно обсуждаться еще до появления идей устойчивого развития и Целей устойчивого развития (далее – ЦУР). М. Friedman (1970) изложил основы концепции корпоративной социальной ответственности (corporate social responsibility, сокращенно CSR) [1]. Именно с тех пор CSR стала обязательным важным элементом управления компанией [2]. Впрочем, с появлением ЦУР стало очевидно, что концепция корпоративной социальной ответственности, которая направлена на повышение корпоративного имиджа и репутации, обладает достаточно ограниченными потенциалом по обеспечению достижения устойчивого развития [3]. Поэтому на смену ей пришла другая концепция, которую можно условно назвать ESG [4]. В рамках данного подхода на уровне компаний содействие реализации достижения ЦУР происходит в форме учета экологических (environmental), социальных (social) и управленческих (governance) факторов в своей деятельности [5].

Идея ESG появилась как реакция на запрос со стороны инвесторов, которые хотели приобщиться к процессу устойчивого развития, но традиционные ранее CSR-активности не давали достаточного уровня информации об усилиях компаний в направлении достижения ЦУР [6]. То есть ESG-активность, по сути, это следующий этап в эволюции ответственной деятельности предприятия, пришедший на смену CSR-активности, когда компании осознают, что прибыль является не единственной ее целью и что нужно учитывать интересы стейкхолдеров.

Цель исследования – совершенствование теоретико-методических подходов к современной деятельности предприятий, направленных на достижение Целей устойчивого развития путем соответствующих управленческих решений, включающих в себя мероприятия по улучшению экологического состояния, социальных отношений и корпоративной ответственности.

Материалы и методы исследования

В ходе исследования был применен комплекс методических подходов, позволяющий провести всесторонний анализ роли ESG-решений в деятельности промышленных предприятий. Во-первых, в качестве теоретической базы был использован систематический обзор отечественной и международной литературы по проблематике устойчивого развития, корпоративной социальной ответственности (CSR) и принципам ESG. Дополнительно были учтены

результаты контент-анализа корпоративных документов (уставов, кодексов этики, ESG- и CSR-отчетности), что позволило выявить глубину интеграции экологических, социальных и управленческих факторов в управленческий процесс.

Результаты исследования и их обсуждение

Учитывая значительное количество вызовов на пути к устойчивому развитию, а также того многообразия задач, стоящих перед достижением ЦУР, очевидно, что усилий главного инициатора, ООН, недостаточно. Это признают и в ООН: в частности, в статье 67 «Повестки дня устойчивого развития до 2030 года» указано, что частная предпринимательская деятельность, инвестиции и инновации являются основными движущими силами производительности, инклюзивного экономического роста и создания рабочих мест, поэтому ООН призывает все предприятия применить свое творчество и инновации для решения проблем устойчивого развития [7].

Поэтому к этому процессу привлечено значительное количество других участников. С целью упорядочения информации относительно участников, чьи усилия способствуют достижению ЦУР, авторами была сформирована табл. 1, в которой определены уровни участия (наднациональные, национальные, локальные), их основных участников и ключевые формы участия, которые ими используются.

Достичь прогресса в реализации ЦУР возможно только при сочетании усилий со стороны всех возможных участников: международных организаций, правительств и неправительственных организаций, а также предприятий и бизнеса.

Результаты проведенного исследования текущей ситуации по прогрессу в достижении ЦУР и их таргетов позволили прийти к однозначному выводу, что успех в этом процессе невозможен без серьезных изменений в организации экономической деятельности.

Это привело к появлению новой модели организации экономики [8]. Она получила название циркулярной экономики – это модель производства и потребления, которая направлена на преодоление глобальных вызовов, таких как изменение климата, утрата биоразнообразия, отходы и загрязнение окружающей среды. Следовательно, преодоление глобальных проблем достигается за счет минимизации отходов и загрязнения за счет использования материалов и активизации усилий по восстановлению природы [9].

Таблица 1

Участники процесса достижения ЦУР

Уровень	Участник	Основные формы участия
Наднациональный	ООН	– Разработка концепции устойчивого развития. – Разработка и внедрение ЦУР. – Мероприятия по достижению ЦУР. – Мониторинг состояния достижения ЦУР
	Глобальный договор ООН	– Обеспечение компаниями учета в своей деятельности ЦУР. – Информационно-методическая поддержка компаний
	Всемирный Банк и Международный валютный фонд	– Финансирование проектов по устойчивому развитию. – Оказание технической помощи. – Помощь в инвестировании.
	Всемирная организации по здравоохранению	– Техническая, методическая, финансовая, организационная помощь странам по вопросам здравоохранения
Национальный	Государства	– Реализация государственной политики с учетом необходимости достижения ЦУР. – Финансирование наднациональных образований, чьи усилия направлены на обеспечение достижения ЦУР
	Академические и исследовательские организации	– Проведение исследований. – Сбор и обработка данных. – Разработка методологий принятия решений. – Разработка рекомендаций по решению проблем ЦУР
	Негосударственные общественные организации	– Мобилизация общества и формирование общественной поддержки. – Экспертные отзывы о тех или иных государственных решениях или мерах по реализации процесса достижения ЦУР. – Общественный контроль за различными уровнями достижения ЦУР
Локальный	Компании	– ESG– активность. – CSR–активность. – Ответственное производство
	Потребители	– Ответственное потребление. – Сортировка отходов. – Использование альтернативной энергетики. – Благотворительность и взносы в организации, способствующие достижению ЦУР (как локальные, так и международные)

Источник: составлено авторами.

В ООН отмечают, что исходя из масштаба и амбициозности ЦУР, их достижение невозможно без активного привлечения к реализации бизнеса и гражданского общества. Именно бизнесу представится ключевая роль в данном процессе [10]. Компании стали уделять больше внимания устойчивому развитию. Одним из объяснений исключительной роли компаний в достижении ЦУР являются результаты последнего исследования общественного мнения относительно институтов, которые вызывают доверие у клиентов и работников. Среди таких институтов, как государство, СМИ, неправительственные учреждения и компании, только последние воспринимались как этические и компетентные одновременно (рис. 1).

Компании, в свою очередь, демонстрируют готовность к сотрудничеству и заинтересованность в участии в достижении ЦУР. Так, в сентябре 2024 г. более 1300 руководителей компаний из более чем 100 стран мира собрались вместе, чтобы подписать совместное заявление, в котором они обязались:

- демонстрировать этическое лидерство и надлежащее управление;
- инвестировать в решение проблем неравенства и несправедливости;
- сотрудничать с ООН, правительствами и гражданским обществом с целью достижения ЦУР.

Устоявшегося определения понятия ESG-активность и классификации ESG-факторов на сегодня не существует, поэтому этот вопрос требует дополнительного изучения.

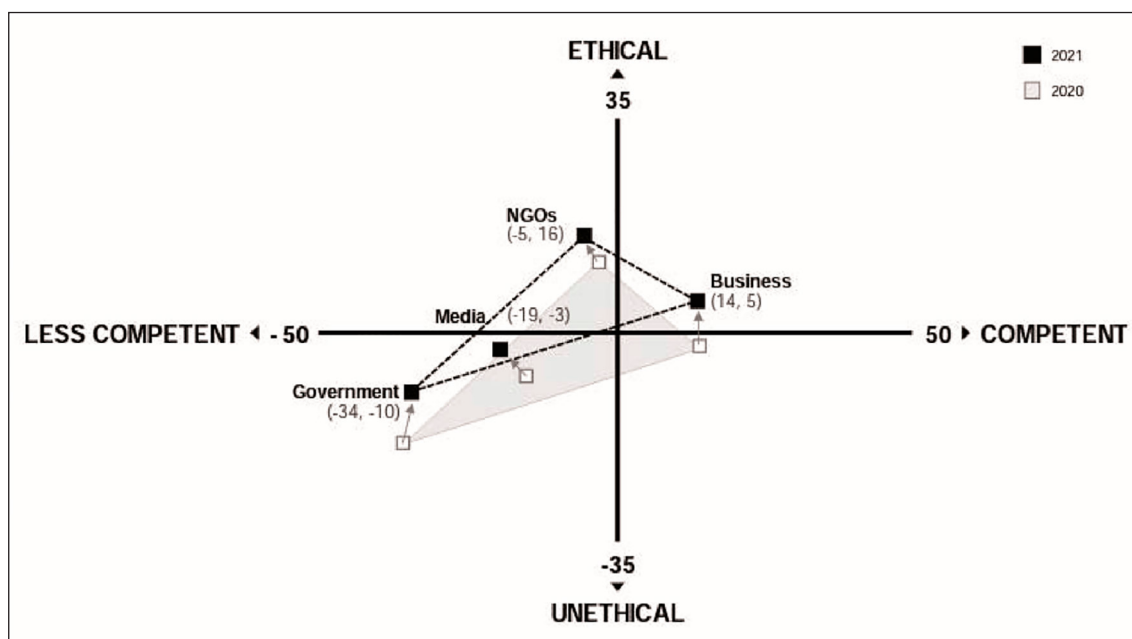

Рис. 1. Барометр доверия Эдельмана

Примечание. График представляет двумерную систему координат, где горизонтальная ось показывает уровень компетентности институтов (от «менее компетентный» слева до «компетентный» справа), а вертикальная ось отражает уровень этичности (от «неэтичный» внизу до «этичный» вверх). На графике размещены четыре основных социальных института: правительство, СМИ, НПО (неправительственные организации) и бизнес. Каждый институт представлен двумя точками – светлой (данные 2020 г.) и темной (данные 2021 г.). Правительство (-34, -10) находится в левой нижней части графика, что означает низкую оценку как по компетентности, так и по этичности. СМИ (-19, -3) расположены в левой части с нейтральной этичностью. НПО (-5, 16) находятся в верхней левой части – высокая этичность, но низкая компетентность. Бизнес (14, 5) единственный располагается в правой верхней части графика, что означает одновременно высокую компетентность и высокую этичность. Цифры в скобках показывают конкретные значения по каждому параметру для 2021 г. Серые области на графике показывают динамику изменений между 2020 и 2021 гг. Таким образом, график демонстрирует, что из всех исследованных институтов только бизнес воспринимается общественностью как одновременно компетентный и этичный. Составлено автором по [11]

Авторами были проанализированы подробнее ключевые составляющие ESG-активности предприятия:

- экологические факторы относятся к влиянию компании на окружающую среду, например, ее углеродный след, использование воды и методы обращения с отходами;
- социальные факторы учитывают влияние компании на ее сотрудников, клиентов, поставщиков и сообщества, в которых она работает. Это включает в себя такие вопросы, как отношения с сотрудниками, обеспечение прав человека, участие в общественной жизни и безопасность продукции;
- управленческие факторы оценивают внутреннее управление компанией и надзор, включая структуру руководства, вознаграждение руководителей и права акционеров, а также прозрачность компании, ее толерантность к коррупции.

Исследуя теоретические основы ESG-активности, авторами было проведено

раскрытие следующих аспектов: мотивация компаний, управленческий инструментарий и прозрачность, включая оценку влияния ESG-активности на достижение ЦУР [12]. Начиная с мотивации, авторы отметили, что с позиции классической экономики ESG-активность – это расходы, к которым есть сомнения относительно возможности их компенсации в виде получения дополнительных доходов [13]. То есть по умолчанию это убыточная активность. По крайней мере, такое восприятие ESG-активности может быть при поверхностном изучении вопроса. ESG-активность компании целесообразно разделить по составляющим элементам (e, s, g), а в качестве отдельного блока выделить мероприятия по ESG-информированию (коммуникация компании с миром и стейкхолдерами, целью которой является предоставление информации обо всех своих ESG-усилиях).

Таблица 2

Десять принципов Глобального договора ООН

Сфера	Принцип	Описание
Права человека	Поддержка и уважение защиты международно провозглашенных прав человека	Компании должны не только соблюдать права человека, но и активно поддерживать их и способствовать развитию путем основной бизнес-деятельности, соответствующих социальных инвестиций, благотворительной деятельности, а также поддержки сторонних проектов по данному направлению
	Компании должны убедиться, что они не являются соучастниками нарушений прав человека	Компании могут быть причастны к нарушениям прав человека со стороны других компаний или государственных органов. С целью недопущения этого в рамках компаний должны разрабатываться соответствующие меры, по мониторингу соблюдения прав человека
Труд	Поддержка свободы ассоциаций и эффективное признание права на ведение коллективных переговоров	Создание ассоциаций на основе свободного выбора и без принуждения и осуществление коллективных переговоров дают возможности конструктивного диалога между рабочими и работодателем, определить и устранить проблемы во взаимных отношениях
	Ликвидация всех форм принудительного и обязательного труда	Принудительный труд даже при условии вознаграждения за него является нарушением базовых прав человека, что создает предпосылки для неэффективного использования трудовых ресурсов и снижения производительности труда
	Эффективная отмена детского труда	Поскольку детский труд – это одна из форм эксплуатации, нарушающая базовые права человека, в международных документах присутствует регуляция в отношении данного аспекта, и компании должны ее соблюдать с целью недопущения детского труда
	Устранение дискриминации в сфере занятости и занятий	Отсутствие дискриминации в сфере занятости означает обеспечение выбора работников на основании объективных критериев, которые в первую очередь касаются их компетенции и способности выполнять работу, и сознательное избегание компаниями разного рода исключений или преимуществ
Окружающая среда	Поддержка осторожного подхода к экологическим вызовам	Осторожный подход в первую очередь предполагает учет возможных негативных экологических последствий от тех или иных действий компании. Ключевой концепт в данном контексте – профилактика вместо борьбы с последствиями
	Инициатива по содействию большей экологической ответственности	Бизнес несет ответственность за свою деятельность и за то, чтобы она не наносила вреда окружающей среде. Кроме того усилия нужно направлять на повышение производительности использования ресурсов
	Поощрение развития и распространения экологически чистых технологий	Компании должны внедрять экологически чистые технологии (разного рода ноу-хау и оборудование, процедуры, товары и услуги), которые должны защищать окружающую среду и способствовать уменьшению загрязнения
Борьба с коррупцией	Борьба с коррупцией во всех ее формах, включая вымогательство и взяточничество	Предполагается, что борьба с коррупцией будет происходить в трех измерениях: внутренний (антикоррупционные политики и меры компании), внешний (отчетность о собственных антикоррупционных усилиях), коллективный (сочетание антикоррупционных усилий с другими заинтересованными субъектами)

Источник: составлено авторами.

По своей сути и форме ESG-активность компании очень разнообразна, начиная от установки очистных сооружений для снижения выбросов, заканчивая созданием антикоррупционной политики предприятия или мерами по обеспечению зарплатного равенства в компании [14]. Поэтому авторами была проведена первичная систематизация видов ESG-активности по определенным критериям с последую-

щей их классификацией. Наиболее очевидным подходом к классификации ESG-усилий компании является распределение их по всем 17 ЦУР. Такой подход позволяет максимально наглядно продемонстрировать усилия компании в достижении ЦУР. Ответность в таком случае также имеет очевидные преимущества, поскольку дает четкое представление о том, что именно и в контексте какой цели устойчивого раз-

вития было сделано [15]. Еще один вариант – использовать 10 принципов Глобального договора ООН. По данному подходу ESG-усилия компании можно распределить по четырем группам: права человека, труд, окружающая среда и борьба с коррупцией. В рамках каждой из этих групп выделены подгруппы соответственно разработанным принципам (табл. 2).

Альтернативным вариантом классификационного признака является разделение ESG-усилий на две группы: прямого действия и информационной направленности. Соответственно, усилия из первой группы предусматривают активность, непосредственно направленную на достижение ЦУР, а вторая группа – это усилия, направленные на информирование стейкхолдеров, государства, сверхдержавных образований в форме отчетности, соответствующих публикаций относительно реализованных мероприятий из первой группы.

Потенциально перспективным подходом к классификации может быть разделение ESG-усилий на внутренние и внешние. Внутренняя ESG-активность предусматривает действия, направленные на обеспечение ЦУР и принципов устойчивого развития внутри компании (соответствующая организация труда на предприятии, политики компании по борьбе с коррупцией, меры недопущения дискриминации и т.д.). Внешняя ESG-активность – это мероприятия, реализация которых направлена на получение эффектов устойчивого развития, касающихся не только компании (улучшение экологии, благотворительная деятельность, взаимодействие с государственными органами и т.д.).

Логично также разделение усилий ESG по функциональному принципу. Авторами исследования имелись в виду классические функции управления: планирование, организация исполнения, мотивация, контроль. Соответственно, ESG-активность классифицировалась в разрезе этих функций.

Анализ академической литературы и корпоративной практики позволил авторам выделить следующие мотивы для компаний по внедрению ESG-активности. Авторы классифицировали мотивы по объектам управления: стейкхолдеры, инвестиционная привлекательность, риски, репутация, расходы, конкуренция и т.п. Результаты представлены в табл. 3.

Авторами исследования было отмечено, что кроме указанных выше мотивов, которые можно преимущественно отнести к внутренним, поскольку они касаются того или иного аспекта управления предприятием, существуют еще и внешние стимулы. В первую очередь речь шла о государственном регулировании,

например, в сфере экологии или охраны труда. Кроме того, определенное давление компании могут испытывать извне от разного рода активистов, которые могут подталкивать к внедрению определенных элементов ESG-активности. Впрочем, наиболее удобным, исходя из акронима ESG, является разделение ESG-активностей на три базовые группы: экологические (environmental), социальные (social) и управленческие (governance). На рис. 2 приведено распределение ESG-активностей с учетом базовых объектов.

Что касается конкретных направлений ESG-активности, то они приведены в табл. 4.

Впрочем, лишь активных действий недостаточно для успеха, поскольку стейкхолдеры могут о них просто не знать. В то же время, исходя из факторов мотивации компании к ESG-активности, именно стейкхолдеры являются базовым стимулом для внедрения такого рода мероприятий. То есть информационная коммуникация является важнейшим элементом ESG-активности предприятия. Основными видами коммуникации являются публикация ESG-отчетности, размещение соответствующих сообщений на корпоративном сайте, в прессе и медиа, проведение маркетинговых мероприятий и рекламных кампаний, попадание в разного рода ESG-рейтинги, листинг в ESG-индексах и т.п. Следовательно, ведущая роль в ESG-коммуникациях отводится ESG-отчетности, ведь она является средством фиксации, сбора, аккумуляции и распространения ESG-данных.

Несмотря на важность ESG-активности, на сегодняшний день отсутствует устоявшаяся трактовка данного термина. Авторами исследования было выявлено, что некоторые недобросовестные компании этим пользуются. Такие практики можно условно совместить в рамках термина ESG-мимикрии, и примерами здесь могут быть green washing, blue washing, impact washing, pinkwashing, woke washing и т.п. Их цель – имитация облика ESG-активности, начиная от усилий, направленных на улучшение экологии (green washing), заканчивая видимостью создания социального воздействия (impact washing) или социальной справедливости (woke washing).

Проблема ESG-мимикрии стала настолько серьезной, что регуляторы были вынуждены вмешиваться в те сферы, где, казалось бы, формально активность носит добровольный характер. Показательным кейсом является скандал вокруг ESG-мимикрии со стороны Deutsche Bank, который «озеленил» под \$1 трлн активов. Это стало возможным благодаря тому, что определение ESG-активности отсутствует даже у регуляторных органов.

Таблица 3

Классификация мотивов ESG-активности предприятия по объектам управления

Объект управления	Мотивация ESG-активности
Взаимоотношения со стейкхолдерами	ESG-активность выводит коммуникацию и взаимодействие компании со стейкхолдерами (работниками, инвесторами, клиентами, контрагентами, государством и т.д.) на качественно новый уровень, позволяя строить долгосрочные отношения, основанные на доверии и общих ценностях
Риски	Занимаясь ESG-активностью, предприятия в процессе изучают собственные риски в экологической, социальной сферах в сфере корпоративного управления, а также прилагают усилия по управлению этими рисками. Как следствие – уменьшение целого ряда рисков в деятельности компаний (например, риск нарушения прав человека, нарушения цепи поставок, гендерного неравенства и т.д.). В итоге ESG-ориентированные компании более устойчивы к кризисным явлениям
Репутация	Распространение информации компаний о приверженности концепции устойчивого развития и активности в достижении ЦУР создает положительный имидж в глазах общества, контрагентов, клиентов, государства и т.д. То есть инвестиции в ESG-активность – это инвестиции в собственную репутацию
Расходы	Несмотря на то, что подавляющее количество ESG-активностей по своей сути являются затратными и не предусматривают прямого экономического эффекта, есть виды, которые всецело способствуют получению долгосрочных финансовых результатов. Например, мероприятия по энергоэффективности, управлению отходами и пр. позволяют оптимизировать расходы компаний и повысить ее эффективность в целом
Конкуренция	ESG-активность позволяет компании выделиться на фоне конкурентов и получить дополнительное преимущество. Клиенты склонны отдавать предпочтение компаниям, занимающимся ESG-активностью, поскольку таким образом ощущают свой вклад в процесс достижения устойчивого развития
Инвестиции	ESG-инвестирование в последнее время переживает настоящий бум: принципы ответственного инвестирования в настоящее время подписали более 2300 институциональных инвесторов, которые имеют активы в управлении более 89 трлн долл. США, а ESG-инвестиции в 2024 г. выросли примерно до 7 трлн долл., причем прогнозируется, что до 2030 г. их объем может вырасти до 30 трлн долл. Компаниям, занимающимся ESG-активностью, значительно легче привлечь средства на финансовых рынках, а их акции чувствуют себя значительно лучше из-за повышенного спроса на них, чем акции традиционных компаний. Одним из последствий повышенного спроса со стороны инвесторов является, например, снижение затрат на привлечение капитала, а также в целом лучшие условия финансирования
Персонал	ESG-активность может выступать в качестве дополнительного аргумента, почему работнику стоит работать именно у этой компании (это касается как тех, кто уже работает, так и тех, кто только решает, стоит ли ему прибегать к коллективу компании или нет). Активное вовлечение компаний в процесс достижения ЦУР, как правило, положительно влияет на моральный дух и производительность сотрудников. Да и сама ESG-активность предполагает постоянное развитие персонала и создание максимально комфортных условий для работы
Инновации	ESG-активность требует трансформации существующих процессов и продуктов компании в соответствии с требованиями устойчивости и выступает в качестве стимула к инновациям и разработке новых продуктов, что в свою очередь открывает новые рыночные возможности и ниши
Комплаенс	ESG-активность позволяет обеспечить соответствие целому ряду нормативных и регуляторных требований, например, в сфере экологии или охраны труда, что снижает вероятность нарушения требований законодательства и позволяет избежать связанных с этим проблем, включая репутационный ущерб
Результаты деятельности	ESG-активные компании демонстрируют лучшие финансовые результаты в целом, чем традиционные компании. Это связано как с лучшим внутренним климатом в компании, так и с более лояльными клиентами
Коррупция	По данным ООН, потери от коррупции превышают 1 трлн долл. и могут достигать до 17% ее ВВП. Борьба и недопущение коррупции являются важными элементами ESG-активности компании

Источник: составлено авторами.

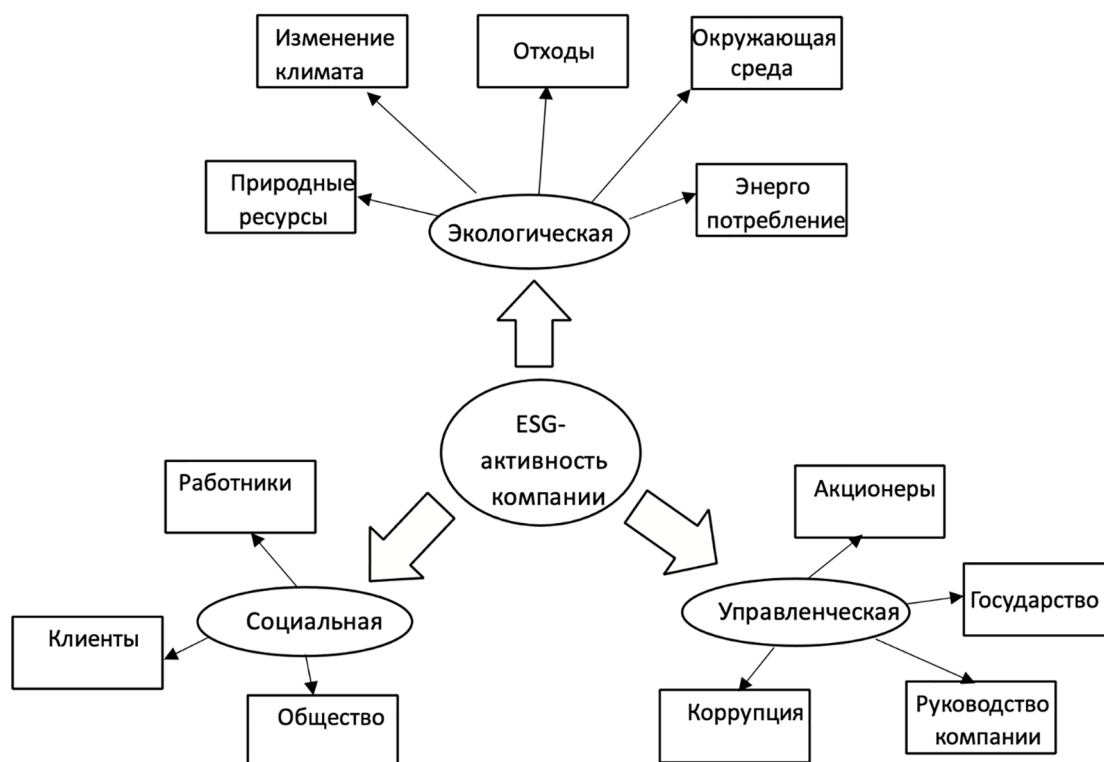

Рис. 2. Базовые объекты, на которые направлена ESG-активность компании
Источник: составлено авторами

Таблица 4

Типология ESG-активности компаний

Группа активностей	Объекты воздействия	Направления активностей
Экологические	– Природные ресурсы. – Климатические изменения. – Отходы. – Окружающая среда	– Устойчивое использование земли. – Ответственное использование природных ресурсов. – Мероприятия по обеспечению энергоэффективности и использованию возобновляемой энергетики. – Управление отходами. – Мероприятия по уменьшению загрязнения окружающей среды. – Упрощение упаковки продукции и повторное использование как продукции, так и упаковки. – Уменьшение использования пластика
Социальные	– Работники. – Клиенты. – Сообщество	– Мероприятия по обеспечению соблюдения прав человека. – Контроль за условиями труда. – Управление отношениями с работниками. – Управление отношениями с клиентами. – Мероприятия по поддержке женщин. – Контроль за использованием детского труда. – Разработка и реализация программ трудоустройства людей с инвалидностью
Управленческие	– Акционеры. – Государство и его органы. – Коррупция. – Правление	– Недопущение и борьба с коррупцией и взяточничеством. – Обеспечение прав акционеров. – Управление отношениями с государственными органами, в частности налоговой. – Создание прозрачного совета директоров. – Разработка политик и нормативных актов компании по этическому управлению

Источник: составлено авторами.

Заключение

По результатам проведенного исследования и анализа авторами было предложено собственное видение термина ESG-активность: ESG-активность – это все виды деятельности предприятия, направленные на достижение Целей устойчивого развития путем соответствующих управленческих решений, включающих в себя мероприятия по улучшению экологического состояния, социальных отношений и корпоративной ответственности. В проведенном исследовании получили развитие научно-методические основы организации ESG-активности предприятия, в частности авторами была предложена оригинальная классификация мотивов ESG-активности по объектам управления (взаимоотношения со стейкхолдерами, риски, репутация, расходы, конкуренция, инвестиции, инновации, персонал, комплаенс, результаты деятельности и коррупция), векторами направления усилий (права человека, труд, окружающая среда и борьба с коррупцией), что позволило систематизировать имеющиеся значения мотивов и направлений ESG-активности предприятий.

Основными проблемами на пути к ESG-трансформации российских компаний являются недостаточное финансирование, неспособность преобразования результатов ESG-активности в ценность для компании, регулярные изменения законодательных норм, отсутствие адекватной оценки ESG-усилий компаний.

Подводя итоги, авторы отметили, что достижение Целей устойчивого развития является результатом коллективных усилий наднациональных, национальных и локальных участников. Ведущую роль при этом играют предприятия. Это, в свою очередь, генерирует принципиально новые вызовы для компаний. На сегодняшний день недостаточно быть сконцентрированным на росте доходов и объемах реализации и производства, оптимизации расходов и управления прибылью. Современное предприятие должно осуществлять ESG-активность, то есть корректировать свои действия, исходя из необходимости обеспечения прогресса в достижении ЦУР. С одной стороны, это может быть вызвано государственным регулированием и ограничениями, а с другой стороны, является полностью добровольной активностью, на которую компании соглашаются через запрос стейкхолдеров. ESG-активность включает в себя комплекс мероприятий, начиная от разработки ESG-стратегии и реализации конкретных мероприятий, заканчивая коммуникациями со стейкхолдерами по поводу ESG-усилий компании.

Список литературы

1. Емельянова Э.С., Васильев Л.А. Стресс-тестирование влияния ESG факторов на компании металлургической отрасли // Федерализм. 2021. Т. 26. № 3 (103). С. 63–74. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-3-63-74.
2. Ермакова А.В. Оценка взаимосвязи социальных ESG факторов с финансовой инвестиционной привлекательностью высокотехнологичных компаний на примере человеческого капитала // Финансовая жизнь. 2024. № 2. С. 44–49. URL: <https://www.flife-online.ru/archive/?id=2206> (дата обращения: 12.04.2025).
3. Авдеева А.И., Ивановская Ж.В. ESG трансформация компаний стран ШОС как фактор достижения глобальной углеродной нейтральности // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № S1. URL: <https://esj.today/38fav124.html> (дата обращения: 25.04.2025).
4. Губайдуллина Т.Н., Глазкова И.Н. Концептуальный подход к ESG оценке как фактору устойчивого развития компании // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. 2023. № 1 (56). С. 5–15. DOI: 10.25686/2306-2800.2023.1.5.
5. Хоружий Л.И., Трясцин Н.А., Джикия М.К., Трясцина Н.Ю. Оценка инвестиционной привлекательности компаний АПК на основе ESG факторов // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2024. № 2. С. 189–202. DOI: 10.26897/0021-342X-2024-2-189-202.
6. Белик И.С., Дуцинин А.С., Никулина Н.Л. Влияние ESG факторов на финансовое состояние и инвестиционную привлекательность российских публичных компаний // Управление. 2022. Т. 13. № 6. С. 44–55. DOI: 10.21638/11701/spbu08.2022.603.
7. Сочнева Е.С., Пувкоева Т.А. Влияние ESG факторов на конкурентоспособность компаний банковского сектора РФ // Новая наука: от идеи к результату. 2024. № 10. С. 130–138.; URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=73534648> (дата обращения: 12.04.2025).
8. Лисовская И.А., Константинов К.Б. ESG отчетность как фактор повышения инвестиционной привлекательности компании // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. 2023. № 1 (56). С. 35–44. DOI: 10.25686/2306-2800.2023.1.35.
9. Иванова Г.Н., Чудиновских И.В., Солдатов А.В. Система менеджмента устойчивого развития – возможна ли она? // Стандарты и качество. 2023. № 9. С. 28–33.
10. Хуторова Н.А., Газизова А.В., Газизов Д.Н. Вклад ESG факторов стратегий российских компаний в инновационном развитии субъектов РФ // Российский экономический интернет-журнал. 2023. № 1. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=52695217> (дата обращения: 12.04.2025).
11. Лисовский А.Л. Переход к устойчивому развитию: эмпирический анализ факторов, мотивирующих промышленные компании к внедрению ESG практик // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2021. Т. 12. № 3. С. 262–272. DOI: 10.17747/2618-947X-2021-3-262-272.
12. Петрушин А.В. Влияние применения ESG факторов на стоимость бизнеса управляющих компаний: мировой опыт // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 12 (150). DOI: 10.60797/IRJ.2024.150.109.
13. Захматов Д.Ю., Валитов Г.Ш. Влияние ESG факторов на рыночную капитализацию российских компаний // Сибирская финансовая школа. 2022. № 3 (147). С. 183–192. DOI: 10.17223/2073-6487-2022-3-183-192.
14. Ночевка А.П., Демина В.И., Корниенко Р.В., Жданова О.А. Влияние ESG факторов на деятельность компании // Финансовая жизнь. 2024. № 2. С. 98–102. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67930995> (дата обращения: 12.04.2025).
15. Батаева Б.С., Карпов Н.А. Влияние факторов корпоративного управления на уровень раскрытия ESG информации российскими публичными компаниями // Управление. 2023. Т. 14. № 3. С. 30–43. DOI: 10.21638/11701/spbu08.2023.303.

УДК 332.1:338.012
DOI

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ ОБРАБОТКИ И УТИЛИЗАЦИИ ОТХОДОВ

Ялунина Е.Н., Матвеева А.И., Потысьев О.Н.

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»,
Екатеринбург, e-mail: yalunina.1979@mail.ru

Статья посвящена исследованию инвестиционной привлекательности организаций в сфере обработки и утилизации отходов в контексте перехода к циркулярной экономике. Инвестиционная привлекательность сектора обработки и утилизации отходов обусловлена растущим вниманием к экологической безопасности, ужесточением законодательства в области обращения с отходами и перспективами внедрения инновационных технологий. Целью исследования является систематизация методов оценки инвестиционной привлекательности деятельности организаций в сфере обработки и утилизации отходов и диагностика инвестиционной привлекательности рыночных субъектов в Свердловской области. Основными методами исследования для решения задач, поставленных в работе, явились общенаучные методы системного анализа и научного обобщения: метод экспертных оценок и аналогий, метод сравнения, расчетно-аналитические методы. В исследовании рассмотрены методы оценки инвестиционной привлекательности деятельности организаций в сфере обработки и утилизации отходов в регионе, в частности метод дисконтированных потоков, оценка рисков, факторы внешней среды, специфические факторы сферы обращения с отходами. Предлагается для оценки инвестиционной привлекательности применять комплексный подход и учитывать предпринимательский климат территории. Оценка текущего состояния деятельности организаций сферы обработки и утилизации отходов Свердловской области позволила определить совокупный потенциал данной территории. Разработанный инструментарий оценки инвестиционной привлекательности универсальный, и его можно использовать не только для предприятий сферы обработки и утилизации отходов, но и для предприятий других отраслей. Разработанные в ходе исследования рекомендации могут быть использованы органами государственной власти, предприятиями отрасли и инвесторами для принятия обоснованных решений по развитию сферы обращения с отходами в Свердловской области.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, циркулярная экономика, показатели, переработка отходов, критерии, технологическая трансформация

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSING INVESTMENT ATTRACTIVENESS ACTIVITIES OF ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF WASTE TREATMENT AND DISPOSAL

Yalunina E.N., Matveeva A.I., Potysev O.N

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, e-mail: yalunina.1979@mail.ru

The article is devoted to the study of the investment attractiveness of organizations in the field of waste treatment and disposal in the context of the transition to a circular economy. The investment attractiveness of the waste treatment and disposal sector is due to the growing attention to environmental safety, stricter legislation in the field of waste management and the prospects for the introduction of innovative technologies. The purpose of the study is to systematize methods for assessing the investment attractiveness of organizations in the field of waste treatment and disposal and to diagnose the investment attractiveness of market entities in the Sverdlovsk region. The main research methods for solving the tasks set in the work were general scientific methods of system analysis and scientific generalization: the method of expert assessments and analogies, comparisons, computational and analytical. The study examines methods for assessing the investment attractiveness of organizations in the field of waste treatment and disposal in the region, in particular, the discounted flows method, risk assessment, environmental factors, and specific factors in the field of waste management. It is proposed to apply an integrated approach to assess investment attractiveness and take into account the business climate in the territory. An assessment of the current state of activity of waste treatment and disposal organizations in the Sverdlovsk region allowed us to determine the total potential of this territory. The developed tools for assessing investment attractiveness are universal and can be used not only for enterprises in the field of waste treatment and disposal, but also for enterprises in other industries. The recommendations developed in the course of the study can be used by government authorities, industry enterprises and investors to make informed decisions on the development of waste management in the Sverdlovsk region.

Keywords: investment attractiveness, circular economy, indicators, criteria, waste recycling, technological transformation

Введение

Инвестиционная привлекательность деятельности организаций в сфере обработки и утилизации в последние годы значительно возросла. Это связано с рядом факторов, включая глобальные экологические вызовы, изменения в законодательстве,

развитие технологий и растущий интерес со стороны инвесторов к устойчивым и социально ответственным проектам. Авторами выделены глобальные экономические тренды, которые необходимо учитывать руководителям организаций с целью повышения эффективности управления рыночным

субъектом в условиях трансформации национальной экономики. К их числу относят следующие: увеличение объемов отходов: рост населения и потребления приводит к увеличению объемов отходов, что создает необходимость в эффективных решениях по их обработке и утилизации; изменение климата: обработка и утилизация отходов способствуют снижению выбросов парниковых газов; циркулярная экономика: переход к модели циркулярной экономики, где отходы становятся ресурсами, стимулирует развитие технологий переработки и повторного использования материалов. В настоящее время с целью внедрения инновационных технологий в деятельность организаций в сфере обработки и утилизации отходов встает вопрос для инвесторов, насколько данные вложения окупятся и принесут экономическую выгоду. Соответственно, вопрос систематизации методов оценки инвестиционной привлекательности деятельности организаций в сфере обработки и утилизации отходов в регионе является актуальным как для инвесторов, так и для управленцев бизнеса. Правильное применение представленных материалов и методов позволит получить объективную оценку инвестиционной привлекательности деятельности организаций в сфере обработки и утилизации отходов и принять обоснованные инвестиционные решения.

Цель исследования – рассмотреть инвестиционную привлекательность как экономическую категорию, систематизировать методы оценки инвестиционной привлекательности деятельности организаций в сфере обработки и утилизации отходов, а также оценить инвестиционную привлекательность данных хозяйствующих субъектов Свердловской области.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось на территории Свердловской области Российской Федерации. Выбор региона обусловлен наличием промышленной инфраструктуры, значительным объемом образующихся отходов и активной деятельностью организаций, занимающихся их обработкой и утилизацией. Исследование охватывает период с 2019 по 2024 г. Выбранный временной интервал позволяет оценить динамику изменения инвестиционной привлекательности отрасли за последние годы и выявить основные тенденции развития. При проведении исследования изучены и взяты за основу труды отечественных авторов в области финансов, экономики, менеджмента и методические публикации, статьи в отечественной периодической печати, финансовая отчет-

ность организаций, бизнес-планы инвестиционных проектов, нормативно-правовая документация, экспертные оценки. В процессе исследования применялись следующие методы: анализ и синтез (использовались для систематизации теоретических знаний и формирования концептуальной модели исследования), статистический анализ (применялся для обработки и анализа статистических данных, расчета показателей инвестиционной привлекательности, использовались методы описательной статистики), экспертные оценки (применялись для оценки факторов, влияющих на инвестиционную привлекательность отрасли, и выявления перспективных направлений развития), метод сравнительного анализа (применялся для сравнения показателей инвестиционной привлекательности отрасли Свердловской области с показателями других регионов Российской Федерации).

Результаты исследования и их обсуждение

На основе анализа литературы классифицированы исследования в области инвестиционной привлекательности деятельности организаций сферы обработки и утилизации отходов. Э.А. Арустамов, В.В. Леонов, А.П. Павлов, И.В. Хомутова, О.И. Челябинка, Е.В. Губанова, Г.М. Квон, Е.Г. Князева, Е.С. Куликова, Е.К. Скворчинский в своих работах подчеркивают актуальность и необходимость развития отрасли, а также акцентируют внимание на социальной значимости темы исследования и считают, что первичен процесс переработки, который является основным импульсом для развития рыночных субъектов [1–3]. А.И. Сухоруков, Е.А. Захарова, О.А. Колоткина, И.Д. Ягофарова рассматривают механизмы государственной поддержки и раскрывают значимость разработанных мер органами государственной власти для функционирования организаций сферы [4, 5]. Л.Г. Егорова, У.Ю. Зубкова, Г.З. Мансуров, Е.А. Разумовская, В.И. Халин отмечают в своих работах в рамках исследований, что нестабильность нормативно-правовой базы и отсутствие механизма отпугивает инвесторов от проектов в сфере обращения отходов [6–8]. В.Ю. Пушкарев, Ю.В. Ермолаева рассматривают деятельность организаций в сфере обработки и утилизации отходов с позиции экономической эффективности и признают данную отрасль потенциальной в долгосрочной перспективе [9, 10]. Таким образом, авторы подчеркивают высокую актуальность темы в связи с растущими объемами образования отходов, ухудшением экологической ситуации и необходимостью

перехода к циркулярной экономике. Отмечается недостаточное развитие отрасли обработки и утилизации отходов в России по сравнению с развитыми странами. Подчеркивается важность привлечения инвестиций для модернизации инфраструктуры, внедрения новых технологий и увеличения объемов переработки отходов. Обозначенные исследователи акцентируют внимание на социально-экономической значимости отрасли, включая создание новых рабочих мест, снижение негативного воздействия на здоровье населения и улучшение качества жизни. Органами государственной власти осуществляется поддержка и регулирование: строгие экологические нормы (во многих странах ужесточаются требования к утилизации отходов, что создает спрос на услуги компаний в этой сфере); субсидии и льготы (государство часто предоставляет налоговые льготы, субсидии и гранты для проектов, связанных с переработкой и утилизацией отходов); расширенная ответственность производителей (РОП) (внедрение принципов РОП обязывает производителей утилизировать свои товары после окончания срока службы, что стимулирует развитие рынка).

Несмотря на растущее осознание экологических проблем и развитие законодательства в сфере обращения с отходами, инвестиционная привлекательность деятельности организаций в сфере обработки и утилизации отходов остается предметом дискуссий среди таких исследователей, как И.Н. Рыкова, С.В. Шкодинский, А.А. Юрьева, Ю.В. Плохих. Критический взгляд авторов на проблему исследования позволяет выявить ряд ограничений, которые необходимо учитывать при оценке инвестиционного потенциала данной отрасли: зависимость от государственной политики и регулирования, высокие капитальные затраты и длительные сроки окупаемости, низкая рентабельность и высокая конкуренция, недостаточная развитость инфраструктуры и логистика (во многих регионах России отсутствует развитая инфраструктура для сбора, сортировки и транспортировки отходов, в частности не хватает специализированных транспортных средств), низкий уровень экологической культуры населения и бизнеса (недостаточная готовность населения к раздельному сбору отходов и низкий уровень экологической ответственности бизнеса снижают объем поступления качественного вторичного сырья на переработку), сложности с привлечением финансирования (денежные посредники и другие финансовые институты часто считают эту отрасль рискованной и предъявляют высокие требования к заемщикам)

[11, 12]. Н.К. Прядилина, И.С. Зиновьева, Е.А. Скворцов, С.А. Шелковников, И.Г. Кузнецова, А.В. Глотко, О.С. Кузьмин, А.Н. Луценко, А.В. Каменчуков, Е.С. Куликова в своих работах констатируют, что стандартные финансовые показатели и методы оценки инвестиционной привлекательности региона часто оказываются недостаточными или неадекватными для отражения специфики и рисков, связанных с исследуемой отраслью. Например, экологические выгоды от переработки отходов, такие как снижение загрязнения окружающей среды и экономия природных ресурсов, часто не находят отражения в финансовых моделях, что приводит к недооценке инвестиционной привлекательности проектов в данной сфере. Социальные выгоды, такие как создание новых рабочих мест и улучшение качества жизни населения, также часто игнорируются при оценке инвестиционных проектов [13–15].

Инвестиционная привлекательность деятельности организаций в сфере обработки и утилизации достигается за счет технологических инноваций, экономической выгоды, социальной ответственности и укрепления репутации. К числу инноваций относят следующие: развитие технологий переработки (появление новых технологий, таких как пиролиз, газификация, биологическая переработка, что позволяет более эффективно и экологично утилизировать); цифровая трансформация (использование IoT, блокчейна и искусственного интеллекта для оптимизации процессов сбора, сортировки и переработки отходов); энергия из отходов (технологии получения энергии из отходов (Waste-to-Energy) становятся все более популярными, так как они решают несколько проблем одновременно: утилизацию отходов и производство энергии); экономическая выгода (рост рынка: рынок переработки и утилизации отходов демонстрирует устойчивый рост, что делает его привлекательным для инвесторов; долгосрочная окупаемость: хотя первоначальные инвестиции могут быть значительными, проекты в этой сфере часто имеют долгосрочную окупаемость благодаря стабильному спросу на услуги); монетизация отходов (пластик, металлы, стекло могут быть проданы как вторичное сырье, что создает дополнительный источник дохода); социальная ответственность и репутация (ESG-инвестиции: все больше инвесторов ориентируются на принципы «экологическое, социальное и корпоративное управление», что делает проекты в сфере утилизации отходов привлекательными; улучшение имиджа компании: участие в экологических проектах помогает компаниям улучшить свою репутацию и привлечь клиентов).

Таблица 1

Методы оценки инвестиционной привлекательности деятельности организаций в сфере обработки и утилизации отходов в регионе

Метод	Экономическое содержание метода	Показатели
1. Финансовый анализ (метод дисконтированных потоков (DCF))	Метод дисконтированных потоков (DCF) – прогнозирование будущих денежных потоков (притоков и оттоков) от инвестиционного проекта (например, строительство завода по переработке отходов) и их дисконтирование к текущему моменту с использованием ставки дисконтирования (учитывающий риск)	1. Чистая приведенная стоимость (NPV) – разница между приведенной стоимостью ожидаемых потоков и первоначальными инвестициями. Положительное значение NPV говорит об инвестиционной привлекательности проекта
		2. Внутренняя норма доходности (IRR) – ставка дисконтирования, при которой NPV равна 0. Если IRR выше требуемой инвестором ставки доходности, проект считается привлекательным
		3. Срок окупаемости – время, необходимое для возврата первоначальных инвестиций за счет денежных потоков от проекта. Более короткий срок окупаемости предпочтительнее
		4. Дисконтированный срок окупаемости аналогичен обычному сроку окупаемости, но учитывает дисконтирование денежных потоков
	2. Анализ рентабельности – оценка прибыльности деятельности организации на основе финансовых отчетов	1. Рентабельность продаж показывает, насколько эффективно организация генерирует прибыль от своей деятельности
		2. Рентабельность активов оценивает, насколько эффективно организация использует свои активы для получения прибыли
		3. Рентабельность собственного капитала показывает доходность инвестиций акционеров
	3. Анализ финансовой устойчивости – оценка способности организации выполнять свои финансовые обязательства в долгосрочной перспективе	1. Коэффициент финансовой независимости (автономии) отражает долю собственного капитала в общей сумме активов
		2. Коэффициент текущей ликвидности показывает способность организации погашать свои краткосрочные обязательства за счет оборотных активов
		3. Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами оценивает, насколько организация обеспечена собственными оборотными средствами
2. Оценка рисков	1. Анализ чувствительности – определение влияния изменений ключевых параметров (например, цены на переработанное сырье, объемов отходов, операционных расходов) на финансовые результаты проекта	1. Коэффициент изменения цен на переработанное сырье
		2. Коэффициент изменения объемов отходов
		3. Коэффициент изменения операционных расходов
	2. Сценарный анализ – разработка нескольких сценариев развития проекта (оптимистический, пессимистичный, наиболее вероятный и оценка их влияния на финансовые показатели. Целью применения данного метода является оценка устойчивости проекта к различным внешним факторам	1. Операционные показатели (объем перерабатываемых отходов, производственная мощность предприятия, загрузка производственных мощностей, количество обслуживаемых объектов). 2. Финансовые показатели (инвестиции в развитие предприятия, затраты на утилизацию, экологический сбор). 3. Показатели эффективности (доля переработанного сырья в новом продукте, коэффициент использования производственных мощностей, норматив утилизации, эффективность сортировки отходов, процент снижения отходов, направляемых на полигон)
	3. Анализ точки безубыточности – определение объема производства (или продаж), при котором организация не получает прибыли и не получает убытков. Цель применения данного метода – оценить минимально необходимый объем деятельности для обеспечения рентабельности	1. Средние удельные затраты на переработку. 2. Средние затраты на обезвреживание отходов. 3. Выручка от продажи ценных компонентов. 4. Средняя цена реализации. 5. Удельная прибыль. 6. Коэффициент извлечения ценных компонентов

Окончание табл. 1

Метод	Экономическое содержание метода	Показатели
3. Факторы внешней среды	1. Политический и правовой анализ – оценка стабильности политической ситуации в регионе, уровня коррупции, эффективности работы органов государственной власти, а также анализ действующего законодательства в сфере обращения отходов	1. Количество программ государственной поддержки в сфере переработки отходов 2. Количество выявленных нарушений экологического законодательства и контроля в регионе 3. Коэффициент изменения тарифов в рамках реализуемой политики в сфере обращения с отходами
	2. Экономический анализ – оценка макроэкономической ситуации в регионе, уровня экономического развития, темпов роста ВРП, уровня инфляции, безработицы и доходов населения	1. Уровень покупательной способности населения (влияет на спрос на продукцию, полученную из переработанных отходов) 2. Численность работников, вовлеченных в деятельность организаций сферы обращения с отходами 3. Уровень развитости инфраструктуры (транспортной, энергетической)
	3. Социальный анализ – оценка общественного мнения по вопросам обращения с отходами, уровня экологической культуры населения, готовности платить за услуги по переработке отходов	1. Количество инициатив в сфере переработки отходов 2. Уровень осведомленности населения о проблемах, связанных с отходами 3. Готовность населения к раздельному сбору отходов
	4. Технологический анализ – оценка уровня развития технологий в сфере переработки и утилизации отходов, доступности нового оборудования и технологий	1. Количество внедренных инновационных технологий за 3 года, позволяющих эффективно перерабатывать различные виды отходов 2. Количество работников, способных обслуживать современное оборудование
4. Специфические факторы сферы обращения с отходами	1. Анализ объемов образования различных видов отходов в регионе, их морфологического состава (бумага, пластик, стекло, металл, органика и т.д.). Необходимо для определения сырьевой базы для переработки	1. Количество источников образования отходов. 2. Номенклатура образующихся отходов. 3. Объем образования отходов по видам. 4. Массовый баланс производства. 5. Удельные показатели образования отходов
	2. Оценка затрат на сбор, транспортировку и хранение отходов. Оптимизация логистики может существенно повысить экономическую эффективность проектов по переработке (логистика отходов)	1. Стоимость услуг специализированных организаций по вывозу отходов. 2. Амортизация помещений хранения. 3. Анализ затрат по статьям калькуляции. 4. Динамика стоимости разных вариантов утилизации по видам отходов
	3. Анализ спроса и предложения на переработанное сырье (вторичное сырье) в регионе и за его пределами. Цены на вторичное сырье существенно влияют на прибыльность проектов по переработке	1. Мониторинг цен на сырье (переработанное и вторичное сырье) в регионе. 2. Объем поисковых запросов (через сервисы Яндекс.Вордстат и др.). 3. Сезонность и динамика запросов
	4. Анализ существующих предприятий по переработке и утилизации отходов в регионе, их мощностей и технологий	1. Количество конкурентов и их доля на рынке. 2. Емкость рынка. 3. Ценовые предложения

Источник: составлено авторами на основе данных Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20180330162519/http://sverdl.gks.ru/> (дата обращения: 25.01.2025).

Инвестиционная привлекательность деятельности организаций в сфере обработки и утилизации отходов сопряжена с вызовами и рисками, в частности высокие капитальные затраты (создание инфраструктуры для переработки и утилизации отходов требует значительных инвестиций); технологические риски (не все технологии переработки являются экономически эффективными или экологически безопасными); регуляторные изменения (изменения в за-

конодательстве могут повлиять на рентабельность проектов).

Оценка инвестиционной привлекательности деятельности организаций в сфере обработки и утилизации отходов в регионе – это комплексная задача, требующая учета различных факторов. Авторы предлагают методы оценки инвестиционной привлекательности деятельности организаций в сфере обработки и утилизации отходов в регионе и их экономическое содержание (табл. 1).

Таблица 2

Инвестиционная привлекательность деятельности организаций Свердловской области
в сфере обработки и утилизации отходов

Объемы отходов	Технологические возможности	Перспективы развития в регионе	Основные участники рынка	Вызовы и риски
*ТКО: ежегодно в Свердловской области образуются до 2 млн т твердых; коммунальных отходов; *промышленные отходы (объемы промышленно-коммунальных отходов выше, учитывая развитие промышленности региона (металлургия, машиностроение, химическая промышленность); *строительные отходы (активное строительство и реконструкция объектов также способствует образованию больших объемов строительного мусора)	*сортировка: внедрение современных мусоросортировочных линий позволяет выделять полезные фракции для дальнейшей переработки); * переработка: в регионе развиваются технологии переработки пластика, стекла, металлов и бумаги; Утилизация: используются методы захоронения на полигонах, а также технологии сжигания отходов с получением энергии (Waste-to-Energy)	*увеличение доли переработки (в рамках нацпроекта «Экология» планируется увеличить долю перерабатываемых отходов до 36 % к 2024 г.; *развитие инфраструктуры (строительство новых мусоросортировочных комплексов и перерабатывающих предприятий); *внедрение раздельного сбора (постепенное внедрение системы раздельного сбора отходов среди населения); *привлечение инвестиций (сфера переработки и утилизации отходов становится более привлекательной для частных инвесторов благодаря государственной поддержке и растущему спросу на экологические решения)	*региональные операторы (в рамках реформы ТКО в Свердловской области определены региональные операторы, отвечающие за сбор, транспортировку и утилизацию отходов. *перерабатывающие компании (крупные предприятия ООО «Экопром», ООО «Термопласт», ОАО «Экоменджмент» и др.) *экологические организации (активную роль играют общественные организации, продвигающие идеи раздельного сбора и переработки отходов)	*недостаток финансирования (для развития инфраструктуры требуются значительные инвестиции); *низкая экологическая культура населения (недостаточная осведомленность населения о важности раздельного сбора и переработки отходов); *технологические ограничения (не все виды отходов могут быть эффективно переработаны с использованием существующих технологий)

Источник: составлено авторами на основе данных сайта «СПАРК». [Электронный ресурс]. URL: <https://spark-interfax.ru/> (дата обращения: 10.03.2025).

Оценка инвестиционной привлекательности деятельности организаций в сфере обработки и утилизации отходов в регионе должна осуществляться комплексным подходом. Предлагается следующий алгоритм оценки и его экономическое содержание. Первично необходимо сформулировать цель оценки для привлечения инвестиций, оценки эффективности деятельности организаций, разработки стратегии развития. Следующим этапом необходимо выбрать метод оценки (для определения фактора может быть разный метод оценки); определить критерии оценки (финансовая устойчивость, технологическая оснащенность, инновационность методов, уровень автоматизации процессов и др.); методологию оценки (количественные и качественные показатели, взвешивание критериев); алгоритм расчетов (сбор данных, нормализация и оценка, расчет интегрального показателя, ранжирование); анализ чувствительности (проверка устойчивости модели к изменению весовых коэффициентов); визуализация и отчетность (карта рисков, дашборды с ключевыми метриками).

Далее рассмотрим состояние рынка, на котором функционируют организации в сфере обработки и утилизации отходов в Свердловской области. Свердловская область является одним из наиболее промышленно развитых регионов России, что обуславливает значительные объемы образования отходов, включая твердые коммунальные отходы (ТКО), промышленные и строительные отходы. Представим инвестиционную привлекательность деятельности организаций Свердловской области в сфере обработки и утилизации отходов (табл. 2).

Свердловская область, как промышленный регион с высокой концентрацией металлургических, горнодобывающих и машиностроительных предприятий, формирует значительный объем отходов. Однако рынок их обработки и утилизации находится в стадии развития, сталкиваясь с вызовами, характерными для многих регионов России. К основным проблемам рынка относим: дефицит мощностей (существующие перерабатывающие заводы загружены на 60–70% из-за логистических сложностей); низкая рентабельность (высокая зависимость от субсидий и господдержки); технологическое отставание (нехватка современных решений для обработки опасных отходов (химические, медицинские); инвестклимат (риски связаны с изменением законодательства и низким спросом на вторичное сырье (например, Recycled PET дешевле первичного на 20%)). Развитие деятельности рыночных субъектов на данном рынке сопряжено

с возникновением рисков, но тем не менее в области поставлены амбициозные задачи и определены перспективы развития: льготные кредиты (до 5% годовых) для проектов по переработке в рамках нацпроекта; развитие экотехнопарков (планируется создание в Нижнем Тагиле); рост спроса на вторичные материалы со стороны строительной отрасли; к 2030 г. рынок переработки может вырасти в 2,5 раза за счет новых объектов и логистики (внедрение IoT для мониторинга отходов).

Заключение

На основе проведенного исследования в Свердловской области выявлены проблемы: высокий уровень накопления отходов (в регионе накоплено большое количество отходов, включая несанкционированные свалки); недостаток мощностей для переработки (существующие мощности по переработке и утилизации отходов не покрывают потребности региона); низкий уровень сортировки и переработки (большая часть отходов по-прежнему направляется на полигоны, а не на переработку).

Таким образом, сфера обработки и утилизации отходов представляет собой перспективное направление для инвестиций благодаря сочетанию экологической значимости, государственной поддержки, технологических инноваций и экономической выгоды. Однако успех инвестиций во многом зависит от тщательного анализа рисков, выбора правильных технологий и стратегического планирования.

Список литературы

1. Арустамов Э.А., Леонов В.В., Павлов А.П., Хомутова И.В., Челябинна О.И. Фундаментальный научный труд по проблемам отходов в РФ // Отходы и ресурсы. 2021. № 3. URL: <https://resources.today/PDF/06ECOR321.pdf> (дата обращения: 11.03.2025). DOI: 10.15862/06ECOR32.
2. Губанова Е.В., Скворчинский Е.К. Оценка уровня инвестиционной привлекательности промышленного предприятия // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 12–1. С. 49–56. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=3865> (дата обращения: 17.06.2025). DOI: 10.17513/vaael.3865.
3. Квон Г.М., Князева Е.Г. Региональные особенности реализации программы привлечения инвестиций в муниципалитетах Свердловской области // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 2. С. 55–58. URL: <https://www.vestnykeps.ru/0223/11.pdf> (дата обращения: 11.03.2025).
4. Сухоруков А.И., Захарова Е.А. Актуальные подходы к развитию экономики замкнутого цикла в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2021. № 5. С. 33–44. URL: <https://vest.rea.ru/jour/article/view/1161> (дата обращения: 02.02.2025). DOI: 10.21686/2413-2829-2021-5-33-44.
5. Колоткина О.А., Ягофарова И.Д. Экспертиза нормативных правовых актов (проектов) как институт Российского законодательства: теоретико-правовой аспект исследования // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 8. С. 35–39. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-8-35-39.

6. Егорова Л.Г., Зубкова У.Ю. Бухгалтерский учет отходов производства в пищевой промышленности // Научное обозрение. Экономические науки. 2020. № 1. С. 26–30. URL: <https://science-economy.ru/ru/article/view?id=1033> (дата обращения: 17.06.2025).
7. Мансуров Г.З. Предпринимательские риски: обзор эволюции доктрины, законодательства и судебной практики // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023. Т. 12. № 4. С. 146–154. DOI: 10.24412/2225-8264-2023-4-146-154.
8. Разумовская Е.А., Халин В.И. Методика формирования финансового инструментария инвестиционных проектов с использованием концессионного механизма // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 245. № 1. С. 259–280. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-245-1-259-280.
9. Пушкарев В.Ю. Качество жилищно-коммунальных услуг как экономическая категория // Региональная и отраслевая экономика. Экономические науки. 2024. № 1 (230). С. 137–142. DOI: 10.14451/1.230.137.
10. Ермолаева Ю.В. Мобильные приложения в управлении отходами: всемирные и российские тренды // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 2. Т. 4. С. 58–68. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-5.
11. Рыкова И.Н., Шкодинский С.В., Юрьева А.А. Зарубежный опыт регулирования обращения с твердыми коммунальными отходами и его адаптация к российским условиям // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 7. С. 1759–1776. DOI: 10.18334/epp.11.7.112326.
12. Плохих Ю.В. Оценка современного состояния региональной системы обращения с твердыми коммунальными отходами (на примере Омской области) // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 10. С. 2417–2430. DOI: 10.18334/epp.11.10.113722.
13. Прядилина Н.К., Зиновьева И.С., Скворцов Е.А. Экономическая оценка последствий лесных пожаров (на примере Уральского федерального округа) // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2024. Т. 12. № 1 (64). С. 79–94. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/82152/view> (дата обращения: 21.03.2025).
14. Шелковников С.А., Кузнецова И.Г., Глотко А.В. Развитие предпринимательского потенциала региона на основе кооперации // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2024. № 1. С. 60–65. DOI: 10.21209/2227-9245-2024-30-4-102-112.
15. Кузьмин О.С., Луценко А.Н., Каменчуков А.В., Куликова Е.С. Оценка загрязняющего воздействия локальных разливов нефтепродуктов на окружающую среду при их выгрузке из железнодорожного транспорта // Транспортное машиностроение. 2025. № 2 (38). С. 25–32. DOI: 10.30987/2782-5957-2025-2-25-32.